

Публикуется при поддержке РФФИ (проект р-Сибирь 08-08-98018) и РГНФ (проект 10-01-00028а, «Коренные малочисленные народы города: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока»).

Ответственные редакторы:

д.и.н. М.Ю. Мартынова, к.и.н. Н.А. Лопуленко

Рецензенты:

д.г.н. М.В. Рагулина, к.и.н. Т.В. Лукьянченко

Сирин А.А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века. М.: ИЭА РАН, 2010. – 185 с. –

ISBN 978-5-4211-0022-5

Книга посвящена анализу социально-экономических изменений периода перестройки 1990-х годов у коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Полевые исследования, на которых основана книга, проведены в Иркутской области, республике Саха (Якутия) и Магаданской области. В книге публикуются интервью с представителями эвенков, эвенов, камчадалов.

Для этнографов, историков, государственных служащих, студентов и преподавателей.

Для оформления обложки использовано фото бисерного панно мастерицы из Аллаиховского района Якутии, представленного на V Международной выставке-ярмарке «Сокровища Севера», Москва, 2010.

ISBN 978-5-4211-0022-5

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2010

© Текст и фото – А.А. Сирин, 2010

© Е.В. Орлова – художественное оформление, 2010

Содержание

Введение	3
----------------	---

Часть I.

Современные проблемы народов Севера Магаданской области. 1998.	9
--	---

<i>Интервью</i>	38
-----------------------	----

Часть II.

Родовые общины народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? 1999.	61
--	----

<i>Интервью</i>	100
-----------------------	-----

Часть III.

Народы Севера в Иркутской области. 2001.	127
---	-----

<i>Интервью</i>	164
-----------------------	-----

Заключение	178
------------------	-----

Введение

Российская часть Арктики рассматривается Россией как геополитический регион, в т.ч. в связи с запасами углеводородного сырья на шельфе, новыми возможностями Северного морского пути, открывшимися вследствие глобального потепления. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – народы Севера) – небольшая, но очень чувствительная часть Российской Арктической политики, поскольку их проблемы тесно связаны с состоянием экологии в регионе, а также с соблюдением прав меньшинств.

По Переписи 2002 года численность 40 официально признанных народов Севера в России – 252 тыс. человек, в 28 субъектах РФ. Их отличает экстремальность территорий проживания; малочисленность, т.е. уязвимость; традиционное природопользование, особая связь с землей и образ жизни. Эти обстоятельства объединяют их в интерэтническую общность в России от ее западных границ до восточных. И одновременно они являются частью народов циркумполярной культуры, а также мирового сообщества коренных народов в целом.

В статье 69 Конституции Российская Федерация обязуется гарантировать права этих народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. В конце XX – начале XXI веков был принят пакет законов, устанавливающих правовой статус северных народов России. «Наделяя народы Севера особыми правами, демократическое правовое государство, каким стремится быть Россия, оказывает поддержку этим народам, во-первых, защищая их от дискриминации, во-вторых, заботясь о том, чтобы они имели возможность

сохранять и развивать свою самобытность и конкурентоспособность»*.

Период, который предшествовал принятию федеральных законов, гарантирующих права народов Севера, характеризовался большой законотворческой активностью регионов, так как этого от них требовала сама жизнь. В этой книге исследуется период перехода народов Севера России от социалистической к капиталистической системе хозяйствования и природопользования.

В работе анализируются социально-экономические и культурные трансформации у малочисленных народов Севера в трех регионах России: Магаданской области, республике Саха (Якутия) и в Иркутской области. Каждый из избранных регионов имеет свою географическую, природно-климатическую, административную, социально-экономическую, этническую специфику. Для меня их важной общей характеристикой было то, что во всех трех субъектах живут народы Севера. В частности, это представители тунгусо-маньчжурской языковой семьи – эвенки и эвены, традиционно охотники-оленьеводы, расселенные наиболее дисперсно на территории Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эвенки оказались в границах десяти административных образований, эвены – пяти.

Полевые материалы, на которых основана эта работа, были собраны автором в экспедициях 1992–2002 гг., финансировавшихся Институтом этнологии и антропологии РАН, а также в рамках проектов, поддержанных Российским Гуманитарным Научным Фондом («Эвены на пороге XXI века: преемственность культуры в условиях выживания»), фондом МакАртуров («Земля и жизнь в культуре эвенов Республики Саха (Якутия): традиции, законы, практика»), и на заключительном этапе – Юбилейным фондом Шведского банка. Отчеты по проектам в свое время были опубликованы в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии Российской академии наук

* Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

тиражом в сто экземпляров каждый. Эти публикации оказались доступны крайне ограниченному кругу читателей.

Книга состоит из трех частей, в целом выдержанных в одном стиле, поскольку работа шла по схожим программам. Особое внимание уделено изучению путей и способов перехода экономики народов Севера на новые модели, адаптацию к экономическим условиям периода перестройки.

В книге показаны демографические сдвиги тех лет на Севере, прослеживаются особенности природопользования народов Севера, процессы демодернизации советской системы традиционного хозяйства, переконфигурация хозяйственных коллективов и возникновение новых субъектов традиционного природопользования, специфика землепользования, адаптационный потенциал традиционного хозяйства народов Севера. Затронут опыт правового урегулирования проблем народов Севера с опорой на анализ регионального законодательства в конкретных регионах: ученые-юристы тогда еще не проявляли внимания к этой теме.

Научный интерес к животрепещущим проблемам современной жизни народов Севера возник с начала 1990-х годов, что было связано с историческим периодом времени, который переживала Россия и на который пришлось мои исследования. Экспедиционная работа в республике Якутия Российской Федерации и стажировка в Австралии развили этот интерес.

Трехмесячная стажировка в Североавстралийском исследовательском центре при Австралийском национальном университете в г. Дарвине была организована известным австралийским социальным антропологом Деборой Бёрд Роуз. В библиотеке Центра я знакомилась с литературой по австралийскому опыту урегулирования проблем землепользования аборигенов. Общение с австралийскими учеными и простыми людьми, встречи с политическими деятелями, которые в 1960–1970-е годы сыграли важную роль в даровании прав аборигенам Австралии – Н. Кумбсом, бывшим премьер-министром Австралии Р. Уитлэмом, присутствие на судебных слушаниях по искам австралийских аборигенов, поездки по Северной Территории с увлеченным австралийским историком Дарреном Льюисом расширили кругозор и приоткрыли

новые исследовательские перспективы. Несмотря на существенные различия в государственном устройстве России и Австралии, разный исторический опыт, бросалось в глаза сходство проблем аборигенов в обеих странах. Поэтому австралийский опыт решения аборигенных проблем оказался полезным и для российской аудитории*.

Формированием устойчивого интереса к современным проблемам народов Севера России я обязана Якутии. В те годы в республике шел непростой, неоднозначный процесс поиска своего места в «новой» России. В частности, велась активная работа по решению проблем народов Севера, явственно ощущался живой и напряженный пульс жизни, происходила переоценка ценностей, переплетались интересы различных социальных и этнических групп – все это было исключительно сложно, интересно, порой драматично, но в целом работало на позитивную долгосрочную перспективу. Я присутствовала на заседаниях в правительстве РС(Я) по проблемам северных народов, беседовала с ответственными чиновниками Министерства по делам малочисленных народов РС(Я) (с 1994 г. – Министерства по делам народов Якутии), в Законодательном собрании Якутии – Ил Тумэн, встречалась с депутатами от северных регионов. Сопоставляя этот опыт с результатами экспедиционной работы среди охотников и оленеводов в отдаленных регионах Якутии, удалось глубже проникнуть в проблематику народов Севера Республики Якутия и России в целом.

Исследования, проведенные на рубеже веков, сейчас приобрели историческую ценность, поскольку характеризуют наиболее сложный период, который пришлось пережить народам Севера, да и всем нам, в конце XX века, период, который по своему драматизму и последствиям сравним только с экономической модернизацией 1920–1930-х годов, но с противоположным экономическим знаком.

В науке это время отмечено апробацией новых методологических подходов, активным изучением экономики, земле-

* Сирина А.А. Возвращая аборигенам землю (Северная Территория Австралии) // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 107–119.

пользования, природопользования и хозяйственной организации народов Севера. Этногеографический подход в этнографии был характерен для 1920-х годов. В конце 1990-х годов вновь произошло сближение этнологии, географии, а также экологии в рамках этно-географо-экологических подходов. Произошло оформление в этнологии такой дисциплины, как юридическая антропология.

Научных монографий и статей, основанных на полевых материалах, по предложенной тематике в отечественной этнологии немного, а исследований, проведенных в избранных мной регионах, практически нет. В полевой сезон 1998 года в г. Якутске мне встретились японские, английские, американские, канадские ученые и ни одного российского. Либерализация научного поля пришлась как раз на эти годы, и потому неудивителен был интерес наших зарубежных коллег к вопросам землепользования и новым формам хозяйственной организации народов Севера. Этот интерес выразился в тематике конференций, статей, направлений работы целых коллективов. Сейчас научный интерес и в России, и за рубежом переключился на вопросы идентичности, а также на проблемы взаимоотношений промышленных, в первую очередь нефтегазодобывающих, компаний, государства и народов Севера.

Каждая часть книги сопровождается несколькими интервью с представителями народов Севера, которые были проведены в 1999–2001 гг. по вопроснику, разработанному в рамках коллективного международного исследования. Среди предлагаемых вопросов были шесть: 1. биографические сведения; 2. описание экономической ситуации в регионе; 3. знание о традиционном образе жизни; 4. отношения с культурой большинства; 5. знание своего языка, культуры, традиций; 6. политические вопросы. В таком порядке представлены ответы в интервью, которые еще не публиковались на русском языке*. Среди опрошенных мной людей были

* В отредактированном виде интервью опубликованы на английском языке в книге: L. Sillanpaa. *Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: The Small Indigenous Nations*

представители разных социальных слоев местного сообщества: оленеводы, охотники, чиновники, врачи, учителя. Многие из моих информантов обладали терпением и оптимизмом, большим жизненным опытом и пришедшей с ним житейской мудростью, а некоторые – удивительным даром слова. Давнее желание включить голоса представителей самих народов Севера в научный контекст, что отвечает мировым тенденциям развития антропологии, исполняется в этой книге. В нее включена лишь малая часть интервью, но они вполне репрезентативны. Размышления людей о ситуации тех лет, их напряженный поиск своей культурной идентичности и места в современном глобализованном мире, мнения по различным вопросам социально-экономической и культурной жизни, устные истории, опыт выживания переходного периода – все это живые свидетельства ушедшей эпохи, ценность которых с течением времени будет только возрастать.

Благодарю моих дорогих информантов и всех, кто помог провести это исследование. Я также признательна сотрудникам ИЭА РАН О.Л. Миловой и В.В. Степанову за помощь в подготовке этой книги к печати.

Надеюсь, что книга окажется небезынской для тех, кто занимается проблемами истории и этнографии Российского Севера.

Часть I

Современные проблемы народов Севера Магаданской области. 1998*

Магаданская обл. образована 3 декабря 1953 г., занимает территорию 461,4 тыс. км². С севера и северо-запада граничит с Республикой Саха (Якутия), с северо-востока – с Чукоткой, с востока – с Камчатской обл., с юго-запада – с Хабаровским краем**. Территория занята преимущественно Колымским нагорьем, лишь в прибрежной зоне встречаются

* Современное социально-экономическое положение народов Севера Магаданской области. М.: ИЭА РАН, 1998. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 118).

** Статья написана специально для серии «Неотложная этнология» по итогам экспедиционной поездки в Магаданскую область Российской Федерации в июле–августе 1997 г., осуществленной за счет средств РГНФ (проект № 97-01-00342 «Эвены на пороге XXI века: преемственность культуры в условиях выживания»). Программа работы включала в себя встречи, беседы и интервью с представителями органов законодательной и исполнительной власти, местных национальных элит (г. Магадан, п. Ола, п. Эвенск), а также с рыбаками, оленеводами, охотниками. Знакомство с их жизнью помогло составить представление о современных проблемах аборигенного населения одного из самых отдаленных регионов России. В статье использованы материалы Статистического управления Магаданской обл., местной периодической печати, собственные полевые материалы. Пользуюсь случаем поблагодарить заведующего отделом народов Севера Магаданской областной администрации Дмитрия Петровича Коравье, его заместителя Марию Алексеевну Бех, главу администрации Северо-Эвенского района Виктора Николаевича Проказина за содействие в выполнении намеченного плана работ. Большую помощь в сборе материалов и их осмыслении оказали глава ассоциации малочисленных народов Севера Ольского района Александр Георгиевич Смирнов, председатель совета директоров национальных предприятий Ольского района Родион Акимович Данилов, а также Ирина Александровна Волкова, Марфа Федоровна и Иван Семенович Коркопские, Константин Алексеевич Ханькан.

низменные участки. Практически вся территория области находится в зоне многолетней мерзлоты. Средние температуры июля – плюс 18–20 С°, января – минус 20–23 С°. Главная река – Колыма в ее верхнем и среднем течении. Лесами покрыто около 15% территории области. В лесах обитают мясные и пушные животные, в том числе имеющие промысловое значение. Территория области богата биологически возобновляемыми природными ресурсами, прежде всего рыбой и морепродуктами. В недрах содержатся богатые залежи минеральных невозобновляемых природных ресурсов. Это – россыпные и рудные месторождения золота, серебра, олова, меди, молибдена, ртути, сурьмы, а также запасы угля, нефти и газа, в т.ч. на примагаданском шельфе.

Численность населения Магаданской обл. на 1.01.97 составила 251 тыс. чел., в том числе – русские (более 75%), украинцы, белорусы, татары, др. В области проживает 5852 представителя малочисленных народов Севера (2,3% от общего числа населения) – эвены, ительмены (камчадалы), коряки, др. Средняя плотность населения – 0,6 чел. на 1 км², около 81% населения – городское. Административный центр области – город Магадан, где проживает 124,2 тыс. чел. (1996), крупный морской порт на северном побережье Охотского моря. На гербе города Магадана, в его верхней части, изображен в стремительном прыжке легендарный золотой олень, олицетворяющий одновременно две главные отрасли хозяйства Магаданской обл., – добычу золота и оленеводство. Нижняя часть герба символизирует Магадан как морские ворота Колымы¹.

Магаданская область имеет огромный ресурсный потенциал, который все еще не оценен в полной мере, что приводит к односторонности развития этого богатейшего региона.

Административное устройство

Территория современной Магаданской обл. была присоединена к России во второй половине XVII в., находилась в управлении Камчатской области. В XIX в. часть ее территории вошла в состав Приморской обл., созданной в период присоединения Приамурского края (Охотская и Гижигинская

округи), а также в состав Якутской области. С 1909 г. побережье было разделено на два уезда: Охотский и Гижигинский, которые входили до 1923 г. в Камчатскую область (губернию). Колымские районы относились к территории созданной в 1922 г. Якутской АССР. В 1930 г. в составе Камчатской обл. были образованы 3 национальных округа: Охотско-Эвенский, Корякский и Чукотский.

В 1931 г. был создан Дальстрой – Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в бассейне верхней Колымы. Будучи фактически автономным образованием, формально он относился к Хабаровскому краю. В 1939 г. был образован Колымский округ в составе Ольского, Среднеканского, Северо-Эвенского национальных районов; он просуществовал один месяц.

Магаданская обл. была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 декабря 1953 г. в составе города Магадана, Среднеканского, Ольского, Северо-Эвенского, Сусуманского, Тенькинского, Ягоднинского районов и Чукотского национальных округов, выделенных из состава Хабаровского края². В настоящее время в области существует 1 город и 8 административных районов: Ольский, Среднеканский, Сусуманский, Ягоднинский, Тенькинский, Хасынский, Северо-Эвенский, Омсукчанский. Северо-Эвенский район возник в результате передачи территорий Верхнегижигинского, Верхнепареньского, Гижигинского и Тайгоносского сельсоветов из Корякского н.о. (Камчатской обл.) в Магаданскую обл. В 1954 г. в результате разукрупнения Среднеканского района образовались Сусуманский, Ягоднинский, Тенькинский, Омсукчанский районы. Чукотский а.о. в 1993 г. стал самостоятельным субъектом Российской Федерации.

Население области (краткий исторический обзор)

Ко времени второй половины XVII в., когда первые русские люди появились на побережье Охотского моря, этот регион уже был зоной активных этнических контактов между эвенками – охотниками-оленьеводами, переселившимися с запада, пешими тунгусами – выходцами с юга и юго-запада и коряками³. Предания, сохранившиеся до сих пор, рассказы-

вают о межплеменных войнах между коряками и эвенками. Эвены, жившие в районах Колымы и ее притоков, вели кочевой образ жизни, занимались охотой и оленеводством, на лето передвигались к побережью Охотского моря, чтобы сделать запасы рыбы. Приморские эвены в своей основе были, по-видимому, потомками т.н. «сидячих» (оседлых) тунгусов. Их основными занятиями были рыболовство и промысел морского зверя. Коряки жили на полуострове Камчатка и приграничных с ним районах, занимаясь оленеводством, промыслом морского зверя и рыболовством (береговые). Побережье Охотского моря было зоной активных этнических контактов эвенов, коряков, русских, якутов: происходил межкультурный обмен, заключались смешанные браки, в результате чего к первой половине XX в. здесь сложилось специфичное, смешанное в этническом отношении население, которое стало называть себя камчадалами, а прежде именовалось ямскими крещеными коряками (п. Ямск), туманскими крещеными коряками (п. Туманы), сидячими тунгусами (п. Армань, Ола), тауйскими якутами (п. Тауйск)⁴. По Приполярной переписи 1926–1927 гг. в границах современной Магаданской обл. проживали примерно 3000 эвенов, 1300 коряков, 500 камчадалов, 812 русских, 152 якута⁵. Территория, особенно ее глубинные районы, была слабо заселена и освоена вплоть до 1930-х годов.

В XX в. Магаданская обл. стала известна как одна из наиболее крупных золото- и серебросодержащих провинций России. Начало активному промышленному освоению территории положила экспедиция 1928 г. под руководством Ю.А. Билибина и В.А. Цареградского, которой были обнаружены крупные россыпи золота в бассейне р. Колымы. Дальстрой руководил промышленной добычей золота, используя труд заключенных Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (часть ГУЛАГа). В эти годы шло интенсивное строительство Колымской автотрассы (до 260 км в год), связывающей порт Нагаево с приисками р. Колымы. Заселялись прежде всего северо-западные районы области вдоль строящейся колымской трассы и вблизи приисков, что изменило ареал расселения коренных народов Севера. В середине 1950-х годов происходил отток населения в

центральные районы страны. Вскоре, в 1960–1970-е годы, начался обратный процесс: люди разных национальностей приезжали на Север добровольно, привлеченные высокими заработками и северными льготами. Это была особая политика стимулирования государственного переселения на Север. Большинство приезжего населения расселялись в городах области – Магадане и Сусумане, и в северо-западных и центральных районах. Экономические реформы 1990-х годов привели к интенсивным миграциям приезжего населения обратно на «материк». Численность рабочих и служащих в районах проживания народов Севера в Магаданской обл. сократилась с 48211 чел. в 1985 г. до 15208 чел. в 1996 г. (на 31,5 %), в первую очередь – в промышленности, геологии, сельском хозяйстве, транспорте, связи, строительстве. Число занятых выросло только в аппарате органов государственного и хозяйственного управления⁶. В настоящее время отрицательное сальдо миграции (– 5 тыс.) сохраняется, хотя процессы оттока населения значительно замедлились.

Приезжее население разных национальностей, связанное преимущественно с горнодобывающими отраслями хозяйства, и, как правило, рассматривающее свое пребывание на Севере как временное, представляет собой, условно говоря, культуру «большинства»⁷. Эта культура отличается от культуры «меньшинства», основу которого составляют народы Севера Магаданской обл. – эвены, коряки, ороchi, камчадалы. «Меньшинство», для которого земля Колымы и Охотского побережья – родная земля уже с давних времен, никуда не собирается уезжать, что показали последние годы. Конечно, такое разделение лишь условное: структура, другие параметры этих двух групп населения не остаются неизменными, находятся в постоянной динамике: идут процессы формирования новой этнокультурной реальности. Обе выделенные группы неоднородны: так, «меньшинство» состоит по крайней мере из трех, в той или иной степени взаимосвязанных, подгрупп – ведущих «традиционное» хозяйство, ориентированных в основном на присвоение природных ресурсов; жителей поселков; жителей больших городов. Кроме того, здесь много смешанного населения, которое объективно является «каналом» связи между народами и культурами.

Будучи регионально единым населением, все его группы взаимосвязаны и взаимозависимы, так, что резкие изменения в среде «большинства» незамедлительно сказываются на «меньшинстве», и наоборот. Цель этой работы – привлечь внимание к «меньшинству», живущему в регионе, и к его современным проблемам.

Народы Севера: особенности расселения, демография

В Магаданской обл. живут 5852 чел. из числа народов Севера, – 3169 эвенов, 1150 ительменов/камчадалов, 1013 коряков, 83 чукчей, 38 эскимосов, – всего 15 из 30-ти малочисленных народов Севера (остальных – по 1–2 человека). Хотя численность народов Севера в Магаданской обл. сократилась по сравнению с 1995 г. на 6%, их доля в общей массе сельского населения увеличилась и составила 27% против 10,2% в 1985 г. Это произошло за счет интенсивного оттока приезжего населения. Общая численность сельского населения снизилась по сравнению с 1986 г. на 39,1%, по сравнению с 1995 г. на 8% и составила 9,8 тыс. чел.⁸. Большинство коренного населения (2634 чел.), как и прежде, живет в сельских районах области. Оно наиболее многочисленно в Северо-Эвенском (2150 чел.) и Ольском (1827 чел.) районах. Затем идут Омсукчанский (450), Среднеканский (349), Тенькинский (195), Ягоднинский (65), и Хасынский (58) районы. В городе Магадане проживает 1243 чел. малочисленных народов Севера⁹. Приводимая ниже таблица¹⁰ дает более подробное представление о населенных пунктах Магаданской обл., в которых компактно проживает коренное население.

Современная структура расселения народов Севера в Магаданской обл. такова, что их практически нет в северо-западных районах области, откуда они (в основном эвены) были вытеснены в результате развития золотодобывающей промышленности.

Район	населенные пункты	численность населения	%
-------	----------------------	--------------------------	---

Современные проблемы народов Севера Магаданской области

Район	населенные пункты	численность населения		%
		Всего	Народов Севера	
<u>Ольский</u>	<i>с. Тауйск</i>	988	307	31
	<i>с. Гадля</i>	708	130	18,3
	<i>с. Тахтоямск</i>	456	289	63,3
	<i>с. Ямск</i>	240	161	67
	<i>н.п. Туманы</i>	нет данных		
<u>Омсукчанский</u>		415		
	<i>р.п. Омсукчан</i>	нет данных		
<u>Северо-Эвенский</u>	<i>п. Буксунда</i>	95	51	53,7
	<i>п. Северо-Эвенск</i>	5700	2889	50,6
	<i>п. Гарманда</i>	441	288	65,3
	<i>п. Гижига</i>	843	533	63,2
	<i>с. Верхняя Парень</i>	252	244	95,2
	<i>п. Чайбуха</i>	683	160	46,8
	<i>п. Малая Чайбуха</i>	127	80	63
	<i>п. Тополовка</i>	290	251	86
			349	
	<i>с. Колымское</i>		62	
<u>Среднеканский</u>	<i>р.п. Сеймчан</i>		204	
	<i>с. Балыгычан</i>		15	
	<i>п. Буюнда</i>		—	
			195	
<u>Тенькинский</u>			195	
<u>Хасынский</u>	<i>р.п. Палатка</i>		68	
<u>Ягоднинский</u>			55	

Коренное население к настоящему времени живет в глубинных районах севера области и на северо-востоке, а также в прибрежной зоне Охотского моря. Процессы вытеснения эвенов продолжаются и в настоящее время, но сейчас они связаны со свертыванием золотодобычи и ликвидацией горняцких поселков.

Демографические процессы, протекающие среди аборигенов Магаданской обл., в целом сходны с другими северными регионами России. Привлекающий внимание всплеск рождаемости, приходящийся на 1990–1991 годы, произошел вследствие национального самоопределения народов Севера.

ра, когда, например, дети, родившиеся в смешанных браках, регистрировались по национальности родителя-аборигена. Число родившихся остается на стабильном уровне у коряков (25 в 1985 г., 23 в 1996 г.) и у ительменов (6 чел. в 1985 г., 7 чел. в 1996 г.). Только у эвенов заметно значительное снижение рождаемости (с 47 в 1985 г. до 28 в 1996 г.). Смертность за десятилетие 1985–1996 гг. у коряков и эвенов осталась на прежнем уровне, у ительменов увеличилась вдвое.

Естественный прирост среди народов Севера Магаданской обл. в 1985 г. составил 33 чел., в 1990 г. 58 чел., в 1996 г. впервые стал отрицательным (–1), т.е. число умерших превысило число родившихся (на 2%). Ситуация разная в разных этнических группах: коряки имеют хороший естественный прирост (14), отрицательный прирост имеют эвены (–6) и ительмены (–5). Численность коряков выросла с 611 чел. в 1985 г. до 792 чел. в 1996 г.; соответственно у ительменов – с 312 до 350. В то же время численность эвенов сократилась за тот же период – с 1470 до 1367, орочей – с 91 до 84 чел.¹¹ По демографическим показателям наиболее стабильную группу малочисленных народов Севера Магаданской обл. представляют коряки. Имеется много смешанных браков как между представителями разных аборигенных этносов, так и с приезжим населением, что особенно заметно в прибрежных районах.

Законодательные акты о народах Севера

Социально-экономическая и хозяйственная деятельность народов Севера Магаданской обл. регулируется федеральными и местными законодательными актами и постановлениями. Здесь приняты: Постановление главы администрации Магаданской обл. «О реализации Указа Президента РФ от 22.04.92 № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» от 23.06.92 № 106; «Временное положение о территориях традиционного природопользования малочисленных народов и этнических групп Севера в Магаданской области» от 21.06.93, принятое во исполнение Указа Президента «О неотложных мерах по защите мест прожива-

ния и хозяйственной деятельности народов Севера»; «Положение о принципах, условиях и механизмах экономической поддержки хозяйствующих субъектов аборигенов Магаданской области» № 121 от 31.05.94; Постановление администрации Магаданской обл. «Об образовании фонда финансовой поддержки хозяйствующих субъектов аборигенов» от 12.05.95 № 78.

Во «Временном положении...» установлен правовой статус земель, относящихся к территориям традиционного природопользования (далее – ТТП), которые определены в нем как «земли исторически сложившегося проживания малочисленных народов и этнических групп Севера в Магаданской обл., фактического природопользования и ведения традиционной хозяйственной деятельности». Народам Севера дано право приоритетного землепользования (аренды, владения), а не собственности, исходя из обычаев традиционного хозяйственного землепользования в прошлом (п. 1.4). ТТП являются пожизненно наследуемым владением, передаются бесплатно или арендуются, «продаже, дарению, залогу не подлежат» (ст. VI). Права на землю распространяются только на возобновляемые природные ресурсы. В Положении определены порядок установления и районирования ТТП (ст. II). Субъектами права на ТТП названы хозяйствующие субъекты аборигенов (независимо от формы собственности) и отдельные граждане из числа лиц народов Севера, а также выходцы из смешанных браков, ведущие традиционное хозяйство, ограничения которого могут быть только соответствующие законы по охране окружающей среды (ст. VI)¹².

Временное Положение оговаривает, в частности, взаимоотношения государства, горнодобывающих компаний и аборигенного населения. Оно составлено таким образом, что право на ТТП народов Севера является чисто декларативным, поскольку в Положении предусмотрена возможность принудительного изъятия «частично или полностью» земель ТТП государством, за что землепользователи должны получить компенсации в полном объеме (п. 3 ст. VI). При этом не оговорен порядок (причины, условия, механизмы) такого принудительного изъятия, а также совершенно неясно, каким образом ассоциации народов Севера контролируют этот

процесс. Кроме того, это находится в противоречии со ст. I п. 6 Положения, где говорится о том, что «земли ТТП не подлежат отчуждению под промышленное и иное освоение, не связанное с традиционным природопользованием, без письменного согласия соответствующих местных, районных и областных ассоциаций». Далее, контроль за использованием ТТП осуществляют прежде всего органы исполнительной власти, конституционные органы, и лишь затем – ассоциации народов Севера, которые не имеют полномочий власти, т.к. являются добровольными общественными организациями. Землепользователям дано право самостоятельно решать такие вопросы, как согласование использования промышленных лесных ресурсов, временного отвода части земель под промышленные нужды, – на условиях полной компенсации ущерба и упущенной выгоды (ст. VI, п. 2, 3, 4), но при этом не оговорены условия компенсации и не разработан ее механизм (ст. VII)¹³.

Два основных вопроса, решения которых законодательным путем ожидает местное население, – это проблема разграничения собственности на землю и ресурсы. Магаданская обл. имеет специфику прибрежных районов, когда встают проблемы с разграничением федеральной/областной/районной собственности, в первую очередь на морские биоресурсы. Люди, живущие на побережье, поднимают вопрос не только и не столько о земле, сколько о море и морских биоресурсах.

Промышленность и народы Севера

Горнодобывающая специализация Магаданской обл. с 1920-х годов остается доминирующей. «Золотая Колыма» за период с 1925 по 1995 гг. дала советскому государству 2575 тонн золота¹⁴. Геологоразведочными и добывающими работами занимались две основные организации – «Севвосток-геология» и «Севвостокзолото». До 1980–1990-х годов основную долю цветных металлов давали россыпные месторождения, разрабатывавшиеся открытым способом. Открытие рудных месторождений золота и серебра в 1960–1980-е годы в Омсукчанском и Северо-Эвенском районах

в Омсукчанском и Северо-Эвенском районах привели к постепенному перемещению ареала добычи золота к востоку.

К настоящему времени на территории Магаданской обл. выделяются три территориально-структурных образования, различающиеся по сырьевой ориентации, особенностям хозяйственной структуры, месту в экономике области – Примагаданское, Центральное-Колымское и Восточно-Колымское¹⁵. Примагаданский хозяйственный ареал специализируется на выполнении административно-управленческих функций, имеет транспортные, ремонтно-строительные, энергетические предприятия, фабрики, легкую и пищевую промышленность, рыбозаводы и т.д. Центральное-Колымский ареал (Среднеканский, Сусуманский, Тенькинский, Ягоднинский районы) – горнодобывающий, специализируется на добыче россыпного и рудного золота, серебра, угля, производстве электроэнергии, но в настоящее время является депрессивным¹⁶. Развитие Восточно-Колымского ареала (Северо-Эвенский и Омсукчанский районы) активизировалось в связи с разработкой рудных месторождений.

Рассматриваются три сценария развития экономики Магаданской обл. По первому приоритет отдается горнодобывающей промышленности, с акцентом на рудные месторождения; по второму – возобновляемым природным ресурсам с созданием биохимической промышленности, глубокой переработки сырья; горнодобывающие объекты замораживаются. Наконец, по третьему сценарию, который, с точки зрения его авторов, наиболее приемлем, произойдет комбинация развития горнодобывающей промышленности и биотехнологий¹⁷. Это важный вывод, поскольку в таком случае неизбежно встает вопрос о взаимодействии и поисках компромисса между представителями горнодобывающей промышленности и теми, кто занимается традиционными видами хозяйственной деятельности – охотой, оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, и прежде всего – с коренными малочисленными народами Севера.

Этот диалог наверняка будет непростым, поскольку в структурах и законодательной, и исполнительной власти преобладает технократическое мышление. Мнение главы

администрации Хасынского района разделяют здесь многие, если не большинство: «Я считаю, люди должны осознать: мы живем на Севере ради золота. Будет золото – будем все мы жить. Не будет – значит, не будет ни школ, ни больниц, ни нашей администрации... Все остальное приложится»¹⁸.

Специализация многих поселений на добыче россыпных месторождений золота (обычный срок разработки которых – не более 20-25 лет) привела к нестабильности социально-экономической ситуации, закрытию многих поселков. Кроме того, добыча открытым способом влечет за собой ухудшение экологической ситуации: за 60 лет промышленных разработок россыпей более 200 рек бассейна верхнего течения р. Колымы потеряли рыбохозяйственное значение. По самым оптимистичным прогнозам, требуется не менее 50 лет для их восстановления¹⁹. В 1995–1996 гг. площадь нарушенных земель в области составила 74,8 тыс. га, из них 89% – за счет золотодобычи²⁰. Резкое сокращение промышленной добычи россыпного золота повлекло за собой не только закрытие поселков золотодобытчиков, но и национальных сел в этих районах. Так, национальный поселок Озерное (центральная усадьба бывшего оленеводческого совхоза «Чалбанья») в Сусуманском районе оказался неперспективным, поселок закрыт, оленеводство потеряно, люди переселены в п. Ола Ольского района, п. Сеймчан Среднеканского района, часть уехала в Момский улус соседней Якутии. На грани закрытия национальный эвенский поселок Меренга Омсукчанского района, откуда людей переселяют в р.п. Омсукчан²¹. Судьба национальных сел в районах отработанной золотодобычи не менее, если не более трагична, чем судьба горняцких поселений. В связи с оттоком приезжего населения резко сократилась возможность сбыта оленьего мяса. С другой стороны, негативными последствиями грозит и неконтролируемое развитие промышленности в местах проживания народов Севера. Необходимое равновесие возможно достичь только путем заключения и исполнения справедливых договорных отношений, законов.

В Северо-Эвенском районе разрабатывается рудное золотосодержащее месторождение Кубака, находящееся на землях оленеводческого государственного унитарного муниципаль-

ного предприятия (бывшего совхоза) «Расцвет Севера». Месторождение содержит примерно 84 тонны прогнозируемых запасов золота²². В настоящее время право на его разработку принадлежит российско-американской Омолонской золоторудной компании (ОЗРК). Геологи и областные власти предложили районной ассоциации народов Севера выступить соучредителем компании, взяв под проценты кредит (у областной администрации) и, расплатившись в течение пяти лет, получать доходы.

Побывав в районе и поговорив с людьми, у меня сложилось впечатление, что коренное население плохо информировано о проекте. Компенсация за отторгнутые оленье пастбища (в размере 600 млн. руб. старыми деньгами) в районный бюджет и ассоциацию в полном объеме до сих пор не выплачена. До сих пор не проведена полная экологическая экспертиза проекта, не подсчитан ущерб за возможные долговременные последствия золотодобычи. Особенно много вопросов возникает у общественности (группа представителей от ассоциации народов Севера Северо-Эвенского района посетила Кубаку в марте 1997 г.) в связи с т.н. хвостохранилищем – резервуаром для хранения пульпы – руды, прошедшей через цикл обогащения с помощью цианидов. Представители народов Севера высказывались за проведение дополнительной экологической экспертизы этого опасного объекта. Работники УМСХП лишены возможности реализовывать производимую ими продукцию (оленье мясо, рыбу) непосредственно на фабрику, в то время как продукты завозятся из США. Наконец, неясна судьба людей, занятых оленеводством, в районах производственного кочевания которых построен комбинат, проложен зимник Омсукчан – Кубака. Все эти вопросы вызывают тревогу, тем более, что ОЗРК имеет далеко идущие планы в деле освоения рудных богатств Северо-Эвенского района, – единственного из районов Магаданской обл., еще не затронутым влиянием золотодобычи. Здесь сохраняется девственная природа, пока нет проблем с экологией. В реки, находящиеся на территории района, заходит на нерест рыба ценных лососевых пород. Во многом это обусловлено отсутствием постоянных транспортных коммуникаций, исключая воздушный и водный (мо-

рем) путь. Кроме того, что очень важно, – этот район практически полностью может быть назван национальным, – здесь живут эвены, коряки, ительмены, и они еще сохраняют свои традиционные занятия, а вместе с ними и образ жизни. Принять и исполнять законы, защищающие права и интересы коренного населения, – единственный путь сохранить для будущих поколений и уникальную природу района, и культуру людей, занятых традиционным хозяйством. Так поступают соседи из республики Саха (Якутия), объявившие Момский улус, граничащий с Сусуманским районом Магаданской обл., заповедной территорией, где запрещена любая промышленная деятельность. Это хорошая возможность сохранить для будущих поколений земли и людей, живущих на них.

Сельское хозяйство

В районах области имеются благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, – овощеводства, выращивания кормовых культур, для развития животноводства (в основном в Ольском и Среднеканском районах), а также для развития традиционных отраслей хозяйства народов Севера – северного оленеводства, рыболовства, охоты. Начиная с 1990 г., из-за больших издержек по поддержанию плодородия земель наблюдается сокращение посевных площадей, сохраняется тенденция снижения численности скота. В 1996 г. на развитие экономики и социальной сферы малочисленных народов Севера использовано 211 млрд. руб. капитальных вложений, что наполовину больше уровня 1995 г. и в 3,8 раза меньше уровня 1991 г.²³

В годы советской власти в рамках колхозов и совхозов народы Севера продолжали заниматься оленеводством, охотой, рыболовством. Оленеводство повсеместно приобрело крупнотабунный характер. Рыболовство стало вестись на приустьевых участках рек и в море. Появились новые отрасли хозяйства, например, клеточное звероводство.

Вследствие новых экономических условий хозяйствования, резкого сокращения государственных дотаций, других причин с начала 1990-х годов началась реорганизация совхозов. На первую половину 1997 г. в Магаданской обл. оста-

лось 22 действующих совхоза (вместе с птицефабрикой и зверосовхозом «Магаданский»). Прекратили существование совхозы «Талая», «Тенькинский», «Сусуман», «Чалбанья»; совхозы «Буксунда», «Новый путь», «Рассохинский» превратились в крестьянско-фермерские хозяйства, совхоз «Победа» реорганизован в акционерное общество закрытого типа. На базе бывших совхозов появились предприятия с другими формами собственности: товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО), индивидуальные частные предприятия (ИЧП), общества с ограниченной ответственностью (ООО), сельскохозяйственные муниципальные предприятия (СХМП), крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ) и др. Примерно 70 хозяйственных предприятий имеют статус национальных (хозяйствующий субъект аборигенов, далее – ХСА).

Хозяйствующий субъект аборигенов

Первое положение о национальном предприятии вышло в Магаданской обл. в 1991 г. Национальное предприятие, или ХСА – предприятия, кооперативы и другие объединения, занимающиеся традиционными видами деятельности, использующие природные ресурсы на территориях традиционного природопользования, зарегистрированные на основе Закона РФ «О предприятиях и предпринимательской деятельности». В период подготовки законодательных актов, регулирующих деятельность национальных предприятий, их авторы, в числе которых были и представители местных ассоциаций, натолкнулись на мощную оппозицию. «Она начала нас критиковать, т.к. ни в одном законодательстве не сказано, что же такое национальное предприятие. Мы ушли от слова “национальное” и назвали “хозяйствующий субъект аборигенов” – всех это устроило. Эта категория подтверждается каждый год»²⁴.

На основании «Положения о присвоении категории хозяйствующий субъект аборигенов» (март 1995 г.), эта категория присваивается юридическому лицу, осуществляющему традиционные виды хозяйственной деятельности аборигенов (охота, оленеводство, рыболовство и др.) не менее 6 месяцев, с числом постоянно работающих не менее 3 человек.

Среди постоянных работников число аборигенов должно быть не менее 70%. Категория присваивается постановлением администрации района по представлению аттестационной комиссии. ХСА включены в структуру агропромышленного комплекса области. «У нас каждый год ряд предприятий не подтверждают статуса... число национальных предприятий сокращается, потому что требования жесткие»²⁵.

В прибрежном Ольском районе действует районное «Положение о присвоении (подтверждении) категории “Хозяйствующий субъект абориген” юридическим лицам, зарегистрированным на территории Ольского района» (1995 г., март). Ольский район – приморский, тянется вдоль побережья Тауйской губы Охотского моря. Он – один из наиболее населенных (на 1.01.97 – 14,4 тыс. чел.)²⁶. Сезонное рыболовство имеет огромное значение для всех категорий населения, а для коренного населения – это еще и традиционное хозяйственное занятие. Здесь наиболее остро ощущалась необходимость в законодательных актах, регулирующих ресурсопользование, и дающих необходимые по закону приоритеты малочисленным народам Севера. В 1997 г. в Ольском районе было 22 ХСА с разной формой собственности. Реальность такова, что только одно-два из них более или менее нормально работают, остальные едва сводят концы с концами²⁷. В прибрежных районах традиционно хозяйственные занятия совмещались, поэтому большинство ХСА Ольского района имеют в работе несколько хозяйственных направлений, но всегда существенную роль играет рыболовство. Так, в КФХ «Ояри» оленеводческо-промыслового направления работает 10 человек (эвены, русский, марийка). АОЗТ «Тахтоямск» создано на базе бывшего совхоза «Победа» оленеводческого направления. Во время структурной перестройки от него отошли 6 КФХ. В состав АОЗТ «Тахтоямск» входят 44 чел. (32 эвена, 10 русских, 2 ительмена). Основные виды деятельности – добыча и переработка рыбы, морепродуктов, оленеводство. ТОО «Окат» занимается в основном рыболовством. В его составе – 6 чел. (эвены, ессейские якуты, русский)²⁸.

В Среднеканском районе на базе бывшего племенного оленеводческого совхоза «Рассохинский» образовались 4

крестьянско-фермерских эвенских хозяйства (КФХ) в основном оленеводческого направления, со статусом ХСА. Но, лишенные государственной поддержки, не имея опыта работы, не получая зарплату и испытывая большие экономические трудности, они оказались на грани выживания. Сейчас оставшиеся 4 КФХ объединились в ассоциацию, чтобы совместно решать общие экономические и социальные проблемы. Положение в этой группе эвенов особенно сложное из-за большой удаленности и труднодоступности мест производственного кочевания, куда возможно попасть только на вертолете, – крайне дорогостоящем виде транспорта. Примерно такое же положение у эвенов Омсукчанского района, где создано 3 КФХ оленеводческого направления. Эти хозяйства в прямом смысле слова поставлены в условия физического выживания.

Оленеводческие совхозы Северо-Эвенского района («Пареньский», «Путь Ленина», «Расцвет Севера») не реорганизовывались, чему в немалой степени способствовал негативный опыт соседей из Омсукчанского и Среднеканского районов. Весной 1996 г. решением районной администрации они перешли в муниципальную (районную) собственность. По решению областных властей такие предприятия могут иметь статус ХСА и все необходимые по закону льготы. ХСА есть и в г. Магадане (напр., ТОО «Надар», КФХ «Килгана»).

Механизмы хозяйственной поддержки ХСА обозначены в Постановлении № 121 администрации Магаданской обл. от 31.05.94 «О дополнительных мерах экономической поддержки хозяйствующих субъектов аборигенов Магаданской области», а также в Постановлении администрации Магаданской обл. от 12.05.95 № 78 «Об образовании фонда финансовой поддержки хозяйствующих субъектов аборигенов». Меры экономической поддержки предусматривают: преимущественное право на закрепление земельных участков для ведения традиционных видов хозяйственной деятельности, на получение лимитов, лицензий на возобновляемые биоресурсы, освобождение от платы за них, целевая финансовая помощь из специальных федеральных и областных фондов. Фонд финансовой поддержки ХСА источником финансирования имеет денежные средства от ХСА в порядке возврата

кредитов, выданных по договорам с Госкомсевером. В обязанности фонда входит контроль за своевременным возвратом денежных средств в доход бюджета, выделенных для поддержки предприятий области в соответствии с заключенными ранее договорами с Госкомсевером РФ; рассмотрение заявок (на конкурсной основе) на оказание финансовой поддержки; распределение и направление возвратных средств на развитие ХСА²⁹. Хотя выделяемые средства очень незначительны, вернуть их чаще всего не представляется возможным, и сам механизм не срабатывает.

Опыт работы мелких крестьянско-фермерских оленеводческих хозяйств, муниципальных сельскохозяйственных предприятий показывает, что без государственной поддержки им не выжить. Если и имелись какие-то надежды на это, то они не оправдались. Это показывает опыт соседней с Магаданской обл. республики Саха (Якутия). Именно там, где начиналось движение разукрупнения, создания родовых общин, раньше всего поняли, что без специальной государственной программы экономической поддержки родовых общины, а вместе с ними и оленеводство, и народы Севера в лучшем случае будут владеть жалкое существование. Поэтому было принято Постановление № 521 Правительства РС(Я) от 2 декабря 1995 г. «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов», о котором знает практически каждый оленевод, в отличие от многих других постановлений и законов³⁰. В нем прямо сказано считать ряд улусов, расположенных на севере республики, «зоной особого экономического благоприятствования и протекционизма»³¹.

Сходной с республикой Саха (Якутия) тенденцией является стремление к объединению множества мелких, мало-мощных национальных предприятий (ХСА), которая идет как «снизу», по инициативе хозяйств (некоторые оленеводческие КФХ сами укрупняются в хозяйственные ассоциации), так и «сверху», по инициативе районного и областного руководства (в Северо-Эвенском районе бывшие совхозы стали муниципальными сельскохозяйственными предприятиями), а иногда и «снизу», и «сверху» (в Ольском районе предпри-

ятия ХСА с разной формой собственности – «Ойра», «Малкан», «Клигран», «Аявлик», Ольская районная ассоциация малочисленных народов Севера, Ямская община и областная Ассоциация малочисленных народов Севера – объединились в ООТ «Ондат»³². В резолюции совещания директоров национальных предприятий от 29 апреля 1997 г. было предложено: самостоятельно распределять квоты для национальных предприятий; создавать единые бригады, укрупненные объединения с целью неразбивания квот, улучшения технологий. Было предложено создать ассоциацию национальных предприятий как некоммерческую структуру; прозвучали требования государственной поддержки северного оленеводства вкупе с решением социальных проблем³³.

Рыболовство

Сезонное рыболовство в прибрежной зоне и во внутренних водоемах – исконное занятие народов Севера – орочей, камчадалов/ительменов, приморских коряков, до сих пор сохраняет свое жизнеобеспечивающее значение. В активном морском рыболовстве народы Севера задействованы слабо. Многие национальные предприятия, расположенные в приморской зоне, занимаются выловом рыбы, заготовкой икры, в основном в приустьевых участках рек и на море. Рыбаки используют при ловле горбуши и кеты на лиманах ставные сети длиной 20–25 м, высотой 2,5–3 м, диаметром ячеи 55 мм. Используются моторные и весельные лодки.

Ресурсный потенциал северной части Охотского моря и примагаданской прибрежной зоны определен в 3–4 млн. тонн ежегодного изъятия без ущерба³⁴. Объектами лова являются охотская сельдь, минтай, навага, камбала, а также такие деликатесные и дорогостоящие морепродукты, как трубач, крабы. В реки, впадающие в Охотское море, заходят на нерест лососевые (кета, горбуша, др.).

Промышленное рыболовство в РФ осуществляется на основании «Положения о лицензировании промышленного рыболовства и рыбоводства» от 26.09.95 № 967, согласно которому распределением лимитов занимается Охотское бассейновое управление по охране и воспроизводству рыб-

ных запасов и регулированию рыболовства (Охотскрыбвод). В сферу его компетенции входит более 1,5 млн. кв. км водных территорий и примерно 1 тысяча рек общей протяженностью 94 тыс. км и береговая линия Охотского, Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского морей протяженностью около 16 тыс. км.³⁵ Магаданская обл. ежегодно имеет 8 тысяч тонн лимита на добычу лососевых³⁶. Данные о количестве добытой рыбы противоречивы и зачастую даже к началу новой путины в администрации районов они не поступают³⁷. Приоритетное право лова рыбы лососевых видов дается колхозам, совхозам, ассоциациям, общинам малочисленных народов Севера, крестьянско-фермерским хозяйствам, малым предприятиям, имеющим статус национальных (ХСА)³⁸. Впервые в 1997 г. область делегировала районным администрациям право распределения квот на добычу рыбы. Например, в 1997 г. району разрешено выловить 4225 т горбуши и 2265 т кеты³⁹. В свою очередь, районные администрации предоставляют право распределения лимитов для обеспечения коренного населения районным ассоциациям народов Севера, согласно заключенным между ними договорам.

Всего для личных нужд малочисленных народов Севера Магаданской обл. на 1997 г. был выделен лимит в размере 437, 45 т (из расчета нормы вылова – 100 кг на одного человека и для малоимущих пенсионеров – 150 кг)⁴⁰. При распределении лимитов на вылов рыбы для личных нужд коренного населения учитываются интересы горожан и жителей центральных районов области.

В 1991 г. основным, наряду с совхозами, рыбодобывающим предприятием в Магаданской обл. было объединение «Магаданрыбпром». Сейчас созданы несколько добывающих предприятий, которые имеют свой флот – Северо-Восточная рыболовная компания, Дальрыбфлот, Магаданрыба, «Магси». Ежегодно в прибрежной морской зоне в течение летне-осеннего промыслового сезона официально действует также более 110 различных коллективных хозяйств и более 8 тыс. индивидуальных (население Ольского, Омсукчанского, Северо-Эвенского районов и города Магадана)⁴¹. В товарной структуре совместных предприятий, зарегистрированных в области, наибольший удельный вес приходится на морепродукты (крабы), преобладает их

морепродукты (крабы), преобладает их экспорт в Японию⁴². В Ольском районе, п. Гадля было создано и работает совместное российско-американское рыбодобывающее и рыбоперерабатывающее предприятие «Тандем» с полным циклом производства: от вылова рыбы и других морепродуктов до их переработки и реализации.

Распределение промышленных лимитов для национальных предприятий осуществляется через ассоциации народов Севера, т.е. все национальные предприятия получают один общий лимит, который сами распределяют между собой. «В этом году как никогда дали приличные лимиты для национальных предприятий, т.е. возможность поправить дела есть, – рассказывает председатель Ольской районной ассоциации народов Севера А.Г. Смирнов. – Но это еще не значит, что предприятие поймает. Ставят предприятия в таком месте, где рыбы оно не возьмет, но, имея лимиты, затраты понесет (постановкой на места рыбалки занимается Охотскрыбвод). Если в этом году лимиты не освоит, на будущий год их не получит»⁴³. Мелкие национальные предприятия народов Севера, с лимитом менее 10 т, не выдерживают конкуренции с крупным промышленным рыболовством, в т.ч. во внутренних водоемах. Имеется тенденция объединения мелких национальных предприятий, идущая по инициативе как народов Севера, так и руководства области. В Постановлении администрации Магаданской обл. «Об организации лососевой путины в 1997 г.» записано: «Рекомендовано мелким предприятиям отлавливать рыбу на договорных началах через основные рыбодобывающие предприятия, либо объединяться в укрупненные бригады»⁴⁴. Большие трудности испытывают национальные предприятия (ХСА) в организации переработки и реализации рыбы. Это связано с целым комплексом причин – с кадрами (технологи, т.д.), оборудованием, на приобретение которого нужны огромные средства. Кроме того, в традициях у них не было промышленного рыболовства.

Оленеводство

Спад оленепоголовья, начавшийся в 1993 г., продолжает- ся. В 1976 г. в совхозах области (без Чукотского а.о.) выпасалось 116 тыс. голов оленей, в 1996 г. осталось 48 тыс. голов, из них более половины – в Северо-Эвенском районе. В ряде районов области оленеводство полностью исчезло или находится на грани исчезновения. В оленеводстве заняты в основном исключительно народы Севера – эвены и коряки. Число кочующих хозяйств уменьшилось по сравнению с 1986 г. на 32% (со 166 до 53). В ходе реформ созданы сельскохозяйственные предприятия с частной формой собственности, на долю которых приходится около 6 тыс. голов. Численность оленей в хозяйствах населения сократилась на 0,2 тыс. голов и к началу 1997 г. составила 5,3 тыс. голов. Половина поголовья оленей (51%) содержится в общественном секторе, в хозяйствах которого за 1996 г. произведено 0,2 тыс. тонн оленьего мяса, или 55% от объема 1995 г.

Основная проблема оленеводства в настоящее время – это отсутствие государственной поддержки, в том числе госзаказа на продукцию оленеводства. Общий экономический упадок сказывается в невыплате заработной платы оленеводам, недостатке горючего, техники, порой элементарных продуктов питания. Остро стоит проблема кадров. Упадок оленеводства произошел и вследствие бесконтрольного освоения недр, использования оленьих пастбищ для прокладки подъездных путей, браконьерства, – например, в Сусуманском, Среднеканском районах. Политика государственной помощи и льготы в оленеводстве в советское время привели к тому, что люди в некоторых совхозных бригадах с 1970–1980-х годов перестали обучать ездовых оленей. В условиях резкого сокращения государственной поддержки и общего экономического кризиса именно они первые попали в тяжелое положение, – горючее, запасные части для тракторов, на которых ведется производственное кочевание, дорогостоящи и труднодоступны.

Невыплата заработной платы (или компенсаций) в оленеводстве ведет к уходу молодежи в поселки, а также из оленеводства в охотничий промысел. Развивается браконьерст-

во. Теряется связь между поколениями, молодежь стоит перед трудным, порой мучительным выбором: как жить дальше, продолжать заниматься оленеводством, помогая родителям, или уходить в поселок, где велика безработица.

Статистика в социальной сфере

Заработная плата. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, где преимущественно заняты народы Севера, составила в 1996 г. 1 212 948 руб.⁴⁵. Однако это «бумажные» цифры. В большинстве сельскохозяйственных предприятий области заработная плата на июль 1997 г. не выплачивалась более четырех лет. Семьи живут на пенсии стариков, компенсации из областного бюджета в размере 1,5 месячных окладов, которые выплачиваются нерегулярно. В таких условиях единственной возможностью получить «живые» деньги является вылов красной рыбы и заготовка икры, а также доходы от охотничьего промысла, что толкает людей, особенно молодежь, к браконьерству, нарушению законов об охране окружающей среды и порождает новые проблемы.

Жилье. Практически прекращено жилищное строительство. Его удельный вес в общем объеме инвестиций составил менее 1% против 30% в 1991 г. За годы реформирования экономики существенно изменилась структура жилищного фонда. Значительно увеличился удельный вес жилья, находящегося в частной собственности граждан и юридических лиц. Доля частного жилья увеличилась с 10% в 1985 г. до 48% в 1996 г. Не все жилье отвечает современным представлениям об уровне бытового комфорта. Не оборудовано водопроводом и центральным отоплением 15% жилищного фонда области, канализацией – 16%, горячим водоснабжением – 21%⁴⁶.

Снабжение. Несмотря на увеличение розничного товарооборота в расчете на душу населения в 1,2 раза относительно уровня 1995 г., товарооборот в сопоставимых ценах сократился. Это произошло, главным образом, вследствие снижения покупательского спроса на товары длительного пользования, дорогостоящие виды одежды, обуви из-за вы-

сокого уровня цен. Сельские магазины наводнены алкогольной и табачной продукцией, часто низкого качества, и при этом отсутствуют элементарные продукты питания, которые, по-видимому, завозить невыгодно. Большинство частных предпринимателей думают только о собственных прибылях, а не о снабжении населения качественными товарами в необходимом ассортименте, и при этом зачастую используют государственные беспроцентные кредиты, выделенные именно по линии народов Севера.

Народное образование. Показатели, характеризующие область народного образования в районах проживания малочисленных народов Севера, снижаются. Количество общеобразовательных школ за 10 лет с 1986 по 1996 годы уменьшилось с 46 до 32, а численность учащихся в них за тот же период – на 56,9% (с 12712 чел. до 7235 чел.). Это связано с оттоком приезжего населения, т.к. численность учащихся дневных общеобразовательных школ из числа лиц народов Севера выросла по сравнению с 1985 г. на 224 человека (с 595 до 819). Среди них (большинство учится в 1–9 классах средней школы) увеличилась доля изучающих родной язык: с 26 в 1986 г. до 375 в 1996 г. В то же время за тот же период сократилось количество школ-интернатов (с 4 до 1) и соответственно число учащихся (с 1146 до 184 чел.) и учителей (с 300 до 18 чел.) в них. Сократилось число дошкольных учреждений (с 53 в 1986 г. до 24 в 1996 г.) и численность детей в них (с 6216 до 2232 чел. соответственно).

Культура. Количество массовых библиотек по сравнению с 1985 г. сократилось в 2 раза (с 56 до 26). Из оставшихся 11 имеют книжный фонд на языках «народностей» Севера – всего 250 книг, брошюр, журналов. Число клубных учреждений тоже уменьшилось с 71 в 1985 г. до 29 в 1996 г.⁴⁷

Здравоохранение. В районах проживания малочисленных народов Севера в сфере здравоохранения сохранилась тенденция к снижению показателей. Число районных и городских больниц осталось на уровне 1995 г. В основном за счет средств Федеральной целевой программы «Развитие экономики и культуры малочисленных народов Севера 1991–1995 гг.» № 145 была построена районная больница в п. Эвенск (начало строительства в 1987 г.). Число больничных учреж-

дений в районах проживания малочисленных народов Севера составило в 1996 г. 11 (в 1986 г. – 13), с числом коек – 605 (в 1986 г. – 1135). Число фельдшерско-акушерских пунктов уменьшилось с 1986 по 1996 г. с 32 до 16-ти. Численность врачей всех специальностей с 1986 по 1996 г. уменьшилась с 328 до 144, численность лиц среднего медицинского персонала – с 626 до 446 соответственно⁴⁸.

Медицинское обслуживание населения ухудшилось, особенно это коснулось тех, кто живет в отдаленных от трассы поселках или ведет кочевой образ жизни, проживая на стойбищах. В больницах постоянная нехватка специалистов, отсутствие регулярного финансирования, что связано с общей социально-экономической ситуацией в стране и области. Особо сложная ситуация сложилась с таким заболеванием, как туберкулез. В области существует один межрайонный тубдиспансер – в Дебине (в прежние времена в каждом районе был свой тубдиспансер на 20–25 коек). Один из ведущих по уровню заболеваемости – Северо-Эвенский район, где в 1997 г. произошла вспышка эпидемии туберкулеза и до сих пор сохраняется неблагоприятная ситуация.⁴⁹ В марте 1998 г. Магаданская областная Дума приняла Постановление об особых мерах по борьбе с туберкулезом.

Ассоциации народов Севера

Возникновение ассоциаций народов Севера в Магаданской обл. относится к 1991 г. Основная цель их создания – защита прав и законных интересов малочисленных народов Севера. При Магаданской областной администрации существует областная Ассоциация малочисленных народов Севера и разветвленная сеть районных ассоциаций. Например, в Ольском районе работают 7 ассоциаций – в Тауйске, Армани, Гадле, Оле, Ямске, Тахтоямске и Балаганном, причем некоторые из них возникли раньше, чем районная и областная. Ассоциация народов Севера Ольского района (глава – А.Г. Смирнов) активно взаимодействует с такими организациями, как Охотскрыбвод, участвует, по согласованию с районной администрацией, в выдаче лимитов и лицензий на добычу лососевых, в процедуре отвода земель и т.д. Не-

сколько лет назад ассоциация совместно с другими организациями выступила против проведения тендера на право поиска, разведки и добычи нефти и газа на примагаданском шельфе, считая, что это губительно скажется на экологии всей Тауйской губы и последствия могут быть непредсказуемыми. Ассоциация народов Севера Ольского района – одна из наиболее активных аборигенных общественных организаций в Магаданской обл.

Ассоциация народов Севера Северо-Эвенского района (глава – М.В. Белова) возникла в 1991 г. Единственная в Магаданской обл., благодаря инициативе геологов и мощному займу областной администрации, эта ассоциация является соучредителем Омогонской золоторудной компании (ОЗРК).

Хотя ассоциации уже накопили немалый опыт в решении различных вопросов, в том числе совместно с органами исполнительной и законодательной власти, их общественный статус не позволяет реально влиять на принятие решений, с ними не считаются в должной мере.

* * *

Социально-экономическое положение народов Севера Магаданской обл. отражает общее экономическое положение России, и в целом характерно для других северных регионов. Народы Севера, живущие в области, испытывают значительные трудности во всех сферах своей жизнедеятельности. В то же время постепенно возрастает их самосознание, желание быть хозяевами на своей земле. Ситуация динамична, она требует постоянного отслеживания, а также реальной поддержки тех новых начинаний и инициатив, которые появились здесь и оказались жизнеспособными.

1. Внести в списки народов для предстоящей Всероссийской переписи камчадалов. В Переписи 1989 года они не учитывались.

2. Необходим адресный характер финансирования и льготных кредитов представителям малочисленных народов Севера, занимающихся оленеводством, рыболовством, охотой, др. Это и способ поднять престиж традиционных занятий, особенно оленеводства.

3. Последние пять лет показали, что народы Севера не выживут без государственной поддержки. Необходимо введение госзаказа на продукцию оленеводства и других традиционных занятий народов Севера в местах их компактного проживания.

4. Снабжение коренного населения продовольственными и промышленными товарами, особенно в отдаленных населенных пунктах, нельзя полностью отдавать в руки частных структур. Необходимо усилить контроль за расходованием беспроцентных или льготных кредитов, выделяемых снабженческим организациям специально для завоза продуктов в отдаленные северные регионы.

5. Ассоциации народов Севера нуждаются в повышении их статуса, чтобы они стали реальными представительными органами этих народов, либо в обеспечении других путей представительства народов Севера в органах законодательной власти.

¹ Магадан. Путеводитель-справочник. Магадан, 1989. С. 207.

² Там же. С. 206.

³ История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. СПб., 1997. С. 56–57.

⁴ Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1980. С. 9.

⁵ Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 450–451.

⁶ Социально-экономическое положение народов Севера Магаданской области // Статистический сборник Магаданского областного комитета статистики. 1997. С. 10.

⁷ В то же время, «кто могли – уже выехали. Сейчас остались те, кто никуда не поедет. Им просто некуда ехать, не на что ехать и незачем ехать. Будут жить на Севере безвылазно» // Интервью с А.Г. Смирновым, председателем ассоциации народов

Севера Ольского района Магаданской области. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Аудиокассета (далее – А/к) № 3. Сторона А.

⁸ Социально-экономическое положение ... С. 5–7.

⁹ Данные любезно предоставлены отделом Севера администрации Магаданской области.

¹⁰ Таблица составлена автором на основе материалов Статуправления Магаданской области, периодической печати и данных местных администраций.

¹¹ Там же. С. 5–7.

¹² ПМА. Полевой дневник (далее – ПД) № 2. Магадан. 1997. Л. 21.

¹³ Там же.

¹⁴ Магаданская правда (Территория). 16.04.1997. С. 2.

¹⁵ *Краснопольский Б.Х., Пилясов А.Н.* Магаданская область: Очерк социально-экономического развития. Препринт. Магадан, 1991. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ *Краснопольский Б.Х., Пилясов А.Н.* Магаданская область... С. 39.

¹⁸ *Данилюк Г.* «Мы на Севере ради золота...» // Магаданская правда (Территория). 5.08.1997 С. 1–2.

¹⁹ *Краснопольский Б.Х., Пилясов А.Н.* Магаданская область... С. 40.

²⁰ Магаданская правда (Территория). 7.09.1997. С. 2.

²¹ *Хабарова А.* В условиях осадного положения // Магаданская правда (Территория). 3.04.1997. С. 1–2.

²² Эвенчанка. 19.03.97.

²³ Социально-экономическое положение...

²⁴ Интервью с А.Г. Смирновым, председателем ассоциации Ольского района Магаданской области // ПМА. А/к № 2. Сторона А.

²⁵ Там же.

²⁶ Рассвет Севера (газета Северо-Эвенского р-на). 1.08.1997. № 31. С. 6.

²⁷ Интервью с А.Г. Смирновым // ПМА. А/к № 3. Сторона А.

²⁸ ПМА. ПД № 2. Л. 30 и др.

²⁹ ПМА. ПД № 2. Магадан, 1997. Л. 25 об.–26.

³⁰ Исследования в Республике Саха(Якутия) проводились за счет средств фонда МакАртуров в рамках проекта «Земля и

жизнь в культуре эвенгов республики Саха (Якутия): традиции, законы, практика».

³¹ Постановление № 521 «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов».

³² ПМА. ПД № 2. Магадан, 1997. Л. 21об.

³³ ПМА. ПД № 2. Магадан, 1997. Л. 21об.; № 3. Л. 41об.

³⁴ Магаданская правда (Территория). 18.03.1997. С. 2.

³⁵ Магаданская правда (Территория). 1997. 15. 04. С. 2.

³⁶ *Краснопольский Б.Х., Пилясов А.Н.* Магаданская область... С. 17.

³⁷ Рассвет Севера. 1997. 25.07. № 30. С. 3.

³⁸ Постановление администрации Магаданской области «Об использовании ресурсов рыбы лососевых видов в путину 1997 года» // ПМА. ПД № 2. Л. 19.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПМА. ПД. № 2. 1997. Л. 20 об.

⁴¹ *Крашенинников В.* Рыба у нашего берега. Ресурсы и резервы Магаданской области // Магаданская правда (Территория). 18.03.1997. С. 1–2.

⁴² Магаданская правда (Территория). 17.01.1997. С. 2.

⁴³ Интервью с А.Г. Смирновым, председателем ассоциации народов Севера Ольского района Магаданской области. ПМА. А/к № 3. Сторона В.

⁴⁴ ПМА. ПД № 2. Л. 19.

⁴⁵ Там же. С. 11–12.

⁴⁶ Там же. С. 30–31.

⁴⁷ Социально-экономическое положение... С. 16–29.

⁴⁸ Там же. С. 29.

⁴⁹ Туберкулез: проблемы копились понемногу // Эвенчанка. Общественно-политическая газета Северо-Эвенского района. 1 августа 1997 г. № 38 (59). С. 1, 6.

Интервью

Эвены

Анна Витальевна Апока

1. Я эвенка, мне сорок два года, по профессии – врач-терапевт. Всю жизнь прожила в Гижиге. Родилась в маленьком поселочке Камешки Северо-Эвенского района Магаданской области. Училась в интернате в Гижиге, Эвенске. В 1981 году окончила Хабаровский медицинский институт. Вернулась в село Гижига. Не могла не вернуться, из-за родины, родителей.

Работала главным врачом в Гижиге. Замужем, двое детей. Воспитываю младшую сестру. Муж – эвен, мастер спорта по борьбе, тренер-преподаватель. Живу в поселке Эвенск. Мать и отец, брат работают в оленеводческой бригаде.

2. Уровень жизни резко упал. Сейчас люди больше болеют, потому что живут тяжело в финансовом отношении. Недоедают многие. Обращаются поздно за помощью, потому что нет денег на лечение.

В советское время легче работалось. Часто летали на вертолетах в оленеводческие бригады. Люди были охвачены медицинским наблюдением.

Медицинское, особенно профилактическое лечение, сейчас не делается в полном объеме. Вылеты санавиации бывают только по жизненным показаниям, они финансируются из областного бюджета. Даже рожают уже на местах. Раньше коренное население было полностью обеспечено бесплатными лекарствами, сейчас этого нет. Лекарства выделяются только на экстренную помощь, но не в полном объеме. Медперсонала не хватает в Гижиге и даже в райцентре.

Большинство заболеваний – простудные, на втором месте – бытовой травматизм.

Полгода назад мы с семьей переехали из Гижиги в районный центр, чтобы дети смогли закончить школу. Шесть лет в Гижиге не преподают иностранный язык. А школу надо закончить.

Российско-американский золотой рудник Кубака работает на территории совхоза «Расцвет Севера», база которого находится в селе Гижига. Оленеводы бились, чтобы отчисления шли прямо им, но не получилось. Проводили собрания, писали бумаги. Но учредителем оказалась районная ассоциация.

На территории Кубаки работала оленеводческая бригада № 2. Сейчас бригады нет, коллектив распался. Пастбища уничтожены, оленей нет. Из стада в 2000 голов осталось 200 голов. Прилегающие земли тоже уничтожены. В реках исчезает рыба, – притоки Омолона пустые. Несколько человек из этой бригады умерло от онкологических заболеваний. На Кубаке свое обеспечение, оленье мясо не принимают.

Контакты между горнодобытчиками и оленеводами происходят, обычно оленеводы обращаются с просьбами за медицинской помощью, и им ее оказывают.

3. Мой отец на Омолоне кочует, недалеко от зимней дороги на Магадан, Омсукчан и золотой рудник Кубака. Проблем у оленеводов много. Обеспечение на нуле. Рапортуют что компенсации получают, но на самом деле нет. Руководитель совхоза был назначен сверху, никогда не работал в сельском хозяйстве. Он коммерсант, занимается рыбой. Проблемы оленеводства его мало касаются.

Мои родственники стараются себя сами обеспечивать. Обменивают мясо своих частных оленей на продукты, товары, горючее. Ситуация в их бригаде намного лучше, чем в других. Средний состав бригады – 14 оленеводов. Летом туда выезжают дети. Выехать всегда сложно.

С 1952 по 1960 годы в поселке Камешки был оленеводческий совхоз, работали только пастухи. В Камешки эвенков и коряков собрали из стойбищ, из тундры. Дед с бабкой по материнской линии жили зажиточно до 1952 года, когда их оленьи были конфискованы и перешли государству. У них было около 5 тысяч оленей. На их основе были созданы колхозные камешковские стада. Дед с бабушкой остались жить в Камешках, хотя всю жизнь прожили в тундре. Тем, кто добровольно согласился отдать оленей и работать в колхозе, немного оленей оставили. Дедушка по отцовской линии, хотя имел мало оленей, тоже был раскулачен. Он категорически

отказался пойти работать в колхоз и ушел в старательскую артель, проводником к геологам. А жена осталась жить со старшими детьми, которые вошли в колхоз.

К нынешнему совхозному руководству нет доверия. Областную администрацию не интересуют проблемы оленеводства. А ведь это судьба двух народов, живущих в нашем районе – эвенов и коряков.

4. В Гижигинской больнице в прежние годы работали 25 человек, включая средний медперсонал. Все были в основном местные, только 2-3 человека приезжие. Когда уровень жизни был высок, ущемление в отношениях приезжих и местных сильно чувствовалось. Вызвали специалиста – учителя, медика – по приезду ему сразу квартиру, хорошую зарплату. Он отработает какое-то время и вернется домой. У нас и сейчас есть контрактники приезжие, у них зарплата выше. А со здешними зачем контракт заключать? Раньше самые хорошие места, руководящие занимали только приезжие.

Уровень подготовки педагогов, когда я училась в школе, был очень высок. Учителя были в основном приезжие. Отношение к нам было хорошее, и обучение качественное.

Сейчас начнется любая избирательная кампания, и у нас появится много приезжих людей. В руководство идут те, кто хочет решить свои корыстные цели. А знающие, порядочные, честные сейчас не ценятся. Не те качества, которые на сегодня роль играют.

5. Я свободно говорю на эвенском языке, разговариваем и дома, и когда приезжаю в бригаду к родным.

Когда я пошла в школу, то не знала русского языка. А уроков эвенского языка в годы моей учебы в школе не было. Русский язык я освоила с легкостью. В школе был нулевой, подготовительный класс. Наш первый учитель был эвен, разговаривал с нами по-эвенски. Он обучал нас русскому языку постепенно. Каждый год брал новый класс, его обучал и брал другой. С 1 класса обучение шло полностью на русском языке. Но никогда не запрещали говорить по-эвенски в школе, у нас такого не было.

В настоящее время уровень и качество преподавания эвенского языка неудовлетворительное. Такое преподавание

– лишняя трата времени. Ведет человек, который сам не знает разговорного эвенского языка. Детям уже неинтересно.

Родители у меня православные, но не крещеные. Крещеные были бабушки и дедушки. Глубоко верующие имели иконы. Церковь в советское время была разрушена, сами поддались на агитацию. У нас тоже репрессии были, ссылали людей, и стариков даже, а вернулись всего 2-3 человека.

Не такая уж я атеистка, но веру не демонстрирую. У каждого есть своя вера. Каждый должен этот вопрос решить для себя. От родных остались иконы. Муж чистый атеист. Шаманство, язычество у нас было связано с христианством. Все это и сейчас сохраняется.

6. Чиновники не хотят понять нас. Они в нас не заинтересованы. Если бы эти люди были заинтересованы в процветании края, и тем более народов, населяющих этот край, они бы решали эти вопросы на другом уровне. Оленеводству на 90% нужна помощь государства. Не только мы так живем, все северные народы в критическом положении.

Нужна мощная финансовая поддержка на уровне министерства, государства, в Москве. Если будут деньги, все можно решить.

Кто видел деньги от Кубаки? Кто распределяет эти отчисления? Честно сказать, не знаю. Думаю, в основном районная администрация тратит на бюджет района. Латает дыры. Нет контроля за распределением средств.

В работе ассоциаций все зависит от руководства. А там порой сидят случайные люди. Сидят, а дело не делают. Ассоциация – громко сказано.

В 1992 году 8 дней была на Аляске по обмену с группой медиков и работников социальной защиты коренной национальности, нас было 9 человек. Нам показали красивый фасад, а проблемы не особо, хотя они ощущаются и их видно невооруженным глазом. Проблемы оказались сходными. У них оснащенность во много раз лучше. Но наши врачи ничем не уступают, уровень подготовки очень высок.

Законов много можно придумать, но войдут ли они в жизнь, сомнительно. Написано хорошо. Но знаешь, что это бесполезно. Далеко от реальности. Первое время читали с

интересом, а в последнее время – разочарование. 10-летие коренных народов нас не затронуло.

Сотрудничество с Арктическими странами можно приветствовать, если оно проводится не для галочки, а для обоюдной выгоды. Поможет ли оно решить наши проблемы? Сегодня я другими глазами смотрю на все это, чем пять лет назад.

Галина Ивановна Коркопская

1. Я родилась в 1970 году в многодетной оленеводческой семье. Мои родители до сих пор работают в оленеводческой бригаде.

Воспитывалась у бабушки, которая заложила мой характер. Училась в интернате в Гижиге. В 1992 году окончила факультет филологии Ленинградского пединститута им. Герцена и вернулась на родину. Работала учителем русского языка и литературы в школе в селе Гарманда Северо-Эвенского района Магаданской области. С июня 1996 года работаю в Гарманде главой администрации.

2. 350 человек в селе Гарманда, из них 60 – пенсионеры, работающие и неработающие, и инвалиды. 40 человек состоят в центре занятости, это фиксированные безработные. В бюджетных учреждениях работают у меня 37 человек, и в ЖКХ – в пределах 30–35 человек. В оленеводстве 36 человек, 65 школьников, 25 – в детском садике. Получают зарплату 70 человек. 35 человек, которые работают в оленеводстве, зарплату много лет не получают. Пенсионеры регулярно получают свою пенсию. Доход каждой семьи ограничен. Большинство населения находится за гранью или на грани бедности.

Мы считаемся главами муниципальных образований. Самостоятельная территория вроде бы. Но собрать налоги мы не можем, потому что у нас на территории нет предприятий и коммерческих структур, а колхоз освобожден от уплаты налогов за землю, и за рыбалку. Если бы у нас была финансовая основа, мы бы выжили.

Когда началась реорганизация совхозов, пошло сокращение и люди остались невостребованными. Кто смог – устроился в ЖКХ, в другие бюджетные организации. Большая

часть людей осталась без работы. Встали на учет по безработице. Пособие по безработице в месяц 150 руб.

Мы проводим работу с населением, выявляем тех, кто хочет работать, заниматься разведением коров, растениеводством. Потом делаем ходатайство на уровне районной администрации на выделение им льготной беспроцентной ссуды сроком на 2 года. Возврат ссуды производят и мясом, и картофелем, и ягодой, и молочной продукцией. Потом мы пускаем все это на нужды местного населения. Выделяем помощь детям до двух лет и выборочно пенсионерам. Каждому мы не можем оказать помощь. Мы пришли к выводу, что нужно оказывать более солидную поддержку семье, которая будет что-то производить, иметь доход и оказывать помощь своим же жителям.

Нынче впервые провели праздник Урожая. Начали с весны готовиться, сажать, строить теплицы. Если в магазине нет свежих овощей, а у тебя есть возможность самому вырастить, то почему бы это не сделать? После праздника люди стали думать о том, что сами будут выращивать овощи.

У нас сейчас энергетический кризис. Давно сидим без света. Когда привозят топливо, в целях экономии даем его по режиму. И в любом случае нужно топить дровами. Когда эти проблемы появились, люди стали ставить печи, сначала буржуйки, потом – кирпичные.

У нас отрезанность от мира. Почта приходит с большим запозданием.

Район живет за счет средств от Кубаки. Но Кубака на какой-то срок, лет 5-6 мы проживем, а потом налоги будут сокращаться, надеяться только на нее не стоит.

3. Лето, начиная с июня по конец августа, мы, дети, проводили в тундре с родителями-оленьеводами. Нахождение на воле, на природе для нас было по душе. Старались помогать своим родителям, мать учила выделывать шкуры, камусы. Родители закладывали в нас любовь, уважение к их труду, оленеводству.

Оленеводческая работа всегда была низкооплачиваемая. Сегодня оленеводство переживает серьезный кризис, резко сократилось поголовье оленей, стоит вопрос о будущем оленеводства.

Оленеводство было дотационным, дотации государство прекратило. Перейти на новые формы хозяйства сами оленеводы были не готовы. Были попытки уйти в частное оленеводческое хозяйство, родовые общины. Но «сверху» оленеводов разубедили в этом.

С 1996 года по району прошла муниципализация. Жилищно-коммунальное и оленеводческое хозяйства стали муниципальными. Оленеводческие хозяйства должны жить за счет своего мяса. Но делать крупные забои сейчас нереально, мало оленей осталось и нет рынка сбыта. Фабрика Кубака находится на территории совхоза «Расцвет Севера» (Гижигинская территория). Потребности в оленьем мясе на фабрике нет.

4. У нас 350 человек в Гарманде. Поселок считается национальным, живут коренные и приезжие русскоязычные. Большинство эвены, немного коряков, ительмены. Есть русские, но их немного, живут очень давно.

Люди притираются друг к другу, хотя, конечно, единичные случаи конфликтов на межнациональной почве возникают. На бытовом уровне. Целенаправленно, чтобы была организация, которая бы выдвигала одну нацию против другой – такого нет.

Коренные народы имеют льготы по медицине – лекарства им бесплатно должны выделяться. Есть льгота на вылов рыбы. Рыболовством всегда занимались, это основной продукт питания. Бесплатно право вылова дается коренным жителям. А русские должны покупать лицензию. На таком уровне начинается дележка. Почему я, такой же человек, должен тратить деньги на рыбу, когда живем вместе?

Года 2-3 назад приезжие люди стали от нас выезжать. Получали деньги на переезд. А мы живем там, где родились, и выезжать нам некуда. У нас были случаи, когда человек полностью получал материальную помощь, а через какое-то время возвращался, чтобы снова здесь жить.

Нужно продолжать работу по организации артелей, общин, с тем чтобы создавать новые рабочие места, потому что безработица захватила всех – и местных, и приезжих.

5. Я воспитывалась у бабушки, поэтому с малых лет говорила только на эвенском языке. В 5 лет пошла в детский сад,

школу-интернат. Появилась необходимость в знании русского языка. Сама не помню момент, когда я стала забывать свой язык. Мне стало трудно произносить эвенские слова. Это беда нашего поколения. Сейчас осознанно, осмысленно я стала восстанавливать свои знания. Трудно восстанавливать. Это очень большая проблема.

Большинство эвенской молодежи и детей говорят и думают на русском языке. У них не возникает необходимости изучать эвенский язык.

Я считаю: не будет языка, не будет и народа. Для возрождения эвенского языка нужны люди, которые будут понимать, что это необходимо. А таких людей у нас мало.

Преподаванию эвенского языка в школах с 1984–1985 годов стало уделяться большое внимание. По желанию русскоязычное население может изучать эвенский язык.

Моя бабушка была крещеная, православная. У нее была своя икона, она молилась. В то же время по утрам она обращалась к солнцу, благодаря его за то, что жизнь продолжается. Бабушка была неграмотная, она сохранила то, что знала от родителей. Христианская и языческая вера в ней сосуществовали.

Мои родители жили в советское время, когда была пропаганда атеизма. Внутренне мои родители во что-то верят. Находясь постоянно на природе, у них бережное отношение и к воде, и к лесу, и к животным. Они знают, что это их среда обитания, и если они что-то не так сделают, это пагубно скажется – пусть не на них, но на их детях и внуках.

Мы сегодня ни во что не верим, в церковь не ходим. В молодых поклонения природе сейчас нет. Больше современного, европейского отношения. Вера в дух медведя, воды, огня сохранилась в тех детях, которые выросли в оленеводческих семьях.

6. С областной администрацией не имеем близкого контакта, эта связь – постановления, указы, которые к нам приходят из области. Тесная связь идет с районом.

С 1992 года у нас есть ассоциация. Были благие намерения помочь коренным жителям в создании своих национальных предприятий, поддерживать отдельные семьи, развивать культурные традиции, но на сегодня ассоциация отошла от

этого. Цели, которые были поставлены, утрачены. Ассоциация просто существует. Сегодня нужно пересматривать вопрос: стоит ли ей вообще существовать или нет. Или новую организацию создавать. Нужны люди. Они есть, но экономический кризис, трудности повлияли на людей. Они сильно изменились, стали обозленные, многие на себя махнули рукой. В течение последних пяти лет изменились в худшую сторону, и чтобы их изменить снова, нужно время. Приглядываются они, смотрят, считают, что все должна делать администрация села.

В этом году стали создаваться две артели производственные – это рыбалка, разведение скота, сенокос, сбор дикоросов. Когда начали собирать документы, организационные вопросы стали возникать – нет денег, нет опыта.

Нужно быть решительным, целеустремленным, энергичным, чтобы довести дело до конца, но у людей сразу опускаются руки. Может быть это привычка, что их все время направляли.

Нужно самим учиться, получать юридические, экономические знания, информацию. Когда у нас будут свои специалисты, может что-то сможем сделать.

У нас стоит вопрос: у главы района несколько заместителей, и среди них нет представителей коренной национальности. Проблемы жителей коренных национальностей они могут не понять. Понять самих людей им трудно, они смотрят только на экономику. Если бы были в аппарате представители народов Севера, быстрее бы решались эти проблемы.

По долгу службы должна следить за законами, но у нас плохо поступает информация. Смотрим по телевидению комментарии, а сам документ не читаем. А тексты законов через ассоциации не получаем. 10-летие коренных народов мира на нас не отразилось. Хотя на образование выделяются средства. Не ощущаем себя частью мирового сообщества. Люди заняты бытовой жизнью. И все проходит на бытовом уровне.

Хотелось бы расширять контакты с другими северными странами, обмениваться опытом.

Камчадалы

Павел Ефимович Падерин

1. Родился в 1928 году в старой Гижиге. Родители – камчадалы, потомки тех казаков, которые пришли в 1600–1700 годах. В 1948 году окончил педучилище в поселке Тигиль по специальности учитель начальных классов. Работал в поселках района. Окончил высшую партийную школу в Хабаровске в 1965 году, с тех пор почти 20 лет работал заведующим отделом пропаганды и агитации Северо-Эвенского райкома партии. Сейчас на пенсии. Являюсь председателем правления районного Охотобщества. Я в Совете старейшин поселковой ассоциации.

По паспорту я русский, но считаю себя камчадалом. Жена – русская, из Владимирской области, медицинский работник. Есть сын, внучка.

2. С перестройкой хуже стало жить. Все накопления сгорели. Сейчас на одну пенсию живем. Ограбили нас среди бела дня.

Из области внимания к нам не чувствуем, а местная администрация помогает. Открыли магазин для неработающих пенсионеров, цены там ниже. У нас есть огород, картошка. Не надо покупать, хорошо. Картошка в прошлом году плохо уродилась, в этом году ничего.

3. Рыбалка, охота были основные занятия камчадалов. Каюрили (ездили – А.С.) на собачках, по всему району возили груза и пассажиров. Даже в Петропавловск-Камчатский, Магадан ездили на собачках. В одном потике (упряжке – А.С.) было 12 собак. В нашей семье было 3 потика. Отец и дядя ездили. Сейчас упряжек не осталось.

Рыбу собакам вялили и квасили в ямах. Яму рыли, туда траву зеленую клали, потом рыбу, сверху травой закрывали и засыпали землей. К морозам готова была. Еще жир морзверя добавляли. Вареная собачья еда называлась опана. Вспомнил! (*смеется* – А.С.).

В 1950-е годы собачек бросили, корма не стало, нечем кормить. Раньше много рыбы было, а сейчас ее мало. Плюс лимитки ограничивают. Камчадалам, корякам, эвенкам в этом году всего по 7 кетин давали (*показывает лимитку* – А.С.). Я, сын, внучка, внук и сноха – на 5 человек 35 кетин, 105 горбуш бесплатно. На всю зиму. Выловил, засолил и ешь. Я нанимал машину, сами ловили.

Оленеводством камчадалы никогда не занимались. Раньше по-казацки коней имели, ездили верхом. Коров много держали, и бычков на мясо. Все было: и мясо, и сметана, и творог. Ягоды были и рыба. Покупали только муку, сахар, соль, чай. В Гижиге в основном лавки были камчадалские. Японских, американских купцов у нас не было.

Был такой камчадал Русанов. Он женат был, у его жены брат был, тоже камчадал. Он в Каменском жил, 500 км от Гижиги. Решили корову ему в Каменское увезти. Усиленную нарту сделали. На одной нарте брат жены вез сено, а Василий Михайлович вез корову. Сделали площадку ей (*смеется* – А.С.). Он шутник был. «Как, – говорят – ты ее довез?» «А мы с ней в обнимку ехали» (*сеемся* – А.С.). Раньше были домики на маршруте каждые 40 км, поварни назывались. Там и дрова, и посуда была. Переночевали, завтра опять ее на нарту и дальше поехали. Неделю ехали. Это было в послевоенные годы.

Охотились, когда начинались холода. Составляли бригады в колхозе Гижиги. На морском берегу сетки ставили специальные на морзверя и отстреливали, редко. Коряки копьями на льду добывали морзверя. Камчадалы сильно не охотились, они рыбачили и на собачках ездили. Мясо у коряков выменивали на продукты – муку, чай, сахар, соленую рыбу. Бартерная система, как сейчас (*смеется* – А.С.). Пенжинский район каждый год ярмарки проводил.

4. Приезжих мало было. Отношения между приезжими и местными были нормальные. Земли и всего хватало. С эвенками, коряками дружили. Помню, отец ездил в стада, вез туда нерпичий жир, мясо нерпы, рыбу соленую, оттуда привозил мясо, меховую одежду. Жили дружно. В 1966 г. объединились три колхоза, центр сделали на устье новой Гижиги. Коряки, эвенки, камчадалы. Интернационал. Все вместе.

Например, сосед у меня был русский, приезжий. На пенсию вышел, собрался уезжать на материк, ему заплатили за квартиру, и там у него квартира. Он уехал. А мы вот здесь живем. Нужно, мне кажется, тем, кто остается, тоже оказывать какую-то материальную помощь.

5. Отец был репрессирован в 1938 году. У меня есть справка о том, что я являюсь жертвой политических репрессий.

Все поселки Северо-Эвенского района относились к Камчатской области до 1953 года, до создания Магаданской области. Ительменов здесь не было ни одного. Вот на Камчатке они есть, они там коренные жители. У них свой язык, культура. Живут в Тигиле, в поселке Седанке оседлой, там коренные ительмены. В Хайрюзово, в Палане и камчадалы есть.

А мы – помесь казаков с местными. Моя бабушка по отцу была с Анадыря, с Маркова. По матери я не знаю бабушку свою. Но тоже местная. У меня есть список всех камчадалов, кто в Гижиге живет, 48 семей. У всех у них в предках были казаки, у некоторых купцы, мещане. Мы женились на камчадалках. Это сейчас камчадалы женятся на корячках, эвенках. Сейчас мало осталось камчадалов (*перечисляет фамилии гижигинских камчадалов и говорит об их судьбе – А.С.*).

Русский язык у нас старинный был. Сейчас в разговорной речи не употребляем. А в Гижиге бабки еще остались, они по-камчадальски говорят. Например: «Мама кайбудь»? значит: «Мама здорова»? Старую, отметавшую икру рыбу называли *арара*. Сейчас и русские здешние говорят *арара*. А на Камчатке старую рыбу называют *ивала* (*ударение на первый слог – А.С.*). Самца рыбы кета называли *казак*: «Здоровый казак попался». Мужик, значит (*смеется – А.С.*). Много слов таких можно вспомнить (*говорит он с глубоким ударением на «о» – А.С.*).

Камчадалы раньше все верующие были. У нас в старой Гижиге была деревянная церковь, ее разрушили в 1930-х годах. Из нее построили школу-интернат. Когда советская власть пришла, попа сняли. Камчадалы построили ему дом в отдаленном маленьком поселке. Там три семьи эвенов жили. И возили его обряды совершать – крестить, отпевать. Хотя и

советская власть была, но все равно он до самой смерти в 1930-х годах работал. Сейчас в основном не верят. Здесь, в райцентре, снова церковь построили.

6. У нас есть ассоциация общая для коряков, эвенов, камчадалов. Когда создали, тогда еще работали, а сейчас пущено на самотек.

Реформ много бы надо сделать. Приезжим оказывает помощь администрация, а кто тут живет, остается, тем ничего нет. Хотя администрация оказывает помощь в оплате за обучение, проезд к месту учебы, заключение договора с родителями, надо это узаконить. Потому что в администрации люди меняются.

Местное самоуправление обязательно должно быть, чтобы были представители местных, малочисленных народов.

72 человека только с Гижиги репрессировали, в основном камчадалов; были эвены, коряки. В основном мужчин забирали. Сейчас до них никому дела нет (*показывает бумаги из архивов и письма из органов о репрессированных родственниках и ответы на запросы – А.С.*). Отца забрали за шпионскую деятельность (*смеется – А.С.*). Просто невинных брали всех подряд. Жертвам политических репрессий тоже должна быть какая-то помощь оказана. А нам ничего нет.

Знаю немного законы по народам Севера. По-моему, законы принимаются, но не исполняются. 10-летие идет коренных жителей мира. Администрация создала оргкомитет, я в него входил, мероприятия составляли. Ничего не выполняется. Слеты были, праздники.

Михаил Иннокентьевич Попов

1. Родился в 1933 году в селе Тауйск Ольского района Магаданской области. В семье было семеро детей. Работал лесником, грузчиком, дорожным рабочим, строителем. Сейчас на пенсии. Камчадал. Жена была русская. Есть дети, внуки. Живу в Тауйске.

2. Раньше вроде лучше было. А сейчас все дорого.

Раньше, когда колхоз был, оживленно было. Стройцев был, пилорама, народу много работало. Колхоз был богатый, занимался оленеводством, овощеводством. Картофель, ка-

пусту, морковь продавали. Были охотничьи бригады, добывали белку, а это доход колхозу. Мяса много было, оленины.

Сейчас детский сад закрыли, все разломали. Колхозную контору сломали. Молочно-товарную ферму закрыли. Склады сломали, сеновал. На паи делили колхозное добро. Некоторых коров забили. Потом начали директора меняться.

3. Учился охотиться в детстве, с дедушкой вместе на охоту ходил. Охотились на турпанов, собирали птичьи яйца. На рыбалку стали брать, когда взрослее стал.

У многих были здесь ездовые собаки, и у меня тоже. На собаках возили груза в те места, куда на лошади не проедешь. Частных упряжек (потиков) семь было в нашем селе. В одном потике обычно 12 собак. И в колхозе собаки были. Для них готовили корм из рыбы, *аргис*. Для этого копали ямы, и туда эту рыбу засыпали, целиком. Потом яму плотно закрывали землей. А зимой открывают и этой рыбой кормят собак. Сушили сухой корм. Его хорошо было транспортировать. Собак не стали держать, когда с кормами стало туго. Собачки у меня были до 1952 года. У меня остались охотничьи собаки.

У нас в хозяйстве были корова, телка, лошадь, свиньи. Свое масло делали, творог, простоквашу. Косили сено. Все успевали.

На зиму готовили рыбу, охотились, морзверя убивали. На морзверя охотились весной по льду, перевозили на собаках. А осенью в устьях охотились, на лодке выйдут и прямо с берега стреляют. Все тогда охотились, у всех ружья были. Потом у многих нарезные ружья забрали.

Я охотился, зайцев ловил, рябчиков убивал, куропаток. Выдру ловил. Только медведей ни разу не стрелял. Зимой капканы ставил на лис. Шкуру продадим – вот и деньги. Так мы и жили.

4. Хорошо, что не пишут в паспорте национальность. Какая разница, кто ты по национальности.

Раньше меньше народу жили, в основном местные были. Камчадалы. Были эвены или орочи. Споров между собой не было. Раньше дружно жили все. Друг к другу ходили, общались, делились. Потому что мы ребяташками играли и росли все вместе. Ездили в гости к орочам, они летом стояли на

берегу моря, заготавливали юколу. Угощали нас. У них юрты были ровдужные и берестяные. Раньше ловили, не делили места.

А сейчас что творится! А я один раз пришел на речку, какие-то мужики приехали, я их и знать не знаю, ага, на рыбалку собираются, кто они такие, откуда. Не наши. Ну, приезжают, свободно рыбу ловят. Я не знаю, как они ловят. Конфликтов нет между местными и приезжими из-за рыбы. Плохо, что икру забирают, а рыбу выкидывают.

5. Дедушка раньше жил в Охотском, на реке Ине. Потом они переехали в Тауйск. А мама вышла замуж в Охотском за отца моего. У матери отец был с Дону, донской казак Акишин. Мама тоже местной считалась, потому что ее отец на местной женился. А от дедушки большое поколение пошло. Охотник был он сильный, на медведя ходил.

Национальность здесь такая, камчадал. Ительмены, камчадалы.

Я там, на материке с одним стариком встретился, он спрашивал меня, кто я и откуда. Я ему все пояснил. Говорю, я камчадал, у нас там народность такая есть. Он мне говорит: «Ну-ка расскажи мне что-нибудь на своем языке». Я говорю: «Пожалуйста». Давай я ему рассказывать. Он говорит: «Постой, ты на своем языке говори». Я говорю: «Я и так на своем». «Да ты же по-русски говоришь». «У нас родной русский язык». Он говорит: «Интересно, а почему ты камчадал»? Некоторые с Камчатки приезжают, тоже камчадалы. Наверное, название от местности.

У нас есть музей, я туда отдал черкан (*ловушка-самострел на пушного зверя – А.С.*).

Раньше рыбу берегли. Икру, как сейчас, мало делали. Ее в основном сушили. Когда пойло коровам делали, икру добавляли.

Когда не было посторонних, охотились на сохатых. Убьют, привезут, делят всем. Так же рыбу ловили: приедут, поставят полную лодку рыбы – бери, сколько хочешь.

К природе раньше аккуратно относились. Ничего нигде не рубили зря. Сколько ключей высохло! Из-за того, что лес вырубали. Техничкой давили.

Раньше мы ездили сетку ставить с дедушкой. Пошли вверх по речке, и там было столько рыбы! Дедушка нам велел ее не пугать, и сказал, что рыба нерестится, ее потом еще больше будет. Я прошлый год по ягоду ходил и по ключу прошел. Везде запах, рыба валяется кучами, а в воде ни одной нет.

У нас была деревянная церковь, ее сломали. Вот колокол от нее висит. Когда здесь делали первое открытие острога, праздник был, народу много съехалось. Это где-то три года прошло.

6. Насчет национального села не собирали нас. Ассоциация есть у нас. Председатель ездит, лимитки получает, и все. Власти особо на нас внимания не обращают, занимаются своим делом. Про законы ничего не знаю.

Людмила Викторовна Черникова

1. Заведующая отделом по досуговой работе Магаданского областного центра народного творчества. Родилась в селе Крестовая в 1955 году. Окончила культпросветучилище в Приморье. Работала в Гижиге в доме культуры. Заочно окончила институт культуры в Хабаровске.

Прабабушка по отцовской линии была тундровая звенка. И коряки были в родне. Считаю себя камчадалкой. Муж приезжий, русский из Тамбовской области. Есть дочь. Живет в г. Магадан.

2. Кубака – второе месторождение в мире по запасам золота. Здесь много прибыли они получают. Но раньше это место всегда оленеводческие бригады обходили стороной.

Мы не знаем прибыль предприятия и не знаем размер отчислений. Начальство знает, потому что они акции имеют. Почему эти акции Кубакинские не поделили на все народы Севера?

Вот вашу бы родину разорили на ваших глазах, и ты ничего не можешь сделать. Не надо экономическую зону было делать, в том числе по стране. Сейчас будет воровство под маркой экономической зоны.

Алкоголь у нас как хроническая раковая болезнь. Когда у нас был Агафон Варламович Елисейкин председателем колхоза, у нас никогда не было сухих законов. Но он так делал,

что человек сам не шел покупать эту бутылку. Бочками спирт был. Он знал, что ему сейчас надо работать, надо заготавливать сено, рыбу ловить, надо морзверя добывать, потому что у нас большая звероферма была, молочно-товарная ферма. Огороды большие были, весь основной продукт на нашей земле выращивали. Это капуста, картошка. У нас молоко и сметана, творог были круглый год. Масло свое били. Привозили только крупы, соль, сахар.

Земля та же осталась. Но огороды забросили. Только рыбу режут, а икру меняют потом на продукты.

Сейчас зарплата такая маленькая, что настроения работать нет. Единственное, что перед земляками мне неудобно: раз взялась, надо вести.

3. Переселяли в конце 1950-х – начале 1960-х, потому что река стала мелеть и в верховья не могли проходить суда, чтобы привозить продукты, товары.

С одной стороны, цивилизация конечно приносит ущерб, а с другой стороны, когда живут люди обособленно, как-то лучше сохраняются.

4. Почему у нас в обществе есть рознь? Потому что мы друг друга не знаем, не понимаем. У каждого народа свое мировосприятие.

Например, вам кушать нечего, но и у меня тоже мало. И все равно я вам должна дать, понимаете? Потому что это Север. Это особый мир. А приезжие большинство не понимают: как можно отдать, если у нас у самих мало. А как же мы потом? А потом будет потом. Потом нам тоже кто-нибудь даст. Так все камчадалы, эвены, коряки жили. А многие приезжие этого не понимают, потому что у них там по-другому.

Обидно, когда приезжие обогатятся и уезжают.

Отношения в поселке между людьми нормальные. Мы всю жизнь у черта на куличках. Холод! Что там делить?

В городе бывает, чувствую себя меньшинством, но стараюсь не замечать.

Сейчас создано казачество на Магаданской земле. Какое это казачество? Вот мои предки были действительно казаки. Они шли навечно на эту землю, и у них дороги назад не было. Здесь обосновывались. Они эту землю берегли, этих людей берегли, сами с ними вступали в связь, создавали свою

народность. Я их потомок. Мне тоже эту землю жалко. Так рыбу не резали, берегли. Лес берегли. А сейчас самые настоящие варвары. Какие это казаки, которым нужна только рыба. Мои предки пришли не за рыбой, они пришли жить. А этим нужна пушнина, рыба, золото.

5. В Северо-Эвенском районе сохранилось традиционное хозяйство и верования.

Камчадалами у нас называют метисов. Когда-то давно, когда первопроходцы шли, когда дошли до Гижиги, тогда там обосновались. Мужчины были молодые, женились на местных женщинах. И оттуда пошел наш род. Я это знаю по рассказам отца, его предки отсюда. Мы знаем, что мы гижигинские камчадалы. Есть гармандинские. Марковские – это чуванцы. Называли камчадалы, потому что мы относились к Камчатке. Мы зовем друг друга камчадалами, как называли себя испокон веков. Вот такой у нас народ упертый. У моей тетушки был инфаркт из-за того, что ее заставляли записаться ительменом. И не одна моя такая была тетка, которая уперлась, что она камчадал. Многие старики не получали паспорта, только потому, чтобы остаться камчадалом. А в паспортном столе говорили: нет такой национальности.

Я создала клуб земляков, северян «Дюран». Занимаюсь в ансамбле со студентками, земляками с Северо-Эвенского района, эвенками и корячками. Они учатся в университете. Когда поедут работать домой, это пригодится. У нас сократили ставки, не готовят специалистов для национальных сел, по национальной культуре. Раньше в областном центре работа велась по направлениям, и прежде всего – с коренными жителями Севера. Сейчас этого нет.

Родной язык у камчадалов русский. Когда там жила, понимала эвенский.

Народ в основном в Гижиге православный. Мои предки все православные. В Гижиге была церковь, ее разрушили. А вот коряки – язычники.

В последнее время миссионеры американские едут к нам. Едут в такие точки, куда ты сам не доедешь никогда. И очень многим нашим коренным мозги задурили религией. Страна завоевывается не войнами, а миссионерами. Закона у нас нет, что ты им скажешь. Они проповедуют, и деньги дают,

продукты. У них система хорошо налажена. Особенно детей сложно от этого уберечь.

Хороший фестиваль проводили в Северо-Эвенском районе в начале весны – Холиа – радуга по-эвенски. Хотим в этот раз провести вместе со слетом оленеводов.

6. Реформы: поддержать надо местных людей. Я же никуда не поеду требовать свои права. На своей земле живешь и ничего не имеешь. Мы живем в российском государстве, а здесь такие законы. Даже хорошие законы не работают. Обязательно денег нет.

В Гижиге у нас лет 30 назад председателем колхоза был наш камчадал Агафон Варламович Елисейкин. Он был свой, там его родина была, корни. И вы знаете, какой у нас богатый был колхоз? Он не только заставлял людей работать. Уже рано утром он был на ногах. В пять утра он на ферму идет, или на электростанцию. Поздно вечером он еще не ложился, завтра спросит наших родителей: почему у тебя ребятишки бегали поздно, не спали? Все замечал. И не было такого, чтобы человек напился, забыл, где он находится.

Я считаю, свои люди на руководящих постах должны быть. Но и это не гарантия. Чтобы быть настоящим хозяином, нужны, по-видимому, особые качества. И чтобы в своей семье был порядок.

Уже некуда свои силы приложить, в тундру поезжай, хотя бы чтобы физически спастись, чтобы в поселке не пить. Вот такая ситуация.

Я не чувствую внимания к проблемам народов Севера от областных властей. Все идет на уровне разговоров. Губернатор выступает, программы хорошие действительно и по народам Севера и по детям Севера. Очень хорошие. Но ни одна из них не работает.

Как воспитывать свои кадры? Вот педуниверситет учит. Создан центр народов Севера, там Т.М. Барина. Но в первых под него не дается финансирование, она постоянно ищет спонсоров. А что такое спонсоры? Сегодня дал, завтра – извините. Она большое, нужное дело затеяла. Мы у соседей якутов не берем хороший опыт. Их большинство якутов, они еще могут влиять. А мы нет. Никто не слушает.

О 10-летию коренных народов знаю. Все сводится (я говорю только за культуру, как по образованию, медицине, я не знаю) к проведению праздников. Я бы как специалист, как северянка, больше бы хотела. Средства на праздник выделяла областная администрация, губернатор пригласил гостей. Праздник Бакалдыдяк делается раз в два года, но мы его не проводили пять лет, потому что не было средств.

В прошлом году стоял вопрос: может быть и рыбу не давать. На получение жилья тоже нет льгот. Это тоже ущемление права. Где вы видели хоть одного руководителя местного, нашего, коренного северянина? Нигде нет. Это тоже о чем-то говорит.

Станислав Агафонович Елисейкин

1. Родился в 1947 году в Гижиге. Отец был камчадал, мама приезжая, русская. Она работала в школе-интернате, отец был председателем колхоза. В семье было пять детей, все получили образование. Окончил Хабаровский медицинский институт. Врач-гинеколог, хирург, главный врач областной больницы в Магадане. Два года профессионально занимаюсь политической деятельностью. Председатель комиссии по социальным вопросам областной Думы. Женат. Есть сын, внук. По паспорту русский, но считаю себя камчадалом.

2. За последние 10 лет экономическое положение ухудшилось. Постоянно бываю у себя на родине. С одной стороны, из-за Кубаки положение в районе стало лучше. Сегодня этот район практически самый обеспеченный. А когда смотришь на жизнь, все не так хорошо, как кажется. Остается гнетущее впечатление от завоза продуктов питания, завозят в основном водку и табак.

В советское время в Гижиге было оленеводство, рыбообработка, овощеводство, животноводческие фермы. Сено косили, силос закладывали. На оленях, на собаках ездили. Совхоз миллионер был. Жизнь была интересная.

Когда Кубака начинала организовываться, много вопросов задавали, как и откуда идут золотые кредиты. Частное предприятие не подпускает к себе. Успокоились, что хоть что-то дает. Но Кубака через 4 года прекратит свое существование. Планы были в этом районе рабочие места создавать. Выде-

лена квота на работу на Кубаке для малочисленных народов Севера. Но, несмотря на приличные заработки, эта работа народам Севера не по душе.

В районе есть планы по разработке угольного месторождения, установке ветряных электростанций, закупке технологического оборудования для перерабатывающих цехов. Они направлены на развитие. Но люди не хотят работать.

3. Я застал собак, у нас в семье была большая упряжка. Сами хозяйством занимались, за дровами ездили, ловили рыбу. Жизнь для детей была самостоятельная. Ездили на Камчатку на собачьих упряжках. Сейчас упряжек нет.

Психология людей изменилась. Мы всю жизнь при том строе наших местных людей держали и политику определяли сверху. Командовали, как надо делать, хотя люди другие были, работоспособные, ответственные. Колхозы были довольно сильные.

Сейчас проблема возникла с частным и общественным оленеводством. Олени остались практически только в Северо-Эвенском районе. С одной стороны, администрация района перевела оленей в районную собственность. Хотят посмотреть, почему общественное поголовье падает, а частное – нет. Я считаю, нужно по крайней мере платить оленеводам за их труд в тундре. Их не так много. Но даже на зарплату не хватает денег. Я не могу понять, как так можно. Они не могут себя сами обеспечить. И этой проблемой надо поинтересоваться, сдвинулось ли что-нибудь.

4. В 30–40 км от Гижиги расположена Чайбуха. Там морской и авиационный порты. Русские приезжали туда в основном на сезонную работу, рыбалку, лов сельди. Рядом Гижига. Но там местные жители в основном жили. И вот население Гижиги осталось, люди живут и будут жить, а Чайбуха закрывается. Временные люди рано или поздно уезжают. У временщиков психология такая.

Мне кажется, что народы Севера, их уклад, быт, мышление отличаются, они своеобразные.

В советские годы связь была сложная, совсем мало было приезжих, люди хозяйствовали. И река, и угодья – наши были, хотя формально и государственные. Мы считали Гижигу нашей рекой, рыбу в ней ловили, много ее было. Завод ры-

бообрабатывающий был. А сейчас... Люди на своей земле не хозяева. Гижига – богатейшая река. Это государственная река, понятно. Но как только предприниматели туда ринулись, стали нарушаться условия жизни местного населения.

6. Я был первым депутатом России от Магаданской области (1990–1993 годы). После разгона Верховного Совета в 1993 году я ушел в практическую врачебную деятельность. В первой областной Думе я работал на общественных началах. После вторых выборов решил перейти на профессиональную основу. И все же я не отхожу от врачебной деятельности, консультирую, оперирую. Коллеги приглашают в тяжелых случаях. Люди меня знают, и востребованность есть. Вот так я и живу, в основном. В областной Думе я отвечаю за социальную и бюджетную сферы.

У нас есть комиссия по региональной политике, там проходят проблемы народов Севера. Мне приходится заниматься этими проблемами, потому что все знают, что я из местного населения. Поэтому волей-неволей я оказался в центре этого вопроса. Я член комиссии администрации по малочисленным народностям Севера. Много зависит от конкретного человека, от руководителя.

Отношение в целом к проблеме народов Севера пока очень слабое. Оно и на федеральном уровне слабое. Нет продуманной законодательной политики. Я, честно говоря, не могу понять, в чем состоит государственная политика в отношении народов Севера. В основном внимание уделяется сиюминутным проблемам. Комитеты Северов в лучшем случае занимаются завозом продукции, финансовыми вопросами.

И все же работа идет. В этом году Областной Думой принята программа по народам Севера. Финансовое положение тяжелое, и все равно запланированы конкретные дела, например, строительство бань в поселках, другие. У нас в области тяжелое положение с горняцкими поселками, проблемы колоссальные. Поэтому, может быть, и ушли в сторону проблемы Севера. Успокоились с Кубакой, что они на месте свои проблемы решают.

Проекты законов у нас периодически появляются. Мы их читаем, изучаем. Такое впечатление, что идет топтание на месте, и уже люди не верят, что законы будут реализованы.

В прошлом году к нам с Аляски приезжал чиновник, который работает с народами Севера. Мы собирались, разговаривали. Там другие подходы. Государство дает им шанс, например, выделяет землю и требует отдачи, самостоятельности и развития. А у нас по принципу дотаций. И не чувствуется стремления поднять производство.

У нас есть отдел народностей Севера. Не обижая их, мне кажется, они работают в пристяжке к администрации. Кое-что делают, пожары тушат, на жалобы отвечают.

Ассоциация здесь объединяет все народы Севера Магаданской области. Через ассоциацию проводим изменения в правилах по охоте. Существующие на сегодняшний день правила не совсем устраивают рыбаков, охотников, местное население. Я возглавил в Думе комиссию, через которую должны быть внесены изменения в правила охоты. Заложили 6 млн. руб. в реализацию программы по народам Севера, но денег пока нет.

Часть II

Родовые общины народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? 1999*

Движение за создание родовых общин на Севере России наиболее ярко проявилось в Якутии. Оно было тесно связано с проблемами землевладения и самоопределения малочисленных народов Севера. Закон «О кочевой родовой, родоплеменной общине коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» 1992 г. с изменениями и дополнениями 1996 г. оформил это движение в правовом плане. Цель данной работы – проанализировать Закон и опыт его применения за 7 лет, прошедших со времени принятия, а также подвести некоторые итоги общинного движения в РС(Я)**.

* Родовые общины в республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? М.: ИЭА РАН, 1999. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. № 126).

** Основу исследования составляют материалы, собранные в экспедициях в республику Саха (Якутия) в сентябре–ноябре 1997 г. и в августе–сентябре 1998 г. в рамках проекта «Земля и жизнь в культуре эвенов Республики Саха (Якутия): традиции, законы, практика». Работа выполнена при финансовой поддержке Программы мира и международного сотрудничества фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров. Результаты исследования были доложены на Третьем международном конгрессе по арктическим общественным наукам в Копенгагене (Дания) в мае 1998 г. и на расширенном заседании отдела этнографии народов Крайнего Севера и Сибири ИЭА РАН.

Я искренне признательна депутатам Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) Н.Г. Захарову, А.Д. Марфусаловой, А.Д. Иванову, А.И. Чомчоеву за встречи и интервью; работникам юридического отдела Ил Тумэн Е.Н. Петровой и С.М. Гурьевой за предоставленные тексты законов и законопроектов; членам правительства РС(Я) Л.П. Рехлясовой, Е.П. Тимофеевой; председателю Союза оленеводов РС(Я) М.П. Погодаевой; С.В. Питимко и оленеводам возглавляемого им кооператива «Малтан». Благодарю также сотрудников Якутского Республиканского архива и Республиканского статистического комитета за возможность работать с архивными и статистическими материалами.

В республике Саха (Якутия) на территории 3 млн. 103 тыс. кв. км. проживает 1 млн. 3 тыс. 700 человек¹, из них 391 тыс. – якуты (36%), около 27 тыс. – представители коренных малочисленных народов Севера (2,5%). Согласно Переписи 1989 года, это 14 428 эвенков, 473 чукчи, 8 668 эвенов, 408 долган, 697 юкагиров². Якутия – один из немногих регионов России, где рождаемость превышает смертность, но это не может восполнить убыль населения (в основном русских и русскоязычных) в результате миграций. За 1997 г. население республики уменьшилось еще на 1,2%.

Причины и начало «общинного движения»

Развитие национальных движений в СССР, затем в Российской Федерации, привело к самоопределению и повышению статуса некоторых ее субъектов, в т.ч. Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. Изменение статуса выразилось как во внешних формах – смене названий республики – Саха (Якутия) и самого народа – саха (якуты), так и в структурных переменах. Была введена должность Президента РС(Я), учрежден двухпалатный парламент, заключен договор о разграничении полномочий с Федеральным центром (1995), начала создаваться собственная законодательная база. В настоящее время Республика Саха (Якутия) – субъект Российской Федерации. Согласно Конституции РС(Я), высшими органами государственной власти в республике являются: Государственное Собрание (Ил Тумэн) РС(Я), Президент РС(Я), Конституционный суд РС(Я), Верховный суд РС(Я).

В этих условиях возросла политическая активность малочисленных народов Севера Якутии, обострился их интерес к собственной истории и культуре. В 1989 г. по обращению жителей Бытантая в Верховные Советы ЯАССР и РСФСР, в Политбюро ЦК КПСС Постановлением Верховного Совета РСФСР был образован Эвено-Бытантайский национальный район площадью 52,3 тыс. кв. км. (выделен из территории Верхоянского района Якутской АССР). Эта территория «в целях восстановления и сохранения мест проживания народностей Севера» Постановлением № 375 Совета Министров ЯАССР была объявлена заповедной зоной³. На состо-

явшемся в 1989 г. I Учредительном съезде малочисленных народов Севера Якутии была создана Ассоциация малочисленных народов Якутии. В 1992–1993 гг. прошли съезды и конференции эвенков, эвенков, долган, юкагиров, чукчей, на которых из уст некоторых национальных лидеров прозвучали призывы к созданию в границах РС(Я) Эвенского и Северо-Эвенкийского автономных округов как форм национальной государственности⁴. Участники съездов высказались за необходимость принятия пакета законов о коренных малочисленных народах Севера.

Изменение социально-экономической политики Российского государства в конце 1980-х – начале 1990-х годов, оформленное новыми законами и указами, такими, как Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности, Закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве и др., было направлено на реорганизацию системы советского хозяйства, что повлекло за собой резкое сокращение государственной помощи производителям промышленной и сельскохозяйственной продукции. Большинство предприятий находились в состоянии спада производства и кризиса. В то же время практически была приостановлена особая политика России на ее Севере, в т.ч. политика протекционизма в отношении народов Севера.

При разделе совхозно-колхозной собственности в местах преимущественного проживания народов Севера встал вопрос о том, какие структуры, прежде всего хозяйственные, будут правопреемниками государственных оленеводческих, рыболовецких, промысловых хозяйств и, в частности, субъектами права на землю. Иначе говоря, кому конкретно будут переданы материально-технические ресурсы, и в особенности, передана земля? Каким порядком это должно происходить? Владельцами бывшей государственной собственности (имеющей в настоящее время, как я покажу в дальнейшем, достаточно неопределенный характер) в Якутии были признаны так называемые родовые общины.

Первые восемь родовых общин возникли в 1990–1991 гг. на основании временного Примерного Положения о родовых общинах, принятого Верховным Советом Якутской-Саха ССР в июне 1991 г. Среди них были эвенкийские общины «Тал-

ба», «Тяня», эвенская «Ойотунг»⁵. К концу 1992 г. в республике насчитывалось только 28 родовых общин⁶, а к 1998 г. – уже 208 (при сохранении других форм организации хозяйства)⁷. Процесс создания общин на сегодняшний день в целом завершен. Он особенно активно происходил в период 1992–1994 гг. Динамика этого процесса такова: с 1992 по 1993 гг. образованы 44 общины, с 1993 по 1994 гг. – 60, с 1994 по 1995 гг. – 46, с 1995 по 1996 гг. – 16.⁸ За период с 1997 по 1998 гг. – только 6⁹.

Они объединяют в основном эвенов, эвенков, юкагиров, долган, чукчей – представителей коренных малочисленных народов Севера, а также относительно небольшое число якутов, русских, людей других национальностей. В форме владения или на правах аренды к 1997 г. общины имели 47,2 млн. га земли для ведения традиционного хозяйства: охоты, оленеводства, рыболовства.

Родовые общины в РС(Я) на 1.01.1997 г.¹⁰

Улус	Количество родовых общин	S земли (га)	В т.ч. с/х угодья	Из общей S выделено (га)		Число хозяйств прекративших деятельность
				В аренду	Во владение	
Алданский	38	6245328	1779	535324	5710004	–
Аллаиховский	8	6245328	557	–	3259371	–
Амгинский	1	177672	21	177600	72	–
Анабарский	2	212750	–	–	212750	–
Булунский	16	6578751	94	211900	6366851	3
В/Колымский	2	1278	350	928	350	–
Вилуйский	1	40	–	–	40	–
Жиганский	17	2976380	433	995807	1980573	–
Кобяйский	1	210000	–	210000	–	–
Н/Колымский	4	4229529	1679	–	4229529	–
Оймяконский	1	1325533	–	–	1325533	–
Олекминский	10	679723	467	–	679723	–

Родовые общины народов Севера в республике Саха (Якутия):
шаг к самоопределению?

Улус	Ко- личе ство родо- вых об- щин	S земли (га)	В т.ч. с/х уго- дья	Из общей S вы- делено (га)		Число хо- зяйств прекра- тив- ших дея- тель- ность
				В арен- ду	Во вла- дение	
Оленекский	12	3762842	8	–	3762842	–
С/Колымский	6	983782	–	983782	–	–
Томпонский	3	3514787	184	–	3514787	–
Усть-Майский	19	5007316	3510	–	5007316	–
Усть-Янский	15	2385000	2306	–	2385000	–
Хангаласский	8	844100	–	–	844100	–
Э. Бытантай- ский	4	381331	–	–	381331	–
Г. Нерюнгри	30	4769207	–	–	4769207	–
Всего	198	47544720	11388	3115341	44429379	3

Законы

Правовой базой для выработки в субъектах Федерации законов о малочисленных народах Севера стали Федеральные законодательные акты: Закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве; Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности; Указ Президента РФ 1992 г. «Об особых мерах по защите мест проживания коренных малочисленных народов Севера».

Как многонациональная республика, Саха (Якутия) нуждалась в выработке особой национальной политики, в которой значительное место должны были занять проблемы народов Севера. Создание собственной государственности, подъем национального самосознания народов Севера в РС(Я), а также во многом оправданная выжидательная позиция Федерального Центра в отношении принятия новых законов о народах Севера привели к необходимости и возможности формирования в РС(Я) собственной законодательной базы.

Процесс организации общин в Якутии был трудным и болезненным по разным причинам. Во-первых, к началу 1990-х гг. еще не было никаких теоретических разработок по этим вопросам, и обоснование создания общин, а также законы «под них» писались второпях, вновь организуемыми научными структурами. Я имею в виду Институт проблем малочисленных народов Севера, который оформился в 1992 г. из небольшого отдела при Институте языка и литературы Якутского филиала Сибирского отделения Академии Наук СССР. Многонациональный коллектив этого Института много сделал для разработки закона. Над созданием закона активно работали постоянная Комиссия по проблемам коренных малочисленных народов Севера Верховного Совета ЯАССР, новое Министерство по делам малочисленных народов Севера. За основу был взят Указ Президента РФ 1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», проект закона Российской Федерации «О территориях традиционного природопользования...», ряд других проектов и законодательных актов. В законе были отражены некоторые положения Конвенции № 169 МОТ. Позже, в 1994 г. Государственное Собрание (Ил Тумэн) республики Саха поддержало необходимость присоединения Российской Федерации к Конвенции № 169 МОТ и ее ратификации Федеральным Собранием¹¹. Правительством Якутии и различными неправительственными фондами были профинансированы командировки ученых, общественных деятелей, оленеводов РС(Я) в США, Канаду, Норвегию и другие страны с целью перенять накопленный там опыт.

Закон Республики Саха (Якутия) «О кочевой родовой общине коренных малочисленных народов Севера», принятый в 1992 г., законодательно определил и закрепил правовые вопросы создания и функционирования общин. Его принятие было ускорено требованием делегатов Первого съезда кочевых родовых общин РС(Я), который состоялся 10–11 сентября 1991 г.¹². В 1996 г. в Закон были внесены изменения и дополнения. Сейчас он называется «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера». Среди принятых позже следует отметить: Закон

РС(Я) «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» от 24 апреля 1997 г. № 172-І»; Закон РС(Я) «Об оленеводстве» № 180-І» от 25 июня 1997 г.; Закон РС(Я) «Об охоте и охотничьем хозяйстве» от 14 июля 1998 г. № 34-ІІ; Закон «О Суктуле юкагирского народа» от 18 марта 1998 г. № 8-ІІ. В выступлениях официальных лиц на Днях Арктики в г. Якутске в октябре 1997 г. прозвучали слова о «правовом прорыве, по сравнению с Россией и республиками, в деле утверждения дальнейшего правового статуса малочисленных народов»¹³.

Закон «О родовой, родоплеменной общине коренных малочисленных народов Севера» состоит из 6 разделов, включающих 25 статей. I. Общие положения: ст. 1–6 (определение общины, порядок ее создания и членства в общине; органы управления общины и взаимодействие с органами местного самоуправления); II. Собственность общины: ст. 7; III. Земли общины: ст. 8–15 (землепользование общины, порядок предоставления земель, разрешение земельных споров; охрана земель и воспроизводство ресурсов); IV. Гарантии традиционного природопользования и социально-экономической деятельности общины: ст. 16–19 (преимущественное право общин на использование биологических ресурсов, финансовое обеспечение, льготы, обжалование неправомерных действий органов управления и должностных лиц); V. Деятельность общины: ст. 20–24 (производственная, учет и отчетность, социальное обеспечение); VI. Прекращение деятельности общины: ст. 25.

Изменения, внесенные в закон в 1996 г., коснулись его названия, а также частично внутреннего содержания. Введена преамбула, где дается краткая характеристика закона и особо подчеркивается государственная защита новых образований. «Кочевая родовая родоплеменная община» народов Севера определена как «добровольное объединение представителей коренных малочисленных народов Севера, а также представителей других коренных народов и этнических общностей Севера, ведущих кочевой образ жизни на основе членства и объединения имущественных паевых взносов для совместной деятельности, связанной с традиционными занятиями и промыслами на их исконных территориях расселения».

Закон декларирует, что общины создаются для возрождения и развития традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Севера, сохранения их среды обитания и образа жизни. Главным критерием создания общины и выделения земельного фонда стал факт ведения традиционного хозяйства – охоты, оленеводства, рыболовства – и, связанный со спецификой этих хозяйственных занятий, неоседлый образ жизни на фактически занимаемых территориях. В каком-то смысле здесь проще было решить вопрос о земельных границах, чем, например, на Северной Территории Австралии, поскольку определенный коллектив людей жил «традиционным хозяйством» на «исконных» землях¹⁴.

Здесь мной дана лишь краткая, общая характеристика закона об общине. Ниже в соответствующих разделах я попытаюсь подробно проанализировать основные статьи закона, соотнося их с реалиями жизни.

Практика

Отношение руководителей разных уровней в РС(Я) к созданию общин было далеко неоднозначным, особенно в первое время. Одни считали создающиеся родовые общины чуть ли не панацеей от всех бед, обрушившихся на народы Севера в связи с изменением социально-экономической политики государства¹⁵, другие были категорически против их создания¹⁶, третьи занимали промежуточную позицию¹⁷. Преобладавшее негативное отношение было вызвано, прежде всего, не произносившимся отчетливо вслух, но явно носящемся в воздухе опасением, что при создании родовых общин республика может утратить контроль или даже потерять обширные земли, хотя и расположенные в экстремальных зонах, мало пригодные для жизни, но богатейшие с точки зрения содержания минеральных природных ресурсов, т.е. имеющие стратегическое значение¹⁸. Второе опасение состояло в том, имеют ли общины шанс экономически выжить в условиях жестких рыночных отношений¹⁹. Наконец, сказалась и обыкновенная приверженность к традициям, которая в принципе играет стабилизирующую роль и предохраняет общество от экономических и социальных потрясений.

Забегая вперед, отмечу, что опасения об утрате контроля над передаваемыми общинам в пользование землями не подтвердились. Что касается экономики, то официальное провозглашение республикой в 1995 г. политики протекционизма в отношении малочисленных народов Севера было фактическим признанием несостоятельности идеи внедрения чисто рыночных отношений среди народов, чьими традиционными, жизнеобеспечивающими занятиями являются охота, оленеводство, рыболовство²⁰.

Сейчас страсти утихли. Стало очевидным, что изменившаяся экономическая система и практическое прекращение государственной поддержки потребовали более гибкой экономической организации для того, чтобы хозяйствам выжить и сохранить оленеводство. «Многие считают, что надо было сохранить совхозы, но государство сегодня в полной мере совхозы обеспечить не может... Легче поддержать те структуры, которые выстраиваются, взяв ответственность за себя, за свою судьбу, свою жизнедеятельность»²¹.

Несмотря на то, что по Закону о кочевой родовой, родоплеменной общине никто не имеет права препятствовать созданию таких коллективов, из-за негативного отношения руководства республики разных уровней к развернувшемуся движению трудно было зарегистрировать новые хозяйственные объединения. Служащие улусных (районных) администраций, по Закону наделенные правом регистрации общин, чинили препятствия, иногда сознательно, иногда и неосознанно, из-за собственной правовой неграмотности. Под разными предлогами в регистрации отказывали. Были попытки лишить людей информации: в Томпонском улусе изъяли все газетные приложения, в которых был опубликован Закон о кочевой родовой общине²². Отправляли людей для оформления родовых общин и всех необходимых бумаг в Якутск, мотивируя это тем, что не имеют полномочий на регистрацию, как это было, например, с оленеводческо-промысловой общиной С.И. Слепцова из Верхнеколымского улуса²³. Пытались использовать старые связи с руководителями всех рангов, в том числе с Президентом РС(Я), чиновниками из Министерства сельского хозяйства, Фонда управления имуществом республики Саха(Якутия), даже с самими органами

юстиции²⁴. Проводили «индивидуальные беседы», в основном с пожилыми людьми, и часто достигали желаемого результата.

С другой стороны, самим малочисленным народам Севера не хватало правовой грамотности. Трудно было найти квалифицированных юристов, грамотных советников. Неслучайно родовые общины сначала возникли именно в местах смешанного расселения, где выше уровень грамотности, умение постоять за свои интересы. Кроме того, за многие годы патерналистской политики люди отвыкли от собственности, необходимости принимать решения, а главное – нести за них ответственность.

«Малтан» – значит «Крутой поворот»

Ярким примером противостояния официальных властей и организующихся родовых общин служит история производственного кооператива «Оленеводческая община Малтан» в Момском улусе, который был зарегистрирован после двухлетней борьбы коллектива за свои законные права. Вопрос о регистрации предприятия был решен только через Арбитражный Суд РС(Я). Остановлюсь более подробно на истории создания этого кооператива, поскольку это был первый, насколько мне известно, и единственный пока успешный пример решения спорных вопросов через Арбитражный суд РС(Я). История кооператива интересна еще и потому, что ее пример показывает, как было на практике преодолено несоответствие некоторых положений законов РС(Я) федеральным законодательным актам, а именно Гражданскому Кодексу РФ.

Общим собранием трудового коллектива совхоза «Искра» от 2.01.1995 было решено на базе индивидуальных паев оленеводов, выделенных из совхозного имущества, создать родовую оленеводческую общину и утвердить устав. Учредительные документы были поданы на регистрацию в администрацию улуса. На основании п. 1.4 Положения о преобразовании оленеводческо-промысловых совхозов РС(Я), утвержденного Постановлением Правительства РС(Я) от 12.06.1993 № 204 выход работников из совхозов в связи с созданием общин производится без согласия на то трудового коллектива совхоза или администрации предприятия.

Среди учредителей «Малтана» было 57 человек, из них 45 – оленеводы, работники совхоза «Искра», остальные 12 – пенсионеры, отработавшие всю жизнь в оленеводстве. Как было написано в письме на имя председателя парламентской комиссии по правам человека, межнациональным отношениям, делам малочисленных народов Севера Н.Г. Захарова, «...решение об этом вызревало долго, не так просто было решиться на самостоятельную хозяйственную деятельность. Но дальше терпеть бесхозяйственность, ведущую к нищете и уничтожению оленеводства как отрасли хозяйственной деятельности северян, невозможно. Из 216 человек списочного состава оленеводческого совхоза «Искра» только 47 человек оленеводов, управленческий аппарат 36 человек, остальные отрасли – свиноводство, клеточное звероводство, добыча мрамора, золота, дорожное строительство. Все – убыточное... Сегодня мы решили работать самостоятельно и требуем то, что нам положено по действующему законодательству и не более того»²⁵.

С этого момента началось противодействие регистрации оленеводческой общины «Малтан»²⁶ и получению имущественных паев (олений) работниками, выходящими из состава совхоза. Администрация совхоза и улуса препятствовала деятельности ПКОО «Малтан» незаконными методами; не выдавала акта комиссии по преобразованию совхоза, хотя эта комиссия образована распоряжением № 70 от 9.03.95; свидетельства собственности владельцам имущественных паев, где указывался размер собственности в денежном и натуральном выражении. В то же время распоряжением № 150 от 31.05.95 главы администрации Момского улуса зарегистрировано государственное унитарное предприятие (ГУП) «Искра» – правопреемник совхоза. Его создание и регистрация произошли с нарушением права собственности совхоза «Искра», т.к. ни от одного из работников бывшего совхоза не было получено заявление с отказом от доли собственности (пая) в пользу Министерства сельского хозяйства или Фонда имущества.

В ноябре 1995 г. в Момском улусе работала Правительственная комиссия, в состав которой входили: заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия РС(Я), гла-

ва администрации Момского улуса, заместитель министра юстиции РС(Я), заместитель директора Института проблем малочисленных народов Севера РС(Я), директор Союза оленеводческих общин «Томпо», главный специалист Управления госимущества АПК Министерства сельского хозяйства и продовольствия РС(Я), председатель Союза оленеводов РС(Я). Приезд столь высокой комиссии был вызван обращением оленеводов непосредственно к Президенту РС(Я) М.Е. Николаеву, а также их угрозой вывести оленей в соседний Сусуманский район Магаданской области.

Глава кооператива «Малтан» С.В. Питимко представляет собой новый тип руководителя. Он вырос в оленеводческой семье (отец – украинец, мать – эвенка), работал в оленеводстве, получил высшее образование в Якутске, учился в Москве. С.В. Питимко – грамотный молодой человек, хорошо знающий законы, имеющий связи с юристами в Якутске. Он не остановился после первых неудач, и во многом благодаря его упорству и настойчивости, уверенности в успехе кооператив «Родовая оленеводческая община Малтан» был зарегистрирован.

Почему кооператив, а не родовая община? Опытные юристы из информационно-правового агентства А. Габышева (г. Якутск), консультанты в деле кооператива «Малтан», подсказали, что в Гражданском кодексе РФ такой организационно-правовой формы, как родовая община, нет. На долгосрочную перспективу, в случае установления хозяйственных связей за пределами республики Саха, необходимо действовать в соответствии с законодательством Российской Федерации. Поэтому руководители «Малтана» приняли решение переименовать родовую общину в производственный кооператив²⁷. Позже, в 1997 г., Министерством сельского хозяйства и продовольствия РС(Я) было предпринято разъяснение правовых основ и деятельности родовых общин, которое внесло некоторые коррективы в действующий Закон 1992 (1996) гг., о чем будет сказано ниже.

Высший Арбитражный суд РС(Я) от 27.03.1996 вынес определение, признавшее законность создания ПК «Родовая оленеводческая община Малтан», как соответствующее ГК РФ и Постановлению Правительства РС(Я) от 12.06.93

№ 204. Высший Арбитражный суд определил «принудить администрацию Момского улуса выдать в соответствии с Положением о преобразовании совхозов свидетельство на имущественный пай с указанием размера в денежном и натуральном выражении каждому члену кооператива «Малтан»²⁸. С 1 января 1997 г. кооператив начал работать как самостоятельное предприятие²⁹.

Этнический и социальный состав «кочевой родовой, родоплеменной общины»

Главными «идеологами» создания новой терминологии были ученые и государственные чиновники РС(Я). Основной тезис состоял в том, что понятия общины, рода, племени не устарели и «являются основой для внутренней структуры и самоопределения народов Севера»³⁰. Однако ни в первом, ни в более позднем варианте Закона не даются пояснения, почему община определена как «родовая», «родоплеменная».

Использование в законодательстве термина «кочевая родовая община» с научной точки зрения неверно. Об этом уже не раз говорилось на страницах научной печати в отношении подобных терминов, принятых и в других северных субъектах РФ³¹. Современные исследователи-этнографы с трудом восстанавливают прежнюю родовую структуру народов Севера, поскольку сами их представители зачастую не помнят своего родового имени и смысла родового деления. Закон экзогамии постоянно нарушается. Что же касается понятия т.н. административного рода, то оно было введено искусственно царской администрацией. Для многих народов категория рода как элемента социальной системы, отличающейся определенными социальными функциями, вообще отсутствовала³².

Тем не менее, сам феномен повсеместного использования схожей терминологии в разных северных субъектах РФ заставляет его проанализировать и дать оценку.

На мой взгляд, причины введения этой терминологии в Закон 1992 г. в РС(Я) были прежде всего политические: во-первых, чтобы подчеркнуть специфику общин с точки зрения

традиционности хозяйственных занятий, их отличие от крестьянско-фермерских и других категорий хозяйств, где работают в основном якуты и, следовательно, особых прав на занимаемые территории; во-вторых, в связи с имевшейся неопределенностью с правовым статусом родовых общин.

В поправках к закону 1996 г. был введен еще один «мифологический» научный термин – «родоплеменная» община. Неблагодарным занятием было бы искать ее в реальной жизни. Категория племени и даже этноса в современных границах на Крайнем Севере никогда не осознавалась³³. По-видимому, введение этого термина было вызвано необходимостью каким-то образом назвать союзы и объединения родовых общин, которые начали возникать вначале спонтанно на юге республики, среди эвенков, а позже их создание было поддержано и стимулировалось правительством на всей территории Якутии.

Что же представляет собой коллектив общины?

Согласно ст. 3 Закона о кочевой родовой родоплеменной общине, ее членами могут быть коренные малочисленные народы Севера (эвены, эвенки, чукчи, долганы, юкагиры) и члены их семей (независимо от национальности), а также представители коренных народов Якутии (кто именно, не поясняется, по-видимому, прежде всего – якуты) и других этнических общностей Севера. Условием членства в общине для представителей коренных народов Якутии и других этнических общностей является постоянное проживание на территории общины и ведение традиционного образа жизни наравне с малочисленными народами Севера. Кроме того, ее членами могут быть, без оформления вступительных документов, несовершеннолетние дети, лица пенсионного возраста, неработающие инвалиды, при условии постоянного проживания на территории общины. Эта система взаимопомощи находит аналогии как в обычном праве якутов (система т.н. «кумаланов»), так и большинства малочисленных народов Севера. Ст. 4 оговаривает правила приема в общину специалистов по найму. Такой прием осуществляется главой общины путем заключения контракта между ним и работником на основании действующего трудового законодательства.

Для того, чтобы понять, почему Закон дает расширительное толкование родовой общины коренных малочисленных народов Севера в РС(Я), следует иметь в виду главные черты современных этнических процессов в их среде. Это – интенсивные аккультурация и ассимиляция, идущие уже не одно десятилетие между эвенами, эвенками, долганами, чукчами, с одной стороны, и с якутами, в меньшей степени русскими и русскоязычными, с другой. Исторически сложившаяся общность социального и культурного развития во многих местах совместного проживания и природопользования, например, на Бытантае, в устье Яны, Индигирки, Колымы, в других регионах привела к тому, что у людей, живущих там, региональное самосознание иногда выступает на первый план по сравнению с этническим, а сама иерархия идентичности очень сложна³⁴. Многоальтернативное самосознание поощряется в Якутии, особенно среди не-якутов³⁵.

В этих условиях современная «кочевая родовая, родоплеменная община» неоднородна по составу и структуре. Большинство людей в общинах связаны близкой или дальней степенью родства. Небольшие общины, состоящие из 5–15 чел., представляют собой 1–3 кровнородственных семьи, часто этнически смешанного состава: родители, их взрослые дети со своими семьями. Такова, например, община С.И. Слепцова из Верхнеколымского улуса (8 чел. в 1993 г.), община «Куута» Е.И. Громова из Томпонского улуса (16 человек в 1992 г.), община «Осикат» из Томпонского улуса (9 человек в 1998 г.), община «Байанай» Н.С. Павлова из Оленекского улуса³⁶.

Большинство крупных общин состоит из представителей нескольких территориально-соседских объединений. Всего в общине «Уродан» оленеводческо-промыслового направления (Среднеколымский улус) зарегистрировано 69 работников, из них 52 эвена, 14 якутов, 1 русский. В ней объединились несколько семей, связанных близкой или дальней степенью родства. В общине «Ойотунг» охотничье-рыболовческо-олeneводческого направления (Аллаиховский улус) в 1991 г. было 44 члена. По национальному составу это якуты, эвены, юкагиры, русские и др. Список работников общины «Берелях» (Аллаиховский улус) составляет 56 чел., причем здесь

большинство – северные якуты. Список работников общины «Аллаиха» (Аллаиховский улус) – 53 семьи; большинство населения – смешанное (якуты, русские, эвены, буряты, др.)³⁷. В кооперативе «Родовая оленеводческая община Малтан» (Момский улус) числится 57 чел., это 5–7 «больших» семей эвенов и якутов, часто смешанного состава. В союзе общин ТОО ОО «Томпо» (Томпонский улус) – 115 чел., в основном эвены и якуты. Значительную долю (не менее 25%, по моим подсчетам) здесь составляют смешанные семьи³⁸.

Как показывают полевые материалы, обычно община включает не более 15–20% представителей других народов, на самом деле, еще меньше, 5–10%, это, прежде всего, специалисты по найму. В то же время, очень трудно провести такое разграничение, когда население является смешанным. Не менее чем 20–25% людей из числа народов Севера в Якутии имеют «плавающее» самосознание, которое поддерживается благодаря льготам, о чем говорят данные Переписи 1989 года. В таких условиях в РС(Я) нашли единственно верное, на мой взгляд, решение.

Важная черта Закона о кочевой родовой общине и других Законов РС(Я), касающихся народов Севера – то, что в них, насколько возможно, смещен акцент с этнической принадлежности на специфику хозяйственных занятий и образа жизни. Перечень коренных малочисленных народов Севера Якутии в Законе о кочевой родовой, родоплеменной общине дается только один раз, затем он заменяется понятиями «коренные малочисленные народы», «коренные народы». Употребляясь далее как синонимы, эти понятия никак не разъясняются, хотя могут иметь разное (в том числе расширительное) толкование³⁹.

Реально приоритет и льготы даются в значительной степени исходя из специфики хозяйственных занятий и образа жизни, хотя эти занятия еще во многом соотносятся с этносами. Анализ Законов, постановлений, различных источников и публикаций приводит к выводу, что в РС(Я) стремятся уйти от решения национального вопроса на этнической основе. Главной линией национальной политики в РС(Я) становится «деэтнизация» законов, касающихся экономического

и культурно-бытового развития малочисленных народов Севера, независимо от их национальной (этнической) принадлежности и направленных в конечном счете к формированию регионального (государственного) единства, единой «якутской» нации.

Что касается социального состава общины, то он тоже неодинаков в разных объединениях. Ст. 3 и ст. 4 Закона «О кочевой родовой, родоплеменной общине...» разграничивает понятия «наемный работник» и «член общины». Члены родовой общины не могут быть признаны наемными работниками. Для наемного рабочего характерно то, что он за определенную плату выполняет определенную трудовым договором (контрактом) работу, а член родовой общины является собственником имущества общины и работает в данной общине не за определенную плату, обусловленную трудовым договором (контрактом), а потому, что он вложил в эту общину свое имущество и своим личным трудом участвует в получении общиной дохода.

Глава родовой общины имеет право нанимать наемных работников и вести их трудовые книжки. Отношения работодателя и наемного работника регулируются действующим трудовым законодательством, отношения членов общины между собой регулируются ГК РФ и Законом РС(Я) «О родовой, родоплеменной кочевой общине...».

Члены общины – это охотники, рыбаки, оленеводы. Управленческий аппарат, необязательно состоящий из представителей коренных малочисленных народов Севера, нанимается главой общины по контракту. Так, например, директор союза оленеводческих общин «Томпо» Томпонского улуса – якут из Мегино-Кангаласского улуса РС(Я), бухгалтер и инженер-строитель – украинцы, экономист – якутка из Нюрбинского улуса РС(Я). Представителей малочисленных народов Севера реже можно встретить на управленческой работе, руководящих должностях, хотя их общий настрой – целенаправленно готовить специалистов руководящего состава из своих рядов.

Много споров вызвал вопрос о том, имеют ли право входить в общины члены семей общинников, если они не заняты непосредственно в традиционных отраслях хозяйства. Он

был решен в сторону ограничения членства в общине, т.е. реально община оказалась социальным объединением по принципу общности хозяйственных занятий. Так, например, если в одной семье муж – оленевод, а жена – медсестра, работающая в поселке, то она не имеет права быть членом общины, если, конечно, не работает в общине по контракту. Такое решение было связано с выделением паев при разделе собственности совхозов и промхозов, особенно в натуральном выражении (оленьями). В то же время Закон о правовом статусе коренных малочисленных народов Севера 1997 г. распространяет права в области традиционного природопользования и на другие социальные и этнические категории граждан, постоянно проживающих в местах компактного расселения коренных малочисленных народов Севера (ст. 26), что является важным, консолидирующим население, фактором.

Собственность и управление в общине

Собственность на основные и оборотные средства была получена общинами бесплатно вследствие разукрупнения или ликвидации совхозов и колхозов и последующей приватизации.

Из смысла статей 5, 7 Закона РС(Я) «О родовой, родоплеменной общине малочисленных народов Севера» вытекает, что имущество общины принадлежит на праве общей долевой собственности членам общины. При этом необходимо заключение между ними договора об установлении долевой собственности, о чем было разъяснено дополнительно, поскольку этот важный момент был упущен в Законе. В договоре должны быть определены размер долей каждого члена общины и порядок его изменения и распоряжения. Согласно ст. 7 вышеуказанного Закона, община может образовать с согласия всех ее членов неделимый фонд. Порядок образования и использования фонда также должен регулироваться договором⁴⁰.

Обратимся к истории народов Севера России, их обычному праву. В коллективном, общинном пользовании находилась земля, но вопрос о земле будет рассмотрен отдельно. Продукция мясной охоты, согласно обычаю, должна была

делиться между всеми членами территориально-соседской группировки, т.е. фактически распределялась коллективно. Что касается продукции пушной охоты, то она уже в конце XIX в. принадлежала конкретному охотнику. Домашние олени также находились исключительно в частной собственности. Согласно традиционному мировоззрению, домашний олень не может не иметь конкретного хозяина, связь человека и оленя predetermined свыше. В 1920–1930-е годы колхозные стада оленей были сформированы за счет обобществления частных оленей. Выпасать их продолжали, как правило, те же люди, вчерашние собственники оленей, а ныне раскулаченные наемные работники, или бедняки. В течение долгого времени бывшие владельцы больших стад оленей продолжали рассматривать совхозных оленей как, в какой-то мере, свою прежнюю собственность. Официально оленеводам было разрешено иметь частных оленей, количество которых, очень небольшое, регулировалось специальными государственными и внутрихозяйственными приказами.

В настоящее время собственность в общинах коллективно-долевая. Это значит, что стадо оленей принадлежит всем вместе и каждому в отдельности (по паям в зависимости от выслуги лет и пр.). Возникает вопрос: не сохранение ли это прежней государственной собственности на оленей? В общинах по-прежнему имеются частные олени, число которых ограничено различными приказами. Вопрос о том, должны ли устанавливаться нормы количества частных оленей в общинах и законно ли брать деньги с оленеводов, занимающихся традиционными отраслями хозяйства на своих исконных землях за то, что количество их частных оленей превышает, например, 15 голов, или другую установленную норму (обычно не более 30), очень сложен. Кажется, он не проработан ни с юридической, ни с морально-этической точек зрения. Жесткая система соотношения частных и общинных оленей сохраняется в ТОО ОО «Томпо» (бывший совхоз Томпонский Томпонского района), что вызывает недовольство рядовых пастухов-оленеводов. За выпас каждой «лишней» головы оленя (в связи с потравой оленьих пастбищ и т.п.) в ТОО ОО «Томпо» из заработной платы оленеводов, которая

не выплачивается уже несколько лет, официально должно быть удержано более 100 рублей. В то же время в рационе оленеводов отсутствуют многие необходимые продукты питания, люди порой голодают. «Мы действительно не знаем, чьих оленей пасем за такую нищенскую мизерную зарплату. Всю жизнь мои родители были оленеводами и наследства не оставили. В нашей большой семье оленей – 30–40 голов. И вопрос собственности сегодня стоит очень остро»⁴¹.

Статья 2 Закона РС(Я) «О родовой, родоплеменной кочевой общине малочисленных народов Севера» установила, что община является юридическим лицом. Но согласно ст. 4 Закона РФ «О введении в действие части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации» она не подлежит применению. Если гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы, то к ним допустимо применение гражданского законодательства, регулирующего сходные отношения. Поэтому деятельность родовых общин рассматривается как особая форма предпринимательской деятельности гражданина без образования юридического лица, по аналогии правового положения крестьянских хозяйств.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия РС(Я) по вопросу перевода родовых общин из статуса юридических лиц в статус индивидуальных предпринимателей придерживается той позиции, что это изменение не является ни ликвидацией, ни реорганизацией. «Все права и обязанности родовой общины как юридического лица переходят к хозяйству с новым статусом»⁴². Глава родовой общины должен подать заявление в администрацию улуса о приведении статуса родовой общины в соответствие с нормами Гражданского Кодекса РФ. На основании заявления главы администрации улусная администрация издает распоряжение об утверждении нового статуса общины, о признании главы общины предпринимателем. Улусная администрация выдает главе общины новое свидетельство о перерегистрации общины с новым статусом.

Если члены ранее созданной родовой общины с правом юридического лица желают сохранить статус юридического лица, то эта община вправе перерегистрироваться в одну из организационно-правовых форм коммерческих организаций,

которые предусмотрены главой 4 Гражданского Кодекса РФ. В этом случае для прохождения перерегистрации необходимо разработать устав и другие учредительные документы, предусмотренные ГК РФ для данного вида юридического лица.

Встала необходимость упорядочить регистрацию общин в соответствии с Гражданским Кодексом РФ. Согласно ГК РФ родовая община, хотя и не является юридическим лицом, но в соответствии со ст. 23 ГК РФ должна проходить государственную регистрацию в улусной администрации, при этом глава общины признается (не регистрируется) предпринимателем.

Согласно ст. 23 ГК РФ, Закона РС(Я) «О родовой, родоплеменной общине...» порядок регистрации родовой общины следующий.

1. Гражданин, который организует родовую общину, подает заявление на имя главы администрации улуса о регистрации родовой общины. Согласно ст. 51, 52 ГК РФ на основании устава действует юридическое лицо; так как родовая община юридическим лицом не является, при регистрации и при открытии расчетного счета предоставления устава общины не требуется. Улусное собрание вправе освободить родовые общины при регистрации от уплаты регистрационного сбора. К заявлению о регистрации прилагаются землеустроительные документы об отводе земельного участка.

2. Улусная администрация на основании заявления работника издает постановление о регистрации родовой общины и о предоставлении земельного участка главе общины в бессрочное пользование.

3. Улусная администрация выдает главе родовой общины свидетельство о государственной регистрации, улусный земельный комитет выдает главе общины свидетельство о безвозмездном бессрочном пользовании на земельный участок.

При распределении паев учитывали оленеводов, а также пенсионеров, отработавших в оленеводстве. Паи оленями могли получить только те, кто работает в бригадах. Приватизация и земли, и оленей прошла бесплатно. При выходе из общины свой пай можно получить только деньгами и с рас-

срочкой на несколько лет. Это сделали, чтобы не произошло растаскивания общей собственности.

Община является самоуправляющейся организацией, все вопросы правомочно решать общее собрание, которое собирается не реже одного раза в год. Общее собрание избирает совет и главу общины сроком на 5 лет. Они имеют исполнительно-распорядительные функции. Все вопросы внутривоспроизводительной жизни отданы для их решения в общину: планы развития, определение внутривоспроизводительных границ, распределение угодий, доходов и т.д.

Проблема землевладения и география родовых общин

Одной из главных причин создания родовых общин было стремление народов Севера закрепить за собой законодательным порядком земли традиционной хозяйственной деятельности. Закрепление территорий стало одной из главных проблем, поскольку новые условия стали требовать введения таких форм землепользования, которых прежде народы Севера не знали. Поэтому Закон 1992 г. представляет собой компромисс, учитывающий некоторые особенности природопользования аборигенных народов. Как и во всем остальном мире, где решают проблемы землевладения аборигенов, это явное приспособление государственной законодательной системы к зачастую реконструируемому праву «традиционного» общества.

В законодательстве частично были учтены особенности традиционного природопользования народов Севера, путем придания характера коллективного наследственного неотчуждаемого владения. Действительно, земля никогда не находилась в частной собственности, ее использование регулировалось традиционными правилами и нормами. Это означало, что она считалось занятой до тех пор, пока фактически осваивалась. Границы занимаемых территорий не были строго очерчены. В случае резкого ухудшения экологической ситуации и, как следствие, голода, группы охотников-оленьеводов передвигались иногда за сотни и даже тысячи километров от мест первоначального расселения.

Согласно Закону о кочевой родовой, родоплеменной общине земли передаются общине безвозмездно в бессрочное пользование по решению органов местного самоуправления. Эти земли являются «достоянием народов РС(Я) в лице малочисленных народов Севера и коренных народов Якутии и без их согласия не подлежат отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием» (ст. 8). Границы устанавливаются в пределах земель традиционных занятий и промыслов, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность общины. Община самостоятельно распределяет среди своих членов угоды. Вышедшие из общины на выделение земельной доли права не имеют.

Общины имеют преимущественное право на использование биологических ресурсов (ст. 16), льготы в области налогообложения на получаемые ими доходы, освобождаются от платы за землю, других сборов и пошлин, им предоставляются льготные условия кредитования (ст. 18).

Община имеет право сдавать часть своей территории в аренду для ведения сельскохозяйственных занятий, а также, с согласия местных администраций, для разведки и добычи полезных ископаемых. Порядок заключения договоров на специальные платежи за право пользования участками недр устанавливает Положение № 383–1, принятое 3 декабря 1996 г.⁴³. В нем говорится, что договор на специальные платежи за право пользования недрами заключается между землепользователем и пользователем недр, который регистрируется местным органом государственной власти. Без такого договора не производится отвод земельного участка и не выдается лицензия на право пользования недрами.

Местные администрации наделены правом принятия решений и оформления соответствующих документов по изъятию для государственных нужд земель общины (с предоставлением равноценных), с последующим утверждением Правительством РС(Я). Земельные споры решаются местными органами самоуправления, судом или Арбитражным судом.

Как же обстоят дела на практике? К 1997 г. общины имели около 47,2 млн. га земли, из них 93% – в пользовании (сей-

час документы переоформляются на владение с правом наследования, но не собственности). Географически эти земли представляют собой таежные ландшафты Южной и Юго-Восточной Якутии, высокогорные рельефы водоразделов крупных речных систем – Яны, Индигирки, Колымы, местности в истоках и верхнем течении этих рек, а также тундры приполярного Севера. На этих землях возможно в основном оленеводство, охотничий промысел, сезонное рыболовство во внутренних водоемах, а также северное коневодство. Сельскохозяйственные угодья составляют только 1%.

Право владения землей во многом остается декларативным. На земле существует несколько хозяев, в том числе родовые общины. Местные администрации наделены правом отчуждения земель как общин, так и других хозяйственных объединений народов Севера для государственных нужд. В Законе о правовом статусе малочисленных народов Севера РС(Я) тоже говорится о том, что в качестве «крайней меры в связи с особой необходимостью и при согласии самих народов» допускается изъятие закрепленных за коренными малочисленными народами Севера земель на ТТП. Взамен должны предоставляться другие земли, пригодные для сохранения традиционного образа жизни, а также соответствующие компенсации...» (п. 6 ст. 22).

Показательно, что примерно 20% всей площади Якутии, преимущественно ее северных, арктических регионов, законодательно утверждены в качестве резерватов, природных парков и т.д. Всего насчитывается пять видов и категорий особо охраняемых природных территорий, в основном республиканского значения⁴⁴. Земли традиционного природопользования не отчуждаются ни в национальных парках, ни в ресурсных резерватах. Например, большая часть территории бывшего оленеводческого совхоза «Искра» вошла в состав Момского национального парка.

Территории, ранее принадлежавшие совхозам и промхозам, оказались поделены между несколькими самостоятельными общинами или союзом таких общин. Например, территория Томпонского наслега Томпонского улуса, закрепленная за совхозом, сейчас находится во владении союза общин «Томпо». Иногда территории разделены между совхо-

зом (промхозом) и общиной (общинами). Как пример можно привести Момский улус, Сасырский наслег: на территории, ранее принадлежавшей совхозу «Искра», находится государственное унитарное предприятие (бывший совхоз) и кооператив «Родовая оленеводческая община Малтан».

Встречаются также случаи, когда родовые общины при их организации и землеустройстве заняли территории, прежде пустовавшие, или осваивавшиеся время от времени. В качестве примера можно назвать родовую общину С.И. Слепцова, которая кочует в отдаленных районах Верхнеколымского улуса на границе его с Абыйским. Наблюдается тенденция возрождения исчезнувших в 1960-е годы в результате укрупнения населенных пунктов. Например, предпринимаются конкретные шаги (Министерство по делам народов РС(Я) выделило 200 млн. рублей старыми деньгами⁴⁵), направленные на возрождение поселка Ойотунг Аллаиховского улуса. В 1972 г. он был ликвидирован, а жители переселены в поселок Оленегорск. Община русских старожилов низовьев Индигирки «Русская Поварня», согласно учредительным документам, избрала своей базой заброшенный участок «Лундино» Аллаиховского улуса⁴⁶. В связи с образованием в Булунском улусе семи родовых общин, в том числе трех – на территории совхоза «Булунский», встал вопрос возрождения сел Чекуровка, Саханджа, Сиктях⁴⁷. Центром общины «Уродан» эвенов Среднеколымского улуса Березовского наслега стал возрождающийся заброшенный поселок Уродан⁴⁸. Подобные примеры известны и в других регионах Сибири и Дальнего Востока. Поскольку на возрождение небольших населенных пунктов, находящихся в значительной удаленности от наслежных центров, должны затрачиваться большие средства, возрождение идет медленными темпами.

Хозяйственная деятельность общин

В традициях северных народов никогда не было производства продукции на рынок. Длительное развитие традиционных видов хозяйства – оленеводства, охоты, рыболовства в рамках колхозов и совхозов было ориентировано в основном на внутренние рынки сбыта, а именно для рабочих горнодобы-

вающей промышленности. Оленеводство превратилось в основную товарную отрасль для эвенов, долган. Изменились навыки ведения оленеводства, выпас крупных стад оленей стал требовать больше времени и усилий. Соответственно уменьшилась роль охоты в хозяйстве. Охота на горного барана, дикого оленя стала носить вспомогательный характер. Это не могло не привести к утрате промысловых традиций и к трансформации понятия традиционного права на промыслово-хозяйственные территории.

Движение за создание родовых общин в экономической области было связано и со стремлением восстановить в значительной степени утраченное в совхозной экономике право народов Севера на традиционное обеспечение – индивидуальный промысел и оленеводство для личного потребления. Современная ситуация и официальная позиция правительства требует от малочисленных народов Севера «вхождения в рынок» для того, чтобы выжить. Государство, дающее дотации на производство продукции, ставит условие экономической рентабельности предприятий. Однако надежды на создание действующего рыночного самокупающегося сектора в национальных селах российского Севера беспочвенны, о чем говорит и зарубежный опыт.

Какое место занимает продукция родовых общин в объеме сельскохозяйственного производства?

В Республике Саха (Якутия) сформировался широкий круг сельскохозяйственных производителей, работающих в частных и коллективных секторах. Коллективный сектор – это 51 совхоз и колхоз, 157 госпредприятий (агрофирмы, товарищества, акционерные общества), 67 кооперативов. Родовые общины вместе с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, индивидуальными хозяйствами населения отнесены к частному сектору⁴⁹. На 1.01.1998 в РС(Я) насчитывалось 3906 крестьянских (фермерских) хозяйств, 2 оленеводческих, 2 звероводческих и 7 коневодческих крестьянских хозяйств, 207 родовых общин. По сравнению с прежними годами, роль частного сектора увеличилась.

Доля родовых общин в общем объеме производства очень мала – всего 1,7% (в т.ч. 30% от общего объема производства оленьего мяса). Это значит, что продукция олене-

водства, охоты, рыболовства идет для внутрисемейного (или, в более общем плане, внутреннего – в селе, общине) потребления, а не на продажу. Речь идет не столько о получении доходов, сколько о возможности физического выживания для многих общин.

Из общего количества оленей в РС(Я) – 215 800 (1996), примерно 70 000 выпасаются в родовых общинах⁵⁰. В тундровой зоне родовые общины владеют 50,4% общего количества оленей, в горно-таежной – 9%, в таежной – 31,7% , и производят соответственно 53,7%, 20% и 28,7% оленьего мяса от всего объема валового производства. Соответственно, сельскохозяйственные предприятия государственной сети в 1996 г. владели в тундровой зоне 45,7% оленей, в горно-таежной – 80%, в таежной – 66,8%, и произвели соответственно 33,5 %, 71,2% и 54,6% оленины⁵¹. В настоящее время в 48,9% общин республики количество оленей не превышает 100 голов, у 25,5% общин – от 100 до 500 оленей⁵².

Звероводство и охотничий промысел находятся в крайне тяжелом положении. В 1997 г. реализовано пушнины на 25,7 млрд. руб., из них клеточной пушнины – 71%⁵³.

Среди ученых, политиков, общественных деятелей по проблеме родовых общин в 1990-е годы было высказано много оценок, которые, не выдержав испытания временем, были полностью отвергнуты. Например, тезис об «отказе от практики госзаказа и предоставлении полной свободы в использовании и реализации мяса, рыбы, пушнины, др.»⁵⁴. Или другой тезис – о «широком применении свободных цен на продукцию традиционных отраслей хозяйства»⁵⁵. На практике «свободные» цены в условиях исключительно сложной транспортной инфраструктуры, общего экономического кризиса в России и республике оказались заниженными, и вдобавок еще и монопольными.

В первое время после создания общин ведомства объявили им экономический бойкот: «Торгующие, транспортные и иные организации попросту отказываются покупать продукцию общин. Десятки и сотни тонн первосортной рыбы и мяса не имеют рынка сбыта и есть угроза, что они попросту сгниют»⁵⁶. До сих пор много претензий у руководителей северных улусов, оленеводов, охотников и рыбаков к националь-

ным концернам «Сахабулт» («Охотник»), «Балыксыт» («Рыбак»), «Таба» («Олень»). Созданные для осуществления государственной политики по укреплению материально-технической базы оленеводства, охоты, рыболовства, создания новых технологий, они превратились в обычные, сугубо коммерческие, монопольные предприятия, пользующиеся солидной государственной поддержкой. «Ни одна из этих структур не имеет никакой связи и деловых контактов с хозяйствами Анабарского улуса» – пишет глава улуса Н. Андросов⁵⁷.

В 1996 г. в Чокурдахе (Аллаиховский улус) родовая община во главе с А. Охлопковым сдавала продукцию концерну «Балыксыт», но расчета не было почти год. Позже по прямым договорам она сдала Якутскому рыбозаводу продукции (рыбы) на 683 млн. руб. в обмен на продукты питания⁵⁸. Сейчас разрабатываются проекты создания факторий как торгово-заготовительных организаций, для нормализации снабжения северян, в т.ч. тех, кто работает в родовых общинах.

Имеется тенденция к объединению общин с целью более успешного производства и сбыта продукции, поскольку доля этих хозяйственных структур в производстве относительно невелика. В Южной Якутии (с. Йенгра) в 1994 г. зарегистрирован союз эвенкийских кочевых родовых общин «Орон»; в Томпонском улусе организован союз оленеводческих общин «Томпо». В Усть-Янском улусе, с. Казачье, образован СПК «Казачье». В Нижнеколымском улусе коллективы общин «Оролчач» и «Чайла» провели объединенное собрание, где подавляющим большинством голосов принято решение об их объединении в одно унитарное предприятие северных товаропроизводителей⁵⁹. Этот процесс стимулируется республиканскими властями.

Процесс образования новых общин замедлился в 1995 г.; по-видимому, это было связано с определившейся официальной позицией руководства РС(Я) в отношении их создания. Об этом говорит Постановление № 521 «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов», и изменения, внесенные в Закон о кочевой родовой общине в 1996 г. Суть этих доку-

ментов – официальное признание необходимости государственной поддержки любых хозяйственных объединений, занимающихся традиционными отраслями хозяйства.

Каков статус родовых общин?

Выступая на Первом Всероссийском съезде эвенов в Якутске в марте 1992 г., А.В. Кривошапкин сказал: «Сознательно принижается статус, роль и функции родовых общин, имеется стремление придать им форму временного хозяйствования»⁶⁰.

Закон о кочевой родовой, родоплеменной общине не имеет четких дефиниций статуса общин. Так, в ст. 1 община определена, прежде всего, как хозяйственное объединение, она создается «...для совместной деятельности, связанной с традиционными занятиями и промыслами». В ст. 2 говорится, что «если в одном населенном пункте имеются несколько общин, основная часть членов которых имеют там постоянное жилье, то общины могут добровольно объединяться в один союз для решения их экономических, культурных и социальных задач». Несколько общин могут объединяться с целью совместной предпринимательской деятельности (ст. 20). Но эта статья оказалась в противоречии с новым Гражданским Кодексом РФ. Согласно ст. 121 ГК РФ, ассоциации и союзы являются объединениями юридических лиц. Поскольку родовые общины юридическими лицами не являются, они не могут создавать ассоциации и союзы. Для удовлетворения нематериальных потребностей, защиты прав и интересов главы родовых общин могут объединяться в форме общественной организации (объединения). Общественные объединения являются некоммерческими организациями, т.е. извлечение прибыли не является для них основной целью деятельности. Полученную прибыль участники не распределяют между собой. В соответствии с п. 3 ст. 49 ГК РФ члены общественной организации не имеют имущественных прав в отношении имущества, переданного организации на момент поступления в нее и в течение всего времени членства. Членство и выход из организации являются добровольными, и никаких имущественных требований при

выходе из таких организаций их члены предъявить не вправе. Если родовые общины желают объединяться для совместной переработки продукции, сбыта, снабжения и т.д., то они могут объединиться в потребительский кооператив.

Родовые общины в РС(Я) в реальной жизни – это, как правило, хозяйственные объединения. Функции органов управления оставляют за собой местные администрации, функции общественных организаций – ассоциации малочисленных народов Севера. Вряд ли эта ситуация в РС(Я) кардинально изменится в ближайшем будущем, несмотря на то, что некоторые представители национальной интеллигенции пытаются добиться того, чтобы общины были признаны и как формы местного самоуправления⁶¹. В то же время, общины входят в Ассоциацию малочисленных народов Севера РС(Я) как самостоятельные общественные и производственные единицы. По мнению председателя союза оленеводческих общин РС(Я) Е.П. Тимофеевой, общины – это экономико-социальные образования. Они уже сейчас в некоторых случаях подменяют местные органы власти, или сливаются с ними. Так, в п. Ойотунг Аллаиховского улуса все жители населенного пункта (эвены, юкагиры, якуты) составляют родовую общину и самостоятельно могут решать не только хозяйственные, но и социальные вопросы. То же самое в Алданском улусе, среди эвенков и якутов; в п. Баханай Жиганского улуса, где есть родовая община эвенков. В с. Березовка Среднеколымского улуса пять эвенских родовых общин создали в 1996 г. союз родовых общин, председатель которого А.С. Волкова в июле 1998 г. была избрана главой администрации с. Березовка. И.И. Томский, председатель союза производственных кооперативов (СПК) «Казачье» Усть-Янского улуса считает, что сфера деятельности общин не ограничивается экономической областью. До избрания председателем СПК он возглавлял общину юкагиров, и ведал не только хозяйственными, но и социальными вопросами, в том числе о возрождении языка, культуры.

Тем временем на повестку дня встал вопрос приведения в соответствие законов РС(Я) с общефедеральными законами, поскольку в Гражданском Кодексе РФ такая организационно-правовая форма, как община, отсутствует. Ни в од-

ном федеральном законе не сказано, что такое национальное предприятие, не определен также и юридический статус родовых общин. В Якутске предполагали два варианта его решения: 1. будут внесены изменения в соответствующие Федеральные законы, в частности, в Гражданский Кодекс; 2. будут изменены законы РС(Я) – все родовые общины РС(Я) будут перерегистрированы как производственные кооперативы и т.п. объединения.

Статья 2 Закона РС(Я) «О родовой, родоплеменной кочевой общине малочисленных народов Севера» установила, что община является юридическим лицом. Но согласно ст. 4 Закона РФ «О введении в действие части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации» статья 2 Закона РС(Я) не подлежит применению. Если гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы, то к ним допустимо применение гражданского законодательства, регулирующего сходные отношения. Поэтому деятельность родовых общин рассматривается как особая форма предпринимательской деятельности гражданина без образования юридического лица, по аналогии правового положения крестьянских хозяйств⁶².

Министерство сельского хозяйства и продовольствия РС(Я) по вопросу перевода родовых общин из статуса юридических лиц в статус индивидуальных предпринимателей придерживается той позиции, что это изменение не является ни ликвидацией, ни реорганизацией. «Все права и обязанности родовой общины как юридического лица переходят к хозяйству с новым статусом»⁶³. Начиная с 1997 г., главы родовых общин начали урегулирование статуса этих объединений в соответствии с нормами Гражданского Кодекса РФ через администрации улуса, путем подачи соответствующих заявлений. На этом основании улусная администрация издает распоряжение об утверждении нового статуса общины, о признании главы общины предпринимателем. Ею же выдается новое свидетельство о перерегистрации общины с новым статусом.

Если члены ранее созданной родовой общины с правом юридического лица желают сохранить статус юридического лица, то эта община вправе перерегистрироваться в одну из

организационно-правовых форм коммерческих организаций, которые предусмотрены главой 4 Гражданского Кодекса РФ. В этом случае для прохождения перерегистрации необходимо разработать устав и другие учредительные документы, предусмотренные ГК РФ для данного вида юридического лица.

Нужно отметить, что в Законе о правовом статусе коренных малочисленных народов Севера РС(Я) 1997 г. его авторы избегают, где только можно, употреблять термин «родовая община», говоря о «хозяйственных товариществах и обществах, производственных и потребительских кооперативах, государственных и муниципальных предприятиях» и т.д.

Закон 1992 г. об общине фактически прикрепил кочевников к определенной территории, что в будущем может стать источником противоречий между родовыми общинами. «Пройдет время и окажется, что этот закон затянул петлю на шее оленевода-охотника», – считает Н.А. Румянцев из с. Йенгра (Южная Якутия). «Олени не признают границ, соболь тоже, они пойдут на чужую территорию, и из-за этого могут возникнуть противоречия и скандалы между родовыми общинами»⁶⁴. По его мнению, единственный путь избежать этого – создание национальных территорий в местах проживания народов Севера – например, Нерюнгринского национального улуса.

По законодательству не возбраняется общинам и их союзам на традиционных закрепленных за ними территориях, где они составляют большинство, выделиться в самостоятельные административно-территориальные образования. Статья 43 Конституции РС(Я) говорит о том, что на территории компактного проживания представителей малочисленных народов Севера по волеизъявлению населения могут быть созданы национальные административно-территориальные образования. Статус этих образований определяется Законом республики (ст. 14). Коренные малочисленные народы Севера имеют право на «самоуправление в соответствии с традиционным образом жизни». Национальные административно-территориальные образования в составе РС(Я) могут создаваться на основании свободного волеизъявления этих народов путем проведения референдума на территориях их традиционного расселения, в случае, если

составляют там большинство. Если же народы Севера не составляют большинства населения на данной территории, то в референдуме по вышеозначенным вопросам принимает участие все население данной административно-территориальной единицы⁶⁵. Отклоненный несколько раз, но недавно принятый Закон «О Суктуле юкагирского народа» – один из первых законов о самоуправлении местных национальных меньшинств – свидетельствует, что в принципе эти статьи работают.

Развитию самоуправления и самоорганизации мешает неопределенность статуса имеющихся форм административно-территориального управления. Юридический статус национального округа, района, местного органа самоуправления не принят. Официальный статус «национального района» имеет Эвено-Бытантайский улус (по постановлению Правительства РФ), еще 4 улуса – по постановлению ВС РС(Я), около 30 национальных и кочевых советов, но «они фактически не отличаются от обычных административных образований»⁶⁶.

* * *

Движение за создание родовых общин в РС(Я) в целом завершено. Процесс дробления государственных хозяйств постепенно прекратился в связи с восстановлением практики государственной поддержки традиционных отраслей и сейчас наблюдается обратный процесс воссоединения, который стимулируется властями республики. Родовые общины или их союзы оказались в основном хозяйственными объединениями.

Встает вопрос: а нужно ли было это движение? На мой взгляд, оно было естественной реакцией малочисленных народов Севера на политические, социально-экономические перемены конца 1980-х – начала 1990-х годов. Законы придали вполне определенное направление попыткам самоорганизации, самоопределения народов Севера, в которых важную роль играл земельный вопрос. Однако законодательное решение земельного вопроса малочисленных народов Севера в РС(Я) отличалось от такового в других север-

ных субъектах Российской Федерации. Если, например, в Магаданской, Камчатской областях, Приморском и Хабаровском краях за основу временных законов и положений был взят территориальный принцип, выделение территорий традиционного природопользования⁶⁷, то в РС(Я) в основу законодательства был положен принцип социальных объединений (т.н. родовых общин) народов Севера не столько даже по этническому признаку, сколько исходя из специфики хозяйственных занятий и образа жизни.

Главным критерием создания родовых общин стало фактическое ведение «традиционного хозяйства» на «исконных землях» коллективом людей, а социальный, этнический состав играл гораздо меньшую роль. Это определялось спецификой Севера (условия жизни, равно экстремальные для всех; далеко зашедшие процессы ассимиляции и аккультурации, относительная малочисленность населения). Земли закреплены в основном в неотчуждаемое наследственное владение народов Севера, но многие из них имеют двойное, иногда и тройное подчинение, так как закреплены одновременно и как особо охраняемые природные территории, т.е. являются собственностью государства (республики).

«Северное» направление в политике РС(Я) занимает одно из приоритетных мест, о чем говорит участие Якутии в Программе развития ООН, избрание Президента РС(Я) М.Е. Николаева вице-президентом Северного Форума и т.д. Как самостоятельный субъект Федерации, республика Саха (Якутия) активно работает над созданием собственной законодательной базы. Законы, принятые в отношении малочисленных народов Севера, заставляют говорить о ней как о республике, активно строящей свою собственную государственность. Главная черта всех упомянутых законов – касаются ли они регулирования видов традиционного природопользования, или законодательного обеспечения местного самоуправления на территориях их традиционного расселения – в них ясно обозначены государственные гарантии развития этих народов. Во-вторых, все законы направлены на формирование государственного единства многонациональной Республики Саха (Якутия) в рамках Российской Федерации.

Проблемы коренных малочисленных народов Севера РС(Я) используются как средство давления на Федеральное правительство с целью получения дополнительных федеральных бюджетных средств, а также с целью решения проблем экологии, природопользования и т.п. Эти же проблемы встречают заинтересованность и понимание со стороны зарубежных северных государств, которые имеют свой опыт решения проблем народов Севера, проживающих на их территории, и которые ищут более тесного экономического и политического сотрудничества с РС(Я).

Одно из направлений официальной политики протекционизма в отношении народов Севера в РС(Я) – «содействие развитию самоуправления и демократическим процессам. Формы реализации: а) обеспечение участия представителей аборигенных этносов в общегосударственных процессах через квотное представительство в законодательных органах; б) постоянные консультации органов государственного управления с органами общественного самоуправления народов Севера»⁶⁸.

Принятый недавно вновь избранным депутатским корпусом Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) Закон «О Суктуле юкагирского народа» (1998) заставляет думать о том что, вероятнее всего, процесс самоопределения народов Севера Якутии созданием родовых общин не ограничится.

¹ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия) за январь-декабрь 1997 г. // Центральное статистическое управление Республики Саха (Якутия) (далее – ЦСУ РС(Я)). Якутск, 1998. Т. 1–2. С. 7.

² В РС(Я) в 1997 г. проживали (данные только по сельской местности) 12 974 эвенков, 420 чукчей, 6367 эвенов, 896 долган, 550 юкагиров. См.: Некоторые показатели экономического и социального развития районов проживания малочисленных народов Севера и Арктических районов в 1980, 1985, 1990–1996 гг. // ЦСУ РС(Я). Статсборник №143/4293. Якутск, 1997. С. 21.

³ Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском районе Якутии М.: ИЭА РАН,

1993. С. 5–6. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 35).

⁴ Материалы съездов малочисленных народов Севера Якутии (1989–1993 гг.). Якутск, 1993. С. 10, 70.

⁵ *Горохов С.Н.* Родовые общины – последний шанс на выживание и сохранение народов Севера как самостоятельных этносов // *Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Часть II.* Якутск, 1992. С. 37.

⁶ Некоторые показатели экономического и социального развития районов проживания малочисленных народов Севера и Арктических районов в 1980, 1985, 1990–1995 гг. // ЦСУ РС(Я). Статсборник № 171/4071. Якутск, 1996. С. 39.

⁷ Полевые материалы автора (далее – ПМА). 1998 г. Якутия. Полевой дневник (далее – ПД). № 3.

⁸ Некоторые показатели экономического ... С. 34.

⁹ ПМА. Якутия. 1998. ПД № 3.

¹⁰ Социально-экономическое положение РС(Я) за январь–декабрь 1996 года (в двух томах) // ЦСУ РС(Я). Статсборник. Якутск, 1997. Т. 2. С. 40–41.

¹¹ ПМА. Якутия. 1997. Постановления, принятые Верховным Советом и Государственным Собранием республики Саха (Якутия). С. 21.

¹² *Белянская М.Х.* Современные общины эвенов Якутии // *Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность.* М., 1995. С. 124.

¹³ ПМА. Якутия. 1997. Аудиокассета (далее – А/к) № 8.

¹⁴ *Сирин А.А.* Возвращая аборигенам землю (Северная Территория Австралии) // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 3. С. 107–119.

¹⁵ *Горохов С.Н.* Родовые общины – последний шанс на выживание и сохранение народов Севера как самостоятельных этносов // *Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Часть II.* Якутск, 1992. С. 35–39; *Винокурова У.А.* О правах народностей Севера // *Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации.* Якутск, 1992. С. 24–29.

¹⁶ *Андронов Н.* Арктика, проблемы и пути их решения. Проблемы Арктических улусов республики Саха // *Правительственный вестник.* Якутск, 1998. № 1(23). С. 39–47.

¹⁷ Тихонов Н.Н. Экономические и социальные последствия приватизации собственности в районах проживания народов Севера // Архив автора.

¹⁸ ПМА. Якутия. 1997. А/к № 1. Интервью с М.П. Погодаевой.

¹⁹ Горохов С.Н. Указ. соч. С. 37.

²⁰ Постановление № 521 «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов» // Архив автора.

²¹ ПМА. Якутия. 1997. А/к № 3. Заседание оргкомитета правительства РС(Я).

²² ПМА. Якутия. 1997. А/к № 3.

²³ ПМА. Якутия. 1997. ПД № 1.

²⁴ ПМА. Якутия. 1997. ПД № 1. Л. 50–54; а/к № 7.

²⁵ ПМА. Якутия. 1997. ПД № 1. Л. 51–52.

²⁶ Общим собранием от 2.03.1995 организационно-правовая форма «община» была изменена на производственный кооператив «Родовая оленеводческая община Малтан».

²⁷ ПМА. 1997. Якутия. А/к № 7. Интервью с С.В. Питимко.

²⁸ ПД № 1997. Якутия. Л. 50.

²⁹ ПМА. Якутия. 1997. А/к № 7. Интервью с С.В. Питимко.

³⁰ Винокурова У.Г. О правах народностей Севера // Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации. Якутск, 1992. С. 26–27.

³¹ Неотрадиционализм на Российском Севере. М., 1994. С. 76–77; Симченко Ю.Б. Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации М.: ИЭА РАН, 1998. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 112). С. 13–14, др.

³² Симченко Ю.Б. Указ. соч. С. 13–14.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Shiro Sasaki Segmentary Hierarchy of Identity: The Case of Yakuts and Evens in Northern Yakutia // Quest for Models of Coexistence. National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World. Edited by Koichi Inoue & Tomohiko Uyama. Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo, Japan, 1997. P. 317–337; ПМА. Якутия. 1997–1998.

³⁵ Балзер М. Межэтнические отношения и федерализм на Севере // Толерантность и согласие. М., 1997. С. 81.

- ³⁶ ПМА; Правительственный вестник. Якутск, 1997. № 5(21). С. 11.
- ³⁷ ПМА. Якутия. 1997. ПД № 2. Л. 11–16.
- ³⁸ ПМА. Якутия. 1998. ПД № 1. Л. 40 об–41.
- ³⁹ Не прошло предложение употреблять в Законе вместо термина «коренные малочисленные народы Севера» понятие «аборигены». Этому воспротивились сами представители народов Севера.
- ⁴⁰ Разъяснение правовых основ организации и деятельности родовых общин от 19.03.1997. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Саха (Якутия) // Архив автора. Я признательна А.А. Алексееву за предоставленный текст «Разъяснения».
- ⁴¹ ПМА. Якутия. 1997. Аудиокассета № 2.
- ⁴² Разъяснение правовых основ...
- ⁴³ ПМА. Постановления, принятые Верховным Советом и Государственным Собранием Республики Саха (Якутия). С. 27–29.
- ⁴⁴ Закон РС(Я) «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия) № 114 – I» от 6 мая 1996 г.
- ⁴⁵ Правительственный вестник. 1997. № 5 (21).
- ⁴⁶ ПМА. Якутия. 1997. ПД № 1. Л. 12об.
- ⁴⁷ Материалы съездов малочисленных народов Севера... С. 85.
- ⁴⁸ ПМА. Якутия. 1997. ПД № 1. Л. 16.
- ⁴⁹ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия) за январь-декабрь 1997 г. // ЦСУ РС(Я). Якутск, 1997. Т. 1. С. 57.
- ⁵⁰ Там же. С. 57, 63–67.
- ⁵¹ *Иванов С.И., Прокопьев З.С., Осипова Г.Н.* Современное состояние и предложения по стабилизации оленеводства Якутии // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения. Магадан, 1998. Т. 1. С. 190.
- ⁵² Там же. С. 190.
- ⁵³ Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия) за январь-декабрь 1997 г. // ЦСУ РС(Я). Якутск, 1997. Т. 1. С. 67.
- ⁵⁴ *Егоров Е.Г.* Указ.соч. С. 22.
- ⁵⁵ Там же. С. 22.
- ⁵⁶ *Горохов С.Н.* Указ.соч. С. 37.
- ⁵⁷ *Андронов Н.* Указ.соч. С. 44.

⁵⁸ ПМА. Якутия. 1998. ПД № 1.

⁵⁹ Правительственный вестник. Якутск, 1998. № 3 (25). С. 42.

⁶⁰ Материалы съездов... С. 68.

⁶¹ ПМА. Дни Арктики. Выступление В.А. Роббека.

⁶² Разъяснение правовых основ...

⁶³ Там же.

⁶⁴ Румянцев Н.А. Хозяйство эвенков Южной Якутии: состояние, проблемы // Народы Севера: пути, проблемы развития. Нерюнгри, 1998. С. 68.

⁶⁵ Закон о правовом статусе коренных малочисленных народов Севера. Ст. 7, 13.

⁶⁶ Марфусалова А.Д. Методы и формы государственного протекционизма на Севере // Народы Севера: пути, проблемы развития. Нерюнгри, 1998. С. 31.

⁶⁷ Тураев В.А. Территориальный подход к решению этнических проблем на российском Дальнем Востоке // Quest for Models of Coexistence: national and ethnic dimensions of changes in the Slavic Eurasian World. Edited by Koichi Inoue, Tomohiko Uyama. Sapporo, 1998. P. 289–316; Ямсков А.Н. Территории традиционного природопользования в Хабаровском крае М.: ИЭА РАН, 1996. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. № 96).

⁶⁸ Марфусалова А.Д. Указ. соч. С. 33.

Интервью

Эвенки

Алексеева Людмила Антоновна

1947 года рождения, эвенкийка. Журналист радиостудии «Геван», член Союза журналистов. Имеет троих детей. Живет в Якутске.

Отец был наполовину якут, наполовину эвенк. Мама была эвенкийка. Мой отец женился на моей маме с четырьмя детьми, я первая была из нового брака. Мама вдова была, семь лет одна жила, с бабушкой, дедушкой, братьями. Она очень много рассказывала, как она кочевала, сколько повидала.

Я помню те моменты, когда начала сталкиваться с цивилизацией. В шесть лет меня привозят из тайги в деревню. До этого воспитывала меня бабушка, у нас в тайге никакого коммунизма не было. Спим, готовим, кушаем, лечим вместе. Вот она меня немножко учила и передавала. Моя бабушка в 114 лет умерла, дедушка был ясновидящий, *иччэнэ*.

После палатки, после юрты квартира для меня была как храм. Печку помню кирпичную, ее надо закрывать-открывать. Русский язык я не знала. Потом смотрю – большое зеркало. Представляешь? Мы смотрели в маленькое зеркало, или осколок зеркала, а больших трюмо не видели. И захотелось в это трюмо войти, и сломала зеркало. Потом это несчастье, сестра умерла, и после этого я стала всего бояться. Все думала: а вдруг я не так сделаю? Вдруг, правда, грех какой-то? Вот этот комплекс идет.

Мы приехали в деревню Конкудера. Хотя и деревня была, но экологически чистая. Туда съехались эвенки с Олекмы, Амура, забайкальские. И якутов несколько человек было. Эту Конкудеру-то закрыли в хрущевские времена, в 1963 году. И мы на плоту поплыли до поселка Мама. У отца слезы текут, а я такая радостная, что мы едем в другое место. Потом в первом классе я опять пошла в интернат в поселке Горная Чуя. Где слюду добывали. Восемь лет мне почти было. Эвенкийский не учили, но заставляли учить русский язык.

Я очень тяжело осваивала женский и мужской род. Но вообще по русскому и литературе я хорошо училась. Я в классе одна была эвенкийка.

В 1975 году были олени последние у нас. Мы их доили. Стадо было 300 оленей, потом все меньше. Бодайбо промышленный город, и мы всегда слышали, что здесь будет драга и откочевывали. Сами. И через год смотрим – точно (*смеется* – А.С.). Слышали звуки, стуки, шум машины. Старик у нас прислушивающийся был. И нам говорит: «Слушайте сегодня хорошенько». И начинаем прислушиваться. И точно. Шум, как будто машины. Мы откочевывали летом, родители начинали другое место искать, где зимовать, – то ли на Ленинском, то ли на Сталинском, – места были (*смеется* – А.С.). Между собой споров из-за земли не было.

С промышленностью мы старались жить хорошо. С простыми-то людьми нормально живешь, потому что они же не виноваты, что они тоже жить хотят и зарабатывать.

Когда в город ехали, у нас были свои постоянные хозяева, у которых мы останавливались. Мы же видим людей, как к нам относятся. Вот тетя Пана допустим, тетя Гутя была. Они с нами последним делились, и мы тоже. Мы тоже с пустыми руками не шли. То у нас пушнина есть, то есть мясо. Они нас не обманывали никогда, и мы тоже. Очень хорошо жили с простыми людьми. В деревне очень хорошие люди и в драгах тоже очень хорошие. У них столовая, мы бесплатно кушали, мы им даже ничего не привозили. Просто когда едешь, они иной раз экскурсию по драге сделают.

Промышленность, конечно, плохо на нас повлияла. Когда у нас начали ГЭС строить, мы не столько людей этих не любили, сколько то, что загадили они наш лес. В этих реках – это Мамаканская ГЭС – уже хариуса нет. У нас же «эвенкийская почта» работала хорошо. Эвенки между собой разговаривают и уже думают: как быть дальше? Как жить, куда идти? Или совсем вглубь идти? А как детей учить? А если детей не учить – тоже плохо. Это очень большая дума. Мы думали, поэтому и пили. Если не пить, вообще с ума сойдешь. Это стресс. И старики тоже собирались, на слет оленеводов приезжали. Между пьянками-гулянками и начинаются рассуждения, шаманы камлать начинают.

Я понимаю по-эвенкийски, по-якутски, по-русски.

Передачи я стараюсь делать на своем родном языке, чтобы язык хотя бы со слуха не отошел. Потому что до сих пор люди кочуют, и пусть слышат, что где-то на эвенкийском языке что-то вещается. Человек радуется. Я бы могла забыть язык, тем более по-якутски хорошо говорю. Но у меня не получается забыть. Я работаю для того, чтобы хоть немного сохранить, развить язык. «Геван» слушают в Якутии, Читинской области.

Я сейчас занимаюсь фольклором, и все больше начинаю вспоминать детство. Песни в детстве слышала, как бабушка пела, как мама пела. Ты заходишь, например, с улицы (*встает и показывает* – А.С.) заходишь и поешь песню. Мама все время пела: шьет унты – поет, посуду моет – поет. В песне она душу изливает, что-то рассказывает. По этим песням я различаю сейчас роды. У одного рода мелодия одинаковая. Я чувствую, что меня зовет что-то такое внутри, чтобы я пела. Слова-то, они сами приходят. Как будто вот кто-то подсказывает тебе их.

...Мне было три года, и заболела воспалением легких. В то время считалось очень тяжелым заболеванием. Перевезли в деревню, сказали, что не выживу, потому что температура не падает. И после этого отец нашел шамана, и он долго мне покровительствовал, пока не умер. Шаманов мало стало, потому что они только на природе могут быть. Я верю в шаманство, хотя и крещеная. На природе начинаешь верить в силу природы. У эвенков главное – поклонение огню. Огонь для них – это все. Я до сих пор люблю мясо оленье, сырую печень, почки, костный мозг. Если я долго такую пищу не поем, я начинаю заболевать.

Я думаю, что здесь, в городе, никак нельзя себя эвенкийской чувствовать. Тут у меня родни нет. Тут в городе уже обьякученные эвенки. Если ты ушел с кочевья и в деревню перешел, какой ты эвенк? Я считаю эвенками тех людей, которые кочуют. Даже языка не знают пусть, имеют дело с оленями, на природе бывают, – вот это эвенк. Если бы льготы отменили, то те, которые живут в городе, стали бы якутами. Мы последние эвенки, потому что в тайге жили.

Эвенки отличаются от якутов очень. У якутов характер медленный, думающий. А эвенк не думает, а сразу скажет. Если ты мне понравился, одна мысль в голове – надо сделать хорошо. И нет мысли в голове: а вдруг я сделаю хорошо, а он мне плохо сделает?

*Марина Егоровна Кульбертинова (по мужу Леханова)**

Мы внучки Матрены Кульбертиновой, она наша бабушка по отцу. Нас семеро было, пятеро осталось. Все олениводы, охотники. После 11-го класса стали оленеводами, и с тех пор все время в тайге.

Кульбертиновы – это род Нюрмаган. Дети только по мужу идут. Но это и наши дети. Когда мероприятие было, в школе по родам палатки ставили. Моим детям надо к Лехановым идти, а они туда ни в какую не хотят. Их туда зовут, – у вас же другой род. – Нет, мы туда не пойдем. Здесь все приезжие рода. У нас бабушка с Олекминска приезжая, Матрена, а дедушка местный. А мама была местная, Чульманская. Когда совхоз тут создали, приехали. В палатках жили, потом начали строить поселок. Совхозу 25 лет, раньше колхоз был. Городу Нерюнгри 25 лет. Где сейчас город, там раньше тоже стояли стада. Мы родились на Тимптоне, там выросли, у нас там дед еще похоронен, шаман Филипп. У нас в родне есть шаманы. Дедушка был, его отец шаманом был. Потом он умер, и передалось нашей бабушке, Матрене. А теперь нет. Бабушка говорила, что будет, но кто будет, она не сказала. На сестру старшую сказала, но она умерла недавно по болезни. Не нам, так нашим детям, или их детям передастся. Мы в это верим. Она же недавно умерла, мы помним, как она камлала. Она и лечила. Про будущее говорила. Сюда многие приезжали, записывали.

Летом дальше отсюда стоим и выше. Чем выше, тем меньше мошкары. На вершине для оленей лучше. Стараем-

* Марина Егоровна родилась в 1965 году. В интервью принимала участие ее сестра *Елизавета Егоровна (по мужу Колесова)* 1962 года рождения. Обе эвенки, чумработницы, замужем, есть дети.

ся стоянку на новом месте сделать, потому что на старом болезни остаются. И чтобы оленям корм был.

Мы относимся к совхозу. Что толку в общине? Все, что мужья добудут, сдаем в совхоз. Мясо сдаем в совхоз, но сразу нам наличку не дают. Еще с 1997 года не получили. Совхоз бедный. Есть олени и совхозные, и частные. Сейчас больше 300 нет, ну 200. У всех так. А раньше было по 800–1000. Оленей держим совсем мало. Потому что вымирают, волки давят. Или сами болеют. Летом копытка. И никто не верит, что они вымирают. Надо летом комиссию сюда отправить, пусть проверят. Дымокуры летом делаем. Доим оленей. Курэ строим, изгороди. Когда дождь бывает, надо же держать, чтобы не бегали много. А то везде бегают, теряются. Когда медведи приходят, сидишь в палатке, дрожишь, темень, лес густой, выйдешь и схватит еще. Соболей меньше стало, диких оленей меньше, а вот медведей, волков – навалом. Что не надо. Убиваем медведей, если придется, а специально не охотимся. Не только мы, но и русские везде охотятся на Буранах, вездеходах, машинах, и зимой рыбачат, из города. Из Беркакита, Серебряного Бора, Чульмана. Много стало охотников, особенно на выходные дни. С некоторыми дружим, они нас довозят до места. У нас в совхозе своего транспорта нет. Столько машин у нас было, и ни одной не осталось. У нас людям не доверишь машины. Сразу могут сломать.

Зарплата чумработницы зависит от поголовья, средняя 400–800 рублей. Это мало. Сейчас все дорого. Один раз сходишь в магазин, по мелочам купишь – и все. А нам в тайгу надо мешками брать. Сахар (мешок) стоит 1200 руб., не хватает. Только вот если добудем мясо, шкуры. В основном мясо продаем или обмениваем. Охотникам патроны дают, оружие. Продукты они сами покупают. Нынче стали деньги давать за соболя. С 1997 года вообще деньги не давали.

Все сами делаем – одежду, седла, упряжь. Палатки сами шьем, печки делаем из железа. Мы далеко стоим летом, кочуем по речке Тастюрях, по ней много притоков, вот по ним курсируем, где корм хороший, чтобы оленям было хорошо. Мужчины охотятся с собаками. У нас, если снег глубокий, капканы ставят. Заниматься этим надо, а некогда, за оленя-

ми надо ухаживать. И зимой рыбачим на больших речках. Крючками ловим, некоторые сети ставят. Хариусы, ленки, таймени у нас.

За последние годы хуже стало. Дисциплины нет. Из города ездят, оленей убивают. У нас зимник идет на Эльгу, к старателям. Олени выходят на дорогу, и их стреляют. Собаки старательские оленей гоняют. А потом на нас все списывают. Томтосов (*директор совхоза* – А.С.) говорит: стреляйте прямо в людей. Как будешь в людей стрелять? Старателей много по всем речкам. Вот Большой Нюлюмкон, там работают на вершине, и вся речка грязная бывает. Вот тоже Йенгра, летом и весной до устья грязная бывает, рыбы не осталось. Большой Тимптон полностью загрязненный. На Гонаме тоже есть старатели. Все большие реки загрязненные. Приезжали из Москвы, воду проверяли, но результатов мы не знаем. И этот уголь, пыль везде летит. Раньше и снег мы кушали, чистая вода была, а сейчас наберешь, и все грязно. Сейчас хотят железную дорогу до Эльги провести. Если сюда будут делать дорогу, все равно через наши пастбища. Еще по дороге город построят или поселок. Нас никто не спрашивал. Кто старателям подписывает бумаги? Везде старатели. Раньше не было. А мы ничего не знаем, нас даже не спрашивают. Должны отчисления делать, может, делают, может начальству идет. А кто нам скажет? Хоть бы отчисления были. Все больные стали здесь. У кого печень, у кого желудки, у кого давление. Сейчас и маленькие дети стали болеть.

Мы учились в школе в Йенгре. Когда в школу приехали, вообще не знали русский язык. Нам учительница скажет «встаньте», а мы сидим. Не понимаем. В нулевом классе русский изучали. Жили в интернате. Раньше хорошо было в интернате. Приезжали родители, привозили и оставляли. Осенью привезут, и только весной нас забирали. Это сейчас дети родились, сразу по-русски говорят, а мы раньше вообще не знали. Дети наши разговаривают на эвенкийском. Наши родители по-якутски говорили хорошо. Эвенки в Хатыстыре все объякученные, на своем не говорят, только на якутском. И еще на нас говорят: почему вы в Якутии живете и якутский язык не знаете? Они же не понимают, что мы эвенки, на своем языке говорим. Им надо, чтобы якутский знали.

В каждой национальности есть плохие и хорошие люди, и у эвенков, и у якутов, и у русских. К нам приезжие хорошо относятся, и русские и все. Когда БАМ начался, вначале было напряжение, мы русских тогда первый раз увидели. Страшные, большие, длинные. Все боялись, убегали от них. Когда маленькие были в тайге, они пришли в палатку фотографироваться, мы спрятались в палатке, сидим, русские нас зовут, мы ни в какую не выходим. В поселок мы редко приезжали. А когда первый раз вертолет увидели, я чуть не умерла от страха. Бежала, сапог потеряла, так и не нашла. Казалось, чудовище прилетело.

Законы никакие не знаем. Рация только у нас. Радио есть, но питания не хватает, батарейки дорогие и некачественные. Газет тоже нет. Раньше у нас на зарплату подписывались в совхозе, а сейчас зарплату не дают. Телевизор смотрим в поселке, одну программу.

Ассоциация должна роль играть, но ее не слышно, не видно. Экспертиза нужна, почему мы стали больные и олени. Про десятилетие коренных народов ничего не знаем. Да и вообще-то мы не интересуемся. Нас больше интересует, как прожить дальше.

Игорь Алексеевич Колесов

1. 1961 года рождения, главный зоотехник ГУП Золотинский (Южная Якутия) с 1998 года. С 1984 года – заведующий Гонамским оленеводческим участком. Я в армии был. В Иркутске учился, но не окончил зоотехническое отделение в ИСХИ. Не мог ездить на сессии, потому что в этот период надо было на отел и подсчет оленей ездить. Образование неоконченное высшее. Семья есть, жена эвенкийка. Есть дети.

2. В те времена в Советском Союзе лучше было жить. Оленей больше было, зарплата была вовремя. Сейчас руководство уже давно зарплату не получает, оленеводы получают. Раньше хорошо было, дешево продукты, товары стоили.

А сейчас перестройка, все ударились в бизнес. Раньше что-то производили, работали на совесть. А сейчас возят из-за границы всякую ерунду. Мы сейчас оленье мясо не сдаем. Раньше сдавали по полторы тысячи центнеров, у нас был

государственный план. Сдавали мясо в райпотребсоюз, они в «Холбос», и мясо уходило за границу. Откармливали два специальных стада. Тогда было 21 стадо. Устраивали соцсоревнование. Между собой оленеводы соревновались, по выходу тугутов, сохранности взрослого поголовья. Обслуживание оленьих стад было хорошее, бригада ветврачей была. Медикаменты дешевые были везде. Сейчас каролин, вот, и то не выпускают. Раньше волков не было. Был специальный волчатник в каждом стаде. Премии оленями давали.

Хуже стало. Не знаем, как будем жить дальше. Будем меньше забивать оленей, возрождать. Теперь людей своих, оленеводов надо перестраивать.

Зимой еще более-менее живем. А как потеплеет, обязательно начинается отключение электроэнергии. Рядом у нас Нерюнгринская ГРЭС, продают энергию на Приморье, а мы с Хабаровского края энергию берем. Вот тут строили линию, да бросили, так и не достроили. Мы как будто никому не нужны. Вы видели, как город строится?

В основном мы принимаем пушнину. У нас оленеводы с собаками охотятся. Капканов почти не ставят, самое большее 10 капканов. Не умеют капканы ставить, не ловится. Преобладает соболь, а раньше белку сдавали, соболя здесь не было. По 5 нарт белок сдавали. И раньше рябчиков много было, их сдавали, а сейчас ничего. Куропаток не стало.

С Якутии дают лицензии. Организаций много, «Сахабулт», Госпромхоз, частники, общины. Мы только на совхоз берем в «Сахабулте». И столько должны сдать. Сразу деньги дают за шкурки. Аванс даем сначала. Когда был совхоз «Золотинка», у нас были свои товары, склады, продукты, снаряжение. Полностью оленевода, охотника обеспечивали под будущий промысел. Сейчас оружие табельное только выдают, боеприпасы. А вещи, продукты уже сами приобретают. Функции снабжения у нас сейчас нет, потому что денег нет. Если где-то брать кредиты, а чем потом расплачиваться? У нас нет продукции. Если бы оленей много было, то можно было оптом взять продукты и мясом расплатиться.

По всей Якутии совхозы стали государственными унитарными предприятиями (ГУП). Наш совхоз только в прошлом году реорганизовали в ГУП «Золотинский». Отделились от

жилищно-коммунального хозяйства. За свет платил совхоз, за тепло – совхоз, за уголь – совхоз. Совхоз тянул на себе весь поселок.

3. Олени есть частные и совхозные, последних больше. В Алданском участке осталось мало совсем оленей. Тысяча пятьсот примерно. А было у нас много, 12 тысяч оленей по всему совхозу. Сейчас по бригадам совсем мало стало, по 100–300. Волки, медведи едят. И экология. Ветеринара нет. Сами оленеводы вакцинацию делают, иногда помогает правительство, дают медикаменты.

Та же Эльга. Все уже. Они же работают там. Хоть говори – не говори.

Они приходят: подпишите. Я отказываюсь подписывать, все у нас отказываются. Они говорят: вы хоть отказываетесь, все равно мы приедем. Я поеду в Якутск, там подпишу. Мы говорим: мы землепользователи, мы здесь родились, жили. А они говорят: а все равно это земля не ваша, а государственная. Как это принадлежит государству, если мы здесь исконные жители? Мы жили, до этого жили наши предки. С каких пор стала эта земля государственной землей? Может только когда царь приехал (*смеются* – А.С.). На этой земле наши предки жили, они здесь родились, и мы здесь живем. Всю жизнь здесь. Сейчас стала земля государственной. Мои предки кочевали по Сутаму, Алгоме, где Эльгинское месторождение. Тогда был там поселок Сутам и поселок Алгома. После реорганизации всех укрупнили и привезли сюда, в Золотинку. А центр был Нагорный. Потом здесь начались геологоразведочные работы. Потом на Чульман перешли, из Чульмана в Алдан, оленей перегнали туда. Половину здесь оставили, и Золотинку отделили. Потом Нерюнгри начал строиться и тут постановлением правительства ЯАССР в 1975 году отделение совхоза Алданский переименовали в совхоз Золотинка. И стал у нас совхоз Золотинка и совхоз Алданский. И в этом году нам 25 лет. И жили-жили нормально, и потом перестройка, и пошли под спад, после перестройки. И вниз, вниз, вниз...

В основном оленеводы остались в совхозе. Начали общины создавать из-за земли, чтобы взять какой-то процент за землю, когда старатели начинают копать. Чтобы прямо в об-

щины платили, землю берут. И начинают они напрямую работать, а не через посредника, не через городскую администрацию. Они моют золото на нашей земле, и с нами они должны напрямую работать, а не через Якутск, или Нерюнгри. Земля-то моя. Должны напрямую оплачивать нам. Тогда бы мы старателям разрешили работать и материально были бы обеспечены. А как еще? Больше никак.

4. Железная дорога прошла. Раньше меньше пожаров было, корма хорошие были, а сейчас старатели понаехали. Тут их много. Считайте, отсюда по Гонаму вниз, по Йенгре, Итамже, Сутаму, Чульману – везде вокруг они есть. Как президент наш сказал: перестраивайтесь – золото мойте. Сейчас вода какая грязная. Олени болеют, наверное, из-за воды, там же вся муть идет. Олень же чистоплотный. Пусть даже ягель большой, олень в одном месте постоянно не будет, он там возьмет, тут возьмет, и уходит. А сейчас уже куда идти? Сейчас старатели везде. И у них собаки. Вот, например, в январе старатель убил в одном стаде оленей. Оленеводы увидели, как человек стреляет, закричали на него, а он на Буран и в сторону города. Они подъезжают – два оленя лежат и два раненых. У них не было ружей, если были бы ружья, они бы стреляли. Хотя бы по Бурану. Такие случаи часто бывают. Вот и потери. Им золото надо, а нам...

Тут больше охотников, рыбаков приезжих, чем местных. Они тут пожили-пожили, подзаработали и на материк уехали. Наши тут годами живут – ни машины, ни дома, ни квартиры. Вот эти люди в старых домах живут, по сколько лет. Еще наши родители жили. Печное отопление.

Мы, эвенки, дружелюбный народ. У нас национализма нет. У нас тут и русские, и хохол есть, и армянин, и буряты. И француженка здесь жила. Мы не жадные. Лишь бы не гадил.

Охотникам говорю: вот ты приехал, соболя надо – убей, но половину-то оставь. А то так посмотришь этих приезжих охотников: ставят капканов по 500, 200 штук. А потом еще не все закрывают, я сколько видел, еще с соболями.

5. Родной язык эвенкийский. И русский знал с детства. У нас больше связей с амурскими эвенками, чем с алданскими. Как начались малочисленные народы Севера, и все вдруг

стали эвенками по всей Якутии. Какой ты эвенк, если по-эвенкийски не знаешь?! Когда я поступал в Якутске в 1979 году, меня спрашивали, почему я по-якутски не разговариваю. Я говорю, а я кто, разве якут? Я эвенок. Они мне по-якутски, я отвечаю по-эвенкийски.

Мы не религиозные. Я придерживаюсь шаманства. Шаманы про себя держали знания, что они шаманы. Огню поклонялись.

Тут наши бабки ударились в христианство привозное, с Америки. Я не знаю, кто им такое сказал: телевизор не смотреть, радио не слушать, газеты не читать.

6. Если бы свой национальный район был, это решило бы проблемы. А мы никому не нужны. Мы бы желали свое самоуправление сделать. А сейчас все идет на город. Если бы раньше не разрешили строить железку, то мы бы и жили, как жили, нормально.

Первый съезд эвенков был в начале 1990-х годов в Якутии, здесь проходил, в Йенгре. Законы про народы Севера не знаем. Нам некогда, времени нет. Про 10-летие коренных народов слышал.

Августа Дмитриевна Марфусалова

1. Родилась в 1948 году в Алданском районе в многодетной эвенкийской семье. Образование высшее, закончила Герценовский пединститут по специальности географ-биолог. Три года работала в школе в деревне. Потом в комсомоле была в оленеводческом совхозе, почти два года. Потом в райкоме партии потребовался профессиональный кадр, с тех пор партийный профессиональный работник. С 1991 года – в Комитете по делам малочисленных народов Севера, зав. отделом по традиционным отраслям хозяйства министерства по делам национальностей РС(Я) (1996–1997 гг.).

Депутат Палаты Представителей *Ил Тумэн* (Государственное Собрание Республики Саха (Якутия)) 2-го созыва. Я одна эвенкийка в *Ил Тумэне*. В правительственных структурах, во всех министерствах есть представители народов Севера.

2. До XVI века эвенки кочевали без всяких границ. Территории были распределены между родами. Оленеводство –

приобретенная отрасль, хотя мы ее сейчас считаем традиционной, но на самом деле олень был транспортным животным. Это сейчас в рыночных условиях мы должны перевести хозяйство на промышленную основу. Сейчас уже совершенно иные отношения. И поскольку все должно строиться на принципах купли-продажи — деньги—товар—деньги решают все. Так как же в данных условиях жить этим людям, у которых натуральное производство? Естественно, стоит вопрос о капитале. Для северных народов этим капиталом могут быть только природные ресурсы. И поэтому закрепление территорий землепользования, природопользования — это одна из главных проблем, и мне вот видится, что она практически неразрешима. В советские времена, хотя мы и мало давали человеку лично, но зато это было для всех равномерно. Потому что были общие интересы государства.

3. Дедушка с бабушкой были охотниками-оленьеводами. Олени у нас были до 1974 года, собственные олени. Нас все время возили в деревню летом, в стада. Лично у меня там закреплено 10 моих оленей.

Мы жили в эйфории, ожидали, что с введением частной собственности свалятся на нас какие-то льготы, а сегодня у нас это малообеспеченное на 95% население. Как сегодня в условиях экономики, которую дает нам западная цивилизация, могут выжить люди с общинной, коммунистической психологией? Друг другу все помогают, явного грабительства нет, явного давления нет. Они воспринимают землю не как отдельную ценность, а в комплексе с природой, растительностью. И как бы их не перевоспитывали, мировоззренческие основы все равно сохраняются у народов Севера.

Должно же быть что-то, отталкиваясь от чего, народ может сохраниться, особенно в этой нестандартной, противоречивой, нервной ситуации, и мы подумали, что это должны быть традиции экологические. Чтобы люди успокоились, обрели основание, надо возрождать экологические традиции не только в хозяйстве, но и во взаимоотношениях человека с человеком.

4. До 1956 года был Томмотский национальный округ, объединяющий четыре эвенкийских района. В 1956 году их ликвидировали постепенно. В 1974 году последнее укрупне-

ние было в связи со специализацией сельского хозяйства. Я лично на своем веку четыре переселения крупных пережила. И последнее было в 1974 году. Я работала завучем школы, поселок ликвидировали. Мы, учителя, приезжие. Это психология приезжего человека. Хотя улус-то мой, а деревня не моя. Молодые, абсолютно иное видение мира было. Провели совещание, охотников, оленеводов в то время не было. Один человек пытался противостоять. А так легонечко проголосовали и деревню переселили. Я потом уже, после, поняла, что к чему. Переселяли куда – непонятно, без работы, без ничего. Мы тогда не понимали политические, социальные последствия таких вот решений. Это волюнтаристское решение было. А мы как народ не воспрепятствовали.

Частнособственнические отношения были внесены в быт народов Севера с приходом русского населения, и то постепенно, поскольку русские тоже общинники по натуре.

Советское государство не хотело сделать плохое северным народам. Было понимание того, что они должны придти к цивилизации, жить в теплых домах, получать образование. Но с точки зрения сохранения народа это было неправильно. Интернаты в свое время нужны были. Даже сейчас они необходимы. Ведь сейчас под красивым термином «оптимизация» идет полная ликвидация учреждений социально-культурной сферы у нас в республике. У нас из 35 улусов 20, практически 30 – сельские. Это маленькие поселки. А ликвидация, сокращения или оптимизация сферы начинается с них. Сегодня эти села в первую очередь лишаются клубов, врачебных учреждений, вместо средней остается начальная школа.

5. Со второго класса я в интернате. Русский у меня язык первый, а якутский у меня был очень плохой бытовой, я русскую школу закончила. Потом уже я якутский учила. Сегодня, если я тороплюсь, или начинаю волноваться, я не могу по-якутски говорить. Перехожу на русский, родной язык. А эвенкийский у меня просто на слуху. Я его слышала, отец, бабка с дедкой говорили, я слышала; и учила полтора года в Герценовском.

Сегодня, если кто-то хочет поехать учить в улус, улусы не могут им предоставить жилье. Энтузиастов же таких мало.

Возвращаются наши выпускники с теоретическими знаниями, но без навыков бытового языка. Возродить будет сложно. Очень трудно идет преподавание языка в школах. В Министерстве образования даже не имеется инспектора по северным школам. Сейчас у нас министерство вообще сменило направление, опять вернулось к базовым предметам – математика, русский, а национальное опять ушло вглубь.

Я – материалист, анимист. Верю, что природа живая, что она может откликаться на деяния человека. Это вера моих предков. Во-первых, я уважаю природу, где я бываю, я дань природе даю. Я не люблю, когда потребляют или убивают больше, чем надо. Я думаю, я очень жестко связана с природой, если подумать над некоторыми элементами знаменательных переходов в моей биографии, то они почему-то сопровождались явлениями природы. Скажем, когда я выдвигалась, ездила с предвыборной кампанией, я в Хутану приехала, и на пути попадались дикие животные – чернобурка, глухарей много видела, куропаток. А это редкость, когда они появляются.

Когда меня переводили в 1985 году в Абыйский районный комитет партии вторым секретарем, в то лето было много явлений: мы видели сохатых, поймали тайменя, – это же редкая рыба в грязном Алдане. А по осени мне три ночи подряд снилась неизвестная местность, и вдруг меня вызывают в Якутск, в обком и говорят: вылетаешь через неделю в Абый. И мои сны сбылись: я увидела лесотундру, дома. Наверное, у нас были шаманы в родне. Но все были большевики.

6. В республике приняты законы о народах Севера, в частности, из последних – Закон о перечне малочисленных народов Севера и местностях их компактного проживания. Хотели русских старожилов включить, но в центре против. Теперь пошли законы по самоуправлению.

Местное самоуправление не входит в систему государственных органов. Трудности будут с введением местного самоуправления, а у нас весь Север Россия подвела под одну гребенку. Местное самоуправление должно жить на тех налогах, которые оно сегодня собирает, а функции государственные должны сохраниться: за школу отвечает государствен-

ная власть, за медпункт. Местное самоуправление должно быть само по себе, а с госвластью строить договорные отношения. Или же государство отдает ему руководство всей социальной функцией и одновременно дает ему финансирование как дотации на тот объем работы, который там есть. Но к сожалению, Россия маленькие поселки не признает. В социальных нормативах их нет с 1998 года. То есть в любом случае они финансировать не обязаны. У нас есть наслеги, где меньше 200 человек. Нет врачей, фельдшера захудалого нет – как хотите, так и живите. Мы провели круглый стол и озадачили правительство, какие новые социальные нормативы утвердить по тем поселкам, где 50-150 человек живет. Для кочующего населения что-то придумать и это узаконить. Нас настолько мало, что нас не принимают во внимание, так же, как вас, ученых.

У нас есть закон об административно-территориальном устройстве, там продекларировано, что в местах компактного проживания должны создаваться исполнительные органы местного самоуправления с учетом этнических особенностей. Андрей Васильевич Кривошапкин в январе 1998 года написал на трех листах о национальном улусе. Поскольку он депутат от Эвено-Бытантая, он написал применительно к Бытантаю. Когда он нам представил, мы подумали: а почему это должно касаться только улуса? Мы начали разрабатывать для республики. Надо отдать должное, все с пониманием отнеслись, подключились и юристы администрации президента, и управление юстиции, и даже прокуратура. 17 мая 2000 года вступил в действие закон РС(Я) о статусе национального административно-территориального образования в местностях компактного проживания народов Севера.

Начали заниматься созданием муниципальных этнических образований – зарегистрировали два муниципальных эвенкийских образования – одно в Алдане, другое в Жиганском улусе. Проблемы есть с закреплением территорий муниципального образования, – это решается только на уровне Палаты республики.

Второй вопрос – с бюджетным финансированием. В наслегах налогов нет, их и не может быть, поскольку это сельскохозяйственные наслеги. Поэтому должен быть решен во-

прос республиканских дотаций на содержание школы и передачи им полномочий на управление социальной сферы, вместе с соответствующими суммами. Это стало камнем преткновения. У нас подход был такой: поскольку мы находимся в местах разработки полезных ископаемых, у нас должны быть определенные отчисления для решения социальных вопросов на местах. Этот вопрос у нас стоит с 1989 года. Потому что отчисления идут в общий фонд республики, часть идет в улус. До наслегов не позволяют спуститься.

Мы считаем, что надо апробировать, как пройдет это местное самоуправление на ряде уровней. Вот, если у нас рабочий поселок Жатай пошел, если у нас два наслега сельских на севере и юге пошли, один район, давайте, мы апробируем года два, а после этого четко определимся. В прошлом году мы встали перед фактом, что республика вообще не знает подходов местного самоуправления. Правительство ничем не занималось.

Я по убеждениям на сегодняшний день состою в компартии. И я выдвинулась у себя в Алданском районе. И получилось так, что ситуация в Алдане очень тяжелая, а там люди у нас коренные, уже четвертое поколение с 1920 года идет. В связи с Мирным, алмазами перестали обращать на них внимание, золото, слюда не разрабатываются. Мы сами не ожидали, что русский Алдан изберет нас всех, коренных, в палату республики. Интересно, что в Нерюнгри из четырех депутатов трое местные – якуты. Парадоксальное явление.

Раньше приезжаешь отчитываться, и все беды на тебя. Везде холодно, везде плохо. А в прошлом году мы поставили исполняющей обязанности главы Алданского улуса звенкинку Дьячковскую Августу Афанасьевну. И она сегодня глава, 82% на выборах набрала. Впервые за последние семь лет в Алдане тепло. И сразу вздохнули все наши в поселке. И уровень сознания сразу подскочил, что мы тоже можем.

Я стала работать в комитете по проблемам природопользования, Севера, Арктики и малочисленных народов. Нас четверо в комитете. Я веду проблемы малочисленных народов Севера. Мы приняли законы о родовых общинах, о правовом статусе. В 1998 году преодолено вето президента на

Закон о суктуле. Потом принято три хозяйственных закона: об оленеводстве, о рыболовстве, об охоте.

Сложно с властями работать, но мы за 10 лет привыкли что-то делать. Плюс ассоциации работают. Мы перестали просить, пытаемся обойтись своими возможностями. Конечно, все идет очень трудно. Законы прошли, может, потому, что я много лет работала в исполнительном органе как зам-министра. Я уже работала с чиновниками. А раз они тебя понимают, если их переубедить, то идет дальше нормально. В 1994 году мы здорово почувствовали непонимание властей, когда одним указом президент республики ликвидировал министерство по делам малочисленных народов. Перемены есть и положительные. Судя даже по нашим общинам. Люди у нас окрепли, осознаннее стали.

Положительно отношусь к международному сотрудничеству в Арктике, но в том случае, когда идет естественный интерес, аборигены сотрудничают с аборигенами. Но не так, как помогала нам Программа развития ООН, повторения я не хотела бы.

Эвены

Анатолий Афанасьевич Алексеев

1. Родился 25 декабря 1947 года в поселке Себян-Кюель в семье охотника-олeneвода. Отец был эвен, мать – наполовину эвенка, наполовину якутка. Жена якутка. Есть дочь. По культуре, языку я себя чувствую эвеном.

Три года служил на Тихоокеанском флоте. В 1976 году окончил ЯГУ, историко-филологический факультет. Потом 7 лет работал в Нюрбинском улусе заместителем директора по воспитательной работе сельского профтехучилища. С 1982 по 1989 год работал в п. Себян-Кюель, председателем исполкома Ламунхинского наследного совета. С 1989 года – преподаватель кафедры истории Якутии ЯГУ. Этнограф, кандидат исторических наук. Работаю над книгой «Дух медведя» об обычаях, традициях эвенов Верхоянья.

2. Работа председателем сельсовета помогла мне с иных позиций посмотреть на родину, на своих сородичей, на их

социально-экономическое положение и политические вопросы. Даже в те времена, хотя сегодня нам кажется, что мы жили очень хорошо, у нас было много проблем в социально-экономическом отношении. Я понимал, что средств выделялось очень мало на социально-экономическое и культурное развитие.

Поселок Себян-Кюель – оленеводческий. В основном живут эвены, – примерно 600 человек, есть 50 якутов, 10 русских, по несколько представителей других национальностей.

У нас промышленности нет, а только на одной речке моют россыпное золото. Большого загрязнения нет. 3-4 человека старателей – капля в море.

В 1984 году я запретил ввоз винно-водочных изделий. Сделал собрание сельского схода, на котором большинство проголосовало за запрет. Люди начали копить деньги в сберкассах, покупать мебель, одежду, технику. Начали жить лучше.

В настоящее время положение тяжелое, много безработных. Совхоз и райпотребсоюз отвечают за завоз продуктов и товаров. Широко продаются винно-водочные изделия. Своих же людей спаивают. Звонят мне, что чая нет, продуктов питания нет. Стреляются, стреляют, ножом убивают – все на почве пьянства. Самый ходовой товар – водка.

3. В годы моей работы председателем сельсовета в совхозе было 15–17 тысяч оленей. Территория огромная. Я во всех оленеводческих стадах был, и на оленях, и на вертолетах. Меня всегда ругало районное руководство, что я не сижу в кабинете.

И сейчас постоянно езжу на родину, помогаю. Ситуация очень сложная. Денег не получают давно, хотя правительство республики оказывает большую помощь. В год выделяются арктические чеки на сумму 12 тысяч на одного человека – оленевода, чумработницу. Это огромная помощь. Как она реализуется, другой вопрос. Отоваривается только 40%, остальное оседает в коммерческих структурах. Количество оленей уменьшилось почти в 2 раза, до 10 тысяч. Раньше 380 тысяч оленей было в республике, сейчас 197 тысяч осталось.

Работы в поселке нет, чтобы выжить, люди среднего возраста идут в оленеводство. А молодежь не желает работать.

Дети оленеводов и будут оленеводами. Их все время тянет в стада. Говорят даже, не хотели бы учиться. А поселковые остаются в поселке.

4. У нас межнациональные отношения нормальные и с русскими, и с якутами, и с другими национальностями. Национальных конфликтов нет.

5. Я разговариваю на трех языках – эвенском, якутском, русском. Жена – на якутском, русском, знает английский, французский. В Себян-Кюеле благодаря Кейметиновой Анне Афанасьевне, учительнице эвенского языка, и другим учителям, эвенский язык сохранился. И на бытовом, обиходном уровне. Собрание можем провести на эвенском языке. На улицах разговариваем на эвенском языке. Можем на якутском, на русском. Почти все язык свой знают. Даже маленькие дети по-эвенски говорят. В школе до 10-го класса учатся на русском и эвенском языках. Якутский класс есть, там 50 якутов, обучаются на своем родном языке.

Религиозные анимистические воззрения сохраняются, особенно у оленеводов, и у людей старшего поколения. Это я хорошо знаю, потому что собирал материалы на эту тему для своей книги «Традиционное мировоззрение эвенов Северо-Западного Верхоянья» и «Дух медведя».

6. Почему меня не удовлетворяла моя работа как председельсовета? Потому что было мало средств для развития наслега. И во-вторых, все наши решения, просьбы почти никогда не выполнялись. И я понял, что мы на своей родной земле не хозяева. Мы были как квартиранты. Вот поэтому я поставил перед собой задачу, может быть непосильную в те времена, – восстановить бывший Эвенский национальный Саккырырский район.

В апреле 1988 года я провел сельский сход. Более 90% из присутствующих сказали: надо поставить вопрос о восстановлении национального Саккырырского района. Через несколько дней прилетел третий секретарь райкома партии и начал мне говорить о том, что я неправильно делаю, национальный вопрос затронул, так нельзя. Нельзя быть экстремистом, националистом. Что я как коммунист буду отвечать. Я сказал, что никакого криминала не сделал, все на законных основаниях. Местная совхозная администрация и неко-

торые руководители поселка начали на меня давить, на родственников, детей. Проверка шла за проверкой.

В Новосибирске в 1988 году я выступил на Всесоюзной конференции по малочисленным народам Севера. Поставил вопрос о правах, в том числе политических. Мы ставим вопрос о национальном районе, а нас обвиняют в национализме, экстремизме. Даже национальные округа не имеют никакой власти. И меня все поддержали.

В июне 1988 года я написал письмо М.С. Горбачеву и отправил нарочным в Москву. Через несколько дней телеграмму получил из канцелярии Кремля. Ваше письмо получили, проблема изучается. И подпись. В декабре слышу выступление Горбачева по радио: малочисленным народам Севера надо разрешить в некоторых случаях создавать национальные районы. Я подумал: моя идея побеждает.

Первый секретарь обкома партии приехал в Себян весной 1989 года по данному вопросу. Вызвал меня и говорит: «Алексеев, тебя надо снять, ты против якутов, русских». Я сказал: «Не те времена, – и показал им кукиш. – Дальше Себяна вы меня никуда не отправите». Дверью хлопнул, вышел.

После этого сельского схода многие от нас отвернулись. Только те старики, которых я хорошо знал, их родственники и дети не изменили к нам своего доброго отношения. Мы оказались в изоляции. Никто не играл с нашими детьми.

В соседнем Эвено-Бытантайском районе местные старики, ветераны войны, труда от своего имени написали письмо в Политбюро республики Саха. 13 августа 1989 года был создан Эвено-Бытантайский улус. Они понимали, что под статус национального района им будут выделяться средства из бюджета для социально-экономического развития.

Недавно 272 человека из Кобяйского района, Себян-Кюельского наслега написали письмо в парламент республики, что они хотят присоединиться к Саккырырскому району. Это 440 избирателей, из них 272 подписали – больше половины, 60%. Сейчас сложно создавать национальные районы. Упустили благоприятный момент.

Из реформ, которые хотел бы предложить – для ламунхинцев в первую очередь создал бы отдельный националь-

ный улус или наслег, чтобы прямо из бюджета туда шли средства.

Для поднятия оленеводства важно не только увеличить количество оленей, но и дать человеку чувство хозяина земли и оленей.

Наиболее сложный вопрос с землей. Посмотреть весь мир – привитие чувства хозяина для коренных народов Севера в нужном направлении идет в США, Канаде, Скандинавских странах. 61% территории России – где живут малочисленные народы Севера. Почему государство должно полностью выкачивать нефть, газ, золото, а для социально-экономического, культурного развития малочисленных народов Севера ни копейки нет? Отчисления должны быть. Якутия добилась, 25% от алмазов получает. Мы не требуем 100 или даже 50%, но дайте нам сумму, достаточную для социально-экономического и культурного развития нашего народа. Нам нужны только отчисления, полными хозяевами быть мы не претендуем. И спросите разрешения.

Для дальнейшего развития оленеводства, охоты, рыболовства нужна модернизация – введение новой технологии переработки продукции. Изучение маркетинга, менеджмент. Ввести надо рыночные отношения. В данное время у народов Севера экономического мышления нет.

В *Ил Тумэне* (Государственном Собрании РС(Я)) работает одна звенкийка. Ассоциации никаких рычагов воздействия на правительство не имеют.

Мировое сообщество имеет свои большие проблемы. Я в этом году участвовал в Рованими в семинаре Арктического центра и понял, что мы для мирового сообщества нужны как подопытные кролики. Когда я начал выступать с социально-экономическими проблемами, что нужно делать, они говорят: нам это не надо... А где же человек? Где народы? Для чего мы работаем? Так и скажите, что вам нужна чистая наука.

Арктическое сотрудничество – фикция. Надо рассчитывать только на себя, и больше ничего. Народы Севера привыкли, нас приучили за эти годы – за нас думают, решают. А мы ждем. По сей день ждем.

С Запада дуют сильнейшие ветры и треплют мое старое жилище. И мы, малочисленные народы, как олененок, поте-

рявший своего оленя, бредом по ветру. И маленький олененок думает: когда же все это кончится?..

Василий Афанасьевич Кейметинов

1. Я родился в 1936 году в Себян-Кюеле Ламунхинского сельсовета (наслега). Это Кобяйский (бывший Верхоянский) район республики Саха (Якутия).

Родители и предки были оленеводы-охотники. Дедушка в конце XIX – начале XX века был князем рода Наматканов. Это были выборные должности, назначали наиболее толковых и авторитетных.

В 1960 году окончил историко-филологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена.

В 1967–1974 годах работал директором школы в родном поселке. Потом два года учился в Высшей партийной школе в Хабаровске. С 1977 по 1983 год работал в Верхоянском районе, с 1983 по 1990 год – председателем райисполкома в поселке Черский Нижнеколымского района. Эта работа сейчас не котируется. «Новые демократы» нас считают красно-коричневыми.

Потом наступило время демократии. В 1990 году меня назначили заведующим отделом по делам народов Севера и Арктики Якутской АССР. До февраля 1992 года был председателем Госкомитета РС(Я) по делам малочисленных народов Севера Якутии.

В Институте проблем малочисленных народов Севера работал с 1992 года по 1996 год. Сейчас моя профессия – пенсионер.

2. Сейчас мы с болью смотрим, как все разрушается в Нижнеколымском районе. Все то, что в наше время и до нас было сделано, все разрушается. И это считается демократией.

Связь ухудшилась. Раньше в Себян-Кюель регулярно летали самолеты, вертолеты, а сейчас нет. Когда я работал в Сангарах, было пять-шесть самолетов, остался один самолет. Связь Черский – Москва была четыре раза в неделю, а сейчас один раз. Раньше товары государство доставляло, а сейчас нет.

Уйти от структуры совхозной – может и хорошая идея, но все рубить с плеча нельзя. Прежде чем куда-то кочевать, люди думают: куда кочевать. Определяют сначала. Потом специально место приготавливают, чтобы стойбище установить, и только после этого кочуют. И в развитии общества нужно определить, куда мы идем, что делать. А мы сначала шашку в руки берем и рубим. А после этого думаем: правильно мы сделали или нет? Мне кажется, сначала надо подумать, использовать старый опыт, взять хорошее, и соответственно переделать.

3. Практически я кочевал в летнее время до студенческих лет. С отцом и другими стариками на охоту ходил. После окончания семилетки был охотником-опеневодом в колхозе «Коммунизм».

4. Разделение совхозов на родовые общины усилило борьбу между родами, вместо того, чтобы забыть ее. Даже доходит до научной интеллигенции, это очень плохо. В советское время все это стало забываться. В прежнее время было недоверие между родами эвенов, явной борьбы не было. Даже с якутами мы, тунгусы, не воевали. Якуты многие женились на эвенках или наоборот.

5. Почему я сохранил свой родной язык? Мое преимущество было в том, что я много общался с бабушкой и родителями, которые практически знали только свой родной язык, и мало владели якутским и русским языком.

В 1944 году я пошел в школу. Тогда учились на эвенском языке до 4-го класса. Потом стали учиться в другом поселке на якутском языке. Многие ребята не знали якутский язык и вынуждены были оставаться на второй год. Русскому научился в школе и главным образом быстро выучил матерщинный язык. Сейчас в Якутске по-эвенски с родней говорю.

По рассказам бабушки написал и опубликовал поэму «По неведомым следам предков» на родном эвенском языке. Перевел некоторые стихотворения А.С. Пушкина на эвенский язык, тоже опубликованы. Тираж оплатил Республиканский комитет по проведению юбилея Пушкина в 1999 году. Над книгой по эвенской топонимике я работал 3 года, после выхода на пенсию. Помогла в ее издании алмазная компания Алроса, и ее глава В.А. Штыров.

Очень плохая ситуация с эвенским языком, но по сравнению с эвенками мы лучше выглядим. До 50% эвенов в республике владеют родным языком, а эвенки меньше, до 30%. С 1960–1980-х годов в нашей республике очень сильное влияние русского и якутского языков. Мы становимся маргиналами. Плохо владеем своим родным языком. Этому же способствует школа. Изучают эвенский язык на базе русской терминологии. И люди начинают к русским словам прибавлять эвенские суффиксы и так разговаривают, к сожалению. Где якутское влияние сильно, там начинают к якутскому слову добавлять эвенские суффиксы и окончания и думают, что они говорят на эвенском языке. Но здесь, надо сказать, и среда влияет, потому что лишились родной среды, говорящей на эвенском языке. Сами эвены овладели якутским или русским языком и начинают забывать свой язык.

В школах сейчас преподают эвенский язык. С 4–5-го класса учатся на русском языке.

6. В угоду сиюминутной политике все советское стали охаивать. И в результате сейчас мы многое потеряли. Сами эвены периферийные мало, что в политике соображают. Им бы зарплату хорошую давали. И за это их осуждать нельзя. Большинство не приемлет сегодняшнюю политику, потому что зарплату не получают. У большинства ностальгия в политическом плане. Не хотят отделяться основная масса населения.

По политическим вопросам и Ассоциация, и руководство ИПМНС считают, что я – предатель интересов народов Севера. Потому что я не поддержал родовые общины. Я сказал, что это не единственная форма хозяйствования. Создание родовых общин означает, что мы перейдем к частной собственности. Я высказывал свою точку зрения в статьях, на конференциях. Я был против родовых общин и местного самоуправления на базе родовых общин, и я оказался в меньшинстве. Моя политическая карьера на этом кончилась и началась научная.

Мои оппоненты говорили, что родовые общины – единственная форма самоуправления. Я говорил, что не единственная. Наши товарищи в 1992–1993 годах давали рекомендации, что каждая родовая община должна стать органом местного самоуправления. Я возражал, что не может и не должно быть такого. Государство не будет иметь отношения с каждой семьей или с каждым родом. Надо объединиться. Сами роды не совсем сохранились.

Основываясь на исторических документах и работах ученых, памяти людей могу предъявить претензии на территорию от устья Алдана до Эдяна – это территория рода Кояты. Поскольку я прямой наследник, могу сказать, что это мое. Большущая территория, больше половины Кобяйского района. Так же нельзя, это же война, согласны? А север – это территория рода Кара – моей бабушки (*смеется* – А.С.). А куда пойдут все остальные, если мы так разделим? Поэтому то, что наши лидеры так ставят вопрос, неправильно.

Сейчас это территория оленеводческого государственного унитарного предприятия. Работает там директором один из моих старших братьев.

Территория должна быть государственная, и наследуемая не конкретно частным лицом, а всей общиной, родом. До нас же и другие люди были.

Я выступал за создание ассоциаций для защиты наших интересов. Это было поддержано областным комитетом партии. Не я один это высказывал. Уже 10 лет будет ассоциации. К сожалению, она не такая, как мы ее себе представляли.

В 1988 году я был в рабочей комиссии Верховного Совета и областного комитета партии по выработке положения о выборах в ВС ЯАССР. Высказал идею о том, что в Верховном Совете республики должно быть представительство малочисленных народов Севера. Но этот Верховный Совет был распущен после октября 1993 года. Сейчас осуждают квоты, а почему бы и нет? Было бы хорошо.

Я предлагал отдел народов Севера сделать государственным комитетом по делам малочисленных народов Севера. Убедил, хотя были противники. Внес предложение организовать министерство по делам народов Севера. Депутаты говорили: министерство по северным территориям. Потом, когда произошла очередная перестройка – сделали министерство по делам народов и федеральным отношениям.

Я в душе тоже за то, чтобы народы Севера владели землей. Чтобы выделяли определенную квоту от освоения природных богатств – от 2% до 10%. Это не принято, за исключением Вилуйской группы улусов. Вся республика получает долю от РФ, а малочисленным народам Севера – что останется. По идее должно быть, как у американцев, раз мы к капитализму идем – прямо в общину должны выплаты идти. А этого нет. Когда так начинаешь говорить, говорят: зачем возбуждать эгоистические, националистические интересы?

Формально законы есть, но нет механизма реализации, того же участия малочисленных народов Севера в законодательных и исполнительных органах, в той же доле участия от освоения природных ресурсов. Должна быть гарантирована определенная квота. Пусть и русские, и якуты пользуются, но доля должна быть, потому что люди живут на этой земле.

Органы местного самоуправления на базе родовых общин не получатся. Юкагиры предлагают суктул – орган самоуправления с охватом двух районов. По Российскому законодательству не получится. Местный закон есть, но Российский закон – первоначальный. На якутском уровне признают, а повыше – это Российские законы, мы действуем в соответствии с Российским законодательством. Другой путь надо искать. Культурную автономию можно сделать.

К сожалению, мы не знаем о законопроектах в Госдуме. С последними вариантами законопроектов я не знаком. Я устал бороться.

Реформы: в первую очередь, долговременные нормативные отчисления от освоения природных ресурсов именно представителям малочисленных народов.

По органам местного самоуправления сделал бы, чтобы подчинялись не району, а республике. Например, Ламунхинский наслег подчинялся бы не Кобяйскому району, а республике. И непосредственно финансировался бы оттуда.

В исполнительных органах республики должны быть действительно болеющие за дело кадры. А то берут тех, кто свою культуру, язык забыл, хозяйственного опыта не имеют. Среди наших народов достаточно подготовленных людей.

Сложный вопрос, ощущаю ли я себя частью мирового сообщества, когда речь идет о правах коренных народов. Мировое сообщество сербов бомбит. Это мировое сообщество бомбит, НАТО, США, которые с ООН не посоветовались. Это современный метод мирового господства. Ощущать себя частью такого мирового сообщества не хотелось бы. Мы можем потерять свое лицо. У нас не будет никаких прав.

А что касается сотрудничества по Арктике, само собой, хотелось бы сотрудничать. Российское освоение было несколько иное, более мягкое, чем американское. Как раз российский опыт должен быть использован шире в отношении с другими народами, чем американский, европейский. Как осваивали англичане, немцы, испанцы? Штыком и пушкой. Из всех европейских методов взаимоотношений надо, чтобы русский метод был использован в большей степени.

Часть III

Народы Севера в Иркутской области. 2001

Вот слушай, Аня, я знаю, ты сейчас уедешь, интервью свое напишешь, а про нас все равно забудешь – забытая деревня, медвежий уголок. Нам никто не поможет, пока мы сами на ноги не поднимемся. Кто нам поможет, кроме Путина? Скажи ему от имени эвенкийского народа. Записочку от нас увезите. Аня, вы нам надежду оставьте, ведь люди бедственно живут. Хоть бы солярку давали.

Ю.С.

Работа посвящена народам Севера – эвенкам и тофаларам, которые живут в административных границах Иркутской обл.¹. Ранее мной были опубликованы работы по народам Севера Магаданской обл. и родовым общинам народов Севера в республике Саха (Якутия)². Все они представляют собой предварительный результат исследования этнографических и социокультурных изменений последних десяти лет в Сибири и на Дальнем Востоке.

Иркутскую область сближает с другими южносибирскими регионами (Томская, Читинская обл., южная часть Красноярского края) не только высокая для Сибири плотность населения (3,6 чел. на кв. км по Переписи 1989 года) и многонациональный состав жителей (представители 136 национальностей, из них русские 89%), но и идущие с XVII в. процессы взаимовлияния русских с местными народами. Совместный опыт жизни и природопользования в верхнем течении рек Лена, Нижняя Тунгуска привели к складыванию регионального своеобразия, которое нашло отражение в текстах законов, принятых на местном уровне в постсоветский период.

Иркутская область: краткая характеристика

Иркутская область расположена в Восточной Сибири, в Прибайкалье. Она образована в 1937 г. с центром в городе Иркутске и граничит на юге и юго-востоке с республикой Бурятия, на юго-западе с республикой Тыва, на западе и севере

ро-западе с Красноярским краем, на севере, северо-востоке и востоке с республикой Саха (Якутия), на востоке с Читинской областью. Протяженность территории с запада на восток – 1500 км, с юга на север – 1400 км, общая площадь – 767,9 тыс. кв. км (4,5% территории РФ). Городское население области составляет 2 272 664 чел. (80,5%), сельское – 552 256 чел. (19,5%)³.

В области развиты электроэнергетическая, топливная, лесная и деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия. Местное сельское хозяйство обеспечивает потребности области по мясопродуктам на 47%, молокопродуктам на 52%, овощам на 67% (по данным 1997 г.).

По национальности большинство населения в Иркутской обл. русские. Здесь живут также 97,4 тыс. украинцев; 77,3 тыс. бурят; 39,6 тыс. татар; 25,7 тыс. белорусов; 11,4 тыс. чувашей; 7,6 тыс. немцев; 5,0 тыс. азербайджанцев; 4,8 тыс. евреев; 4,0 тыс. башкир; 3,6 тыс. узбеков; 3,3 тыс. молдаван; 2,0 тыс. якутов; 2,0 тыс. цыган; 1,9 тыс. грузин; 1,2 тыс. корейцев. Из малочисленных народов Севера в области живут тофалары (630 чел.) и эвенки (1 369 чел.)⁴. Многие из этих народов имеют свои национально-культурные общества и центры (всего их 26). Зарегистрированы Ассоциация малочисленных народов Севера «Родина» Катангского района и ассоциация «Тофалария» Нижнеудинского района.

В области живут последователи разных религиозных конфессий. Более всего распространено православие. Русская православная церковь имеет 57 общин во всех районах области. Есть 5 общин римско-католической церкви, где верующие преимущественно поляки и немцы, 82 протестантских общины разного толка с верующими различных национальностей, в т.ч. корейцами, русскими и др., 4 исламских общины (в основном татары), 6 общин буддистов с верующими бурятами и исповедующие иудаизм (евреи), Последователи шаманизма есть среди бурят Усть-Ордынского автономного округа. Эвенки и тофалары – анимисты, шаманисты и православные.

Эвенки в этнокультурном пространстве области

Эвенки в Иркутской обл. живут в Катангском, Казачинско-Ленском (с. Вершина Ханды), Качугском (Вершино-Тутурская сельская администрация, п. Вершина Тутуры и д. Чинонга, Тырка), Бодайбинском (п. Перевоз Жуинской сельской администрации), Киренском (с. Чечуйск Чечуйской с/а), Мамско-Чуйском (р.п. Горно-Чуйский, Согдиондон), Усть-Кутском (с. Омолой Омолойской с/а, с. Боярск Боярской с/а, п. Бобровка и д. Максимова Бобровской с/а) районах.

Качугский район

В настоящее время общая численность населения района – 23 158 чел., что составляет 0,8% населения области. Большинство населения сельское (14 107 чел.). За двенадцать лет (1989–2001) население Качугского района немного выросло, в том числе в Качуге с 8,8 тыс. чел. в 1989 г. до 9,3 тыс. чел. в 2001 г. В Качугском районе 13 сельских администраций и 77 населенных пунктов⁵. Сокращение численности населения в результате войны и репрессий, укрупнение мелких населенных пунктов привели к нарушению прежней системы расселения. Населенные пункты с числом хозяйств от 1 до 20 составляют 31%, в том числе 6 деревень – «умирающие». Населенные пункты с числом хозяйств от 51 до 100 составляют 19%, от 101 и выше – 10%. Таким образом, абсолютное число деревень имеют менее 100 жителей каждая.

Качугский район – сельскохозяйственно-промысловый, в последнее время здесь ведется интенсивная заготовка деловой древесины. В советское время работали совхозы, большинство которых реорганизовано в акционерные общества. Ленское промысловое хозяйство с центром в Качуге сохранилось, но от него отошло бывшее Вершино-Тутурское отделение. Качугский район интересен для туристов, так как по его территории через заброшенную эвенкийскую деревню Чанчур проходит водно-пешая тропа к истокам реки Лена и озеру Байкал.

На протяжении длительного периода времени на территории района живут русские, буряты, эвенки, а также татары.

Русские заселяли в XVII–XVIII вв. плодородные речные долины. Русские земледельческие села Верхоленск, Бирюлька, Анга известны здесь с XVII века. Крестьяне также занимались скотоводством, строительством карбазов, охотой. Буряты жили чересполосно с русскими, особенно на территории современной Белоусовской сельской администрации, по которой в прежние годы шел тракт из Верхоленска на Иркутск. Они занимались скотоводством, утужным земледелием, охотой. Давнее историческое соседство привело к тесным межкультурным и кровнородственным связям, особенно в деревнях по р. Тальма (д. Магдан, Гогон, Усть-Тальма и другие). Русские старожилы и их потомки проживают на территориях Верхоленской, Бирюльской, Ангинской, Бутаковской, Качугской и Манзурской сельских администраций. Эвенки были оттеснены в верховья рек, где продолжали охотиться и рыбачить. Некоторые переходили жить в русские или, реже, бурятские деревни, роднились с русскими и бурятами, начинали заниматься скотоводством и земледелием⁶.

Исторически эвенки Качугского района относились к Тутуро-Очеульской инородной управе, поэтому до революции и некоторое время после нее их называли тутуро-очеульскими⁷. Этнически они значительно смешаны с русскими и бурятами. Эвенки живут в деревнях Вершина Тутуры (199 чел.), Чинонга (59 чел.), Тырка (15 чел.), которые относятся к Вершино-Тутурской сельской администрации. На ее территории проживает 273 человека (из них 220 эвенков, в т.ч. 113 женщин и 107 мужчин) и имеется 77 постоянных хозяйств. Деревня Вершина Тутуры находится примерно в 30 км от районного центра поселка Качуг, а деревни Тырка и Чинонга – отдаленные, расположены в верхнем течении р. Киренга и географически имеют большее тяготение к русской старожильческой деревне Карам, которая расположена ниже по течению реки и относится к Казачинско-Ленскому району. Связь с ними, особенно в летнее время, сильно затруднена.

Катангский район

Это самый северный район Иркутской обл. В настоящее время в районе проживает 5 647 человек, – русские, в т.ч.

потомки старожилов, эвенки, якуты. За последние 10 лет население сократилось на 4 тыс. человек в основном за счет выезда геологов. Населенные пункты района, сгруппированные в 11 сельских советов, расположены в долине р. Нижняя Тунгуска и ее притоков (р. Непа, р. Тетей). На юге района – это в основном старинные сибирские деревни (количество которых сократилось в период укрупнений 1960-х годов), на севере – поселки, возникшие в 1930–1940-х годах. Районный центр – село Ербогачен.

Район имеет промыслово-сельскохозяйственную специализацию. В 1960-е годы были ликвидированы колхозы и созданы Преображенское (территория 6 348 тыс. га) и Катангское (территория 6 992 тыс. га) кооперативно-зверопромысловые хозяйства (КЗПХ) с отделениями. Они специализировались на заготовке и продаже государству продукции пушной и мясной охоты, рыболовства и собирательства. В связи с перестройкой и социально-экономическим кризисом последних десяти лет в хозяйственном устройстве и землепользовании произошли изменения. Исчезла государственная монополия на заготовку и закупку пушнины. Кооперативно-зверопромысловые хозяйства раздробились на небольшие хозяйственные объединения – закрытые акционерные общества (ЗАО), общества с ограниченной ответственностью (ООО), малые предприятия (МП), которые образовались в границах и на оставшейся материальной базе отделений КЗПХ. Территории, которые арендовали КЗПХ, были поделены и перешли к новым хозяйственным организациям. Сейчас в районе имеется десять юридических лиц, которые имеют закрепленные охотничьи территории и обладают правом получения лимитов на соболя. Например, ЗАО «Катангская пушнина» имеет в аренде территорию площадью 4624,7 тыс. га, которую раньше арендовало Ербогаченское отделение Катангского КЗПХ. ООО «Дэнкэ» хозяйствует на территориях бывшего Инаригдского производственного участка Катангского КЗПХ (площадь 258,8 тыс. га). ЗАО «Сибирь» хозяйствует на бывших территориях центральной усадьбы Преображенского КЗПХ общей площадью 4 524,8 тыс. га. ООО «Ерема» работает на территориях площадью 348,8 тыс. га, которая ранее была арендована Еремским участком Преображенского про-

мхоза. Руководители большинства «новых» хозяйств остались прежние. Все территории представляют собой компактные массивы, и лишь территория ООО «Гиркил», в котором объединены эвенки-охотники северной части района, представляет собой разрозненные участки, чересполосные с другими хозяйствующими субъектами, общей площадью 1762,2 тыс. га. «Ввиду мозаичности закрепленной территории никто из руководителей охотхозяйств описание границ представить в настоящее время не может», – отмечал старший охотовед района В.П. Коненкин⁸.

Они снабжают охотников под будущий промысел и закупают пушнину, практически не занимаясь сбором дикоросов и другими видами хозяйственной деятельности, свойственными прежним промысловым хозяйствам. В 1997 г. еще сохранялись небольшие табуны лошадей и стада крупного рогатого скота (в Ербогачене – 34 лошади, в Ереме – 22 лошади, 21 головы крупного рогатого скота; в Преображенке – 153 лошади, 189 голов крупного рогатого скота).

Катангский лесхоз проводит лесные аукционы по продаже древесины на корню; вырубка леса ведется преимущественно в южной части района. В районе разведаны большие запасы нефти, природного газа и калийных солей, но их разработка пока не начата. Район интересен для водных туристов и туристов-охотников.

В XVII в. на рассматриваемой территории жили тунгусы (эвенки), постепенно появлялись редкие поселения якутов, в приречных долинах, в местах, пригодных для занятий земледелием, в XVIII в. расселялись русские крестьяне Туруханского монастыря. Еще раньше, в XVII в., русские казаки и промышленники основали ясачные зимовья для сбора ясака. Эвенки Катангского района до революции относились к Курейской и Кондогирской инородным управам, называли их соответственно названиям управ. Они имели родственные связи с эвенками Прибайкалья и северного Забайкалья, а также Подкаменной и Нижней Тунгуски.

Региональное своеобразие Катангского района и местной социальной среды состоит в том, что здесь уже более трех веков по соседству с эвенками живут русские старожилы, которые во многом восприняли местный образ жизни, а не-

которые в результате смешанных браков имеют родню по эвенкийской линии⁹. Со своей стороны, часть эвенков в результате процессов аккультурации и ассимиляции поменяли свою идентификацию, имеют двойное, иногда тройное самосознание.

На 2000 г. в районе проживало 557 эвенков, из них – 268 мужчин, 289 женщин. Большинство эвенков живут в северной части района, в поселках Тетя (72 чел.), Наканно (70 чел.), Хамакар (138 чел.), Ербогачен (208 чел.). Здесь они этнически смешаны с якутами и русскими. На юге района эвенки издавна имеют культурные связи с русскими старожилами.

В последнее десятилетие эвенки переселялись из мелких населенных пунктов в районный центр Ербогачен, где было больше возможностей найти работу и улучшить свои жилищные условия за счет выезжающих. Часть их мигрировала за пределы района, – в соседнюю Эвенкию, а также города и районные центры Иркутской обл. Сокращение эвенкийского населения в 1995 г. в Хамакаре более чем на 20 человек, в Инаригде на 9 человек, в Подволошино также на 9 человек заставило власти обратить внимание на этнодемографические процессы в этом районе¹⁰.

Из числа катангских эвенков работает 115 человек, большинство заняты в сельскохозяйственных отраслях, а также в сфере образования. По сравнению с 1989 г. численность работающих сократилась в 2 раза. Число штатных охотников сократилось со 112 до 43, сокращается и число оленеводов.

Казачинско-Ленский район

В настоящее время в районе проживает 26 тыс. человек, центр района – п.г.т. Казачинск. Население сформировалось за счет эвенков, русских старожил, а также более поздних переселенцев многих национальностей, прибывших сюда в связи со строительством западной ветки БАМа.

Район имеет сельскохозяйственно-промысловую специализацию. Кроме того, развивается лесная промышленность, начата разработка Ковыктинского газоконденсатного месторождения, строительство газопровода. Через территорию района проходит Байкало-Амурская железная дорога. Имеются условия для развития водного туризма. Сейчас туристы

приезжают неорганизованными группами, их маршрут проходит через эвенкийскую деревню Вершина Ханды.

До революции эвенки административно относились к Киренско-Хандинской инородной управе, по названию управы их называли киренско-хандинскими.

В настоящее время основное местожительство эвенков в Казачинско-Ленском районе – деревня Вершина Ханды, расположенная в 40 км от п. Магистральный на БАМе¹¹. В Вершине Ханды живут 46 человек, из которых 41 – эвенки. Население в значительной степени этнически смешанное. Несколько эвенков живут в п. Казачинск, Магистральный. Деревня В. Ханды образовалась на месте торговой фактории, куда в начале XX в. стали переселять эвенков, кочевавших на обширной территории, позже разделенной на Казачинско-Ленский, Жигаловский и Качугский районы. Местные эвенки до оседания имели взаимообратные и культурные связи с эвенками нынешнего Качугского района. В последнее время хандинская группа эвенков привлекла внимание общественности, ученых и журналистов из-за того, что территория их природопользования попала в зону разработки и планируемой добычи газового конденсата на Ковыктинском газовом месторождении.

Усть-Кутский, Жигаловский, Нижнеилимский районы

Основная экономическая специализация этих районов – лесодобывающая и лесоперерабатывающая промышленность. В Усть-Кутском районе находится также перевалочная база для грузов, которые сплавляют вниз по Лене в Якутию. В прошлом в Жигаловском, Нижнеилимском районах русское старожильческое население занималось земледелием, охотой и рыбной ловлей. Частично эти занятия сохраняются и в настоящее время. В Усть-Кутском, Нижнеилимском районах проживает преимущественно приезжее население, преобладают русские.

В этих районах живут потомки обрусевших эвенков, которые сохраняют воспоминания о своих тунгусских корнях. В Усть-Кутском районе такое население живет в д. Максимова, Бобровка, Боярск, Омолой. Эвенкийское самосознание у них

поддерживается благодаря «северным» льготам. Часть ангарских крестьян являются по происхождению эвенками¹².

Бодайбинский и Мамско-Чуйский районы

Оба района – самые северо-восточные в области, граничат с южной Якутией и Читинской обл. В Бодайбинском районе еще с XIX в. разрабатываются золотые прииски, в Мамско-Чуйском районе в советское время добывали слюду. Для обеспечения горнодобывающей промышленности энергией была построена Мамаканская ГЭС. Горнодобыча велась на землях, которые раньше были кочевьями эвенков. В настоящее время после глубокой депрессии золотодобыча восстанавливается. Эвенки этих районов нуждаются в дополнительных исследованиях¹³.

Традиционное хозяйство и его трансформация

Основным видом хозяйственной деятельности у всех групп эвенков была охота, неотделимая от транспортного оленеводства и рыболовства. Необходимость сочетания трех основных видов хозяйственных занятий, дополняемых собирательством в конкретных природных условиях привела к складыванию своеобразных хозяйственных циклов, к специфике освоения среды жизнедеятельности в линиях кочевых маршрутов, а также особенностям организации социальных коллективов.

Охота. Эвенки охотились на мясных и пушных зверей, причем пушная охота имела исключительно товарный характер и остается таковой до настоящего времени. В зависимости от природно-географических условий проживания разных групп эвенков различались объекты охоты, а также соответственно орудия и способы охоты. Верхнеленские (качугские и казачинско-ленские) эвенки охотились на изюбря, кабаргу, косулю, лося, северного оленя, а катангские эвенки в основном на лося и северного оленя. Добывали зверя скрадом в летнее и осеннее время, гоном на лыжах по насту весной, осенью с собакой. На истоках Нижней Тунгуски охотничьи коллективы состояли, как правило, из 4-х человек: двое сидели в засаде, двое гнали зверя¹⁴. Летом в верховьях Лены на лося охотились с воды, с лодки в ночное время. Эвенки

Нижней Тунгуски и верховьев Лены иногда совместно с русскими рубили изгородь, в ней через определенные промежутки оставляли проходы, в которых рыли ловчие ямы, прикрывая их сверху настилом из веток и хвои. Весной и осенью при охоте на дикого оленя устраивали засады на пути перехода животных через открытые места. На кабаргу летом охотились гоном, скрадом, вечерами – с лодки; осенью – петлями, с манком-пищалкой. На изюбря верхнеленские эвенки охотились летом на солонцах, осенью в период гона – с берестяной или деревянной трубой *оревун*¹⁵.

Все эти виды и способы охоты сохранились до сих пор, исключая рытье ловчих ям. Официально на добычу копытных животных необходимы лицензии. Однако из-за различных бюрократических процедур местные охотники-эвенки зачастую пренебрегают этим правилом. Сейчас из-за неблагоприятных экологических изменений, промышленного освоения территорий, увеличения числа приезжих охотников-любителей, браконьеров многократно усилилось давление на среду обитания. В результате сократилась численность промысловых видов (особенно это отмечали охотники из Качугского района).

«Мало совсем зверя добыли. Изюбри, правда, есть. Или природа изменилась? Она как не изменится, ведь люди сильно жадные стали. Нас природа казнит за жадность. Природа умеренно, постепенно дает, даром. А у нас стараются истребить, искоренить все, а на завтра не смотрят. Нас стеснили совсем. Сейчас в наших угодьях машины, вездеходы бродят, следы оставляют, а дикий олень все обходит.

...Постоянно на охоту бегаю. Отсюда два дня надо ехать на охоту, везти сено, овес. Приедешь – коней кормить надо, их же не бросишь. А приезжие люди ночью проехали, пролучили, истребили. А у нас обычно люди с подходом охотятся, скрадом. Пришел, след увидел, и пошел скрадывать по следу, если он свежий. Раньше на охоту на лыжах идешь, на спине у тебя дюлбоки – чехол для лыж из козьей шкуры. Их одеваешь, на них потихонечку идешь, и хоть там внутри скрипит, а уже на улице не слышно. Любого зверя так скрадываешь. И гоном охотились по насту, с собаками. Человека два-три» (Ю.С.)

Эвенки вывозят добытое на оленях, а безоленные – на лошадях или мотонартах. Эвенкийский обычай дележа добытого зверя *нимат* сохраняется, но он изменился из-за включения эвенков в новую систему поселковой иерархии и властных отношений, а также необходимости оформления лицензии на добычу. «Сейчас устраиваются все по одному, ружья у всех есть. Если в лесу мы сколько-то человек, мы добыли сохатого, мы делим. В деревне раньше делились. Как привезешь мясо, делишь помаленьку родне. А сейчас такого уже не стало».

Из пушных зверей у всех групп эвенков основными объектами охоты были соболь, белка, лиса, с середины XX в. – ондатра. Качугские и хандинские эвенки изредка добывают выдру, рысь, катангские – горностая. Основной сезон пушной охоты длится с середины октября до конца декабря. Качугские эвенки охотятся преимущественно с собакой по мелкому снегу, капканов ставят немного, катангские устанавливают больше капканов вдоль специально прорубленных дорог-путиков. В хороший год качугские эвенки добывают по 200–250 белок, т.к. отстрел белки не лимитирован, в отличие от промысла соболя. В «урожайные» на орехи и ягоду годы один охотник добывает по 25–30 соболей: «У нас как по старинке: отохотился, и лишнего не бьем. Расплодение-то нужно. На своем участке сколько осталось – на будущий год».

Оленеводство у всех групп эвенков было транспортным, стада оленей небольшими (до 20–60 голов). Имея оленей, эвенки мало ездили верхом. У качугских эвенков отсутствовало верховое оленье седло, было только вьючное¹⁶. У них не было и нартенного транспорта, который катангскими эвенками, например, был заимствован от якутов; они пользовались только ручной охотничьей нартой. Олени содержались на полувольном выпасе, отличались высокой прирученностью. Летом эвенки устраивали дымокуры для оленей, а катангские – еще и навесы с односкатной кровлей¹⁷. Оленей доили. Верхнеленские малооленные эвенки после окончания зимнего пушного промысла отпускали оленей в тайгу. Весенний промысел вели без оленей¹⁸. Под влиянием бурят и русских у качугских, хандинских и катангских эвенков (на юге района) начали появляться кони и коровы, а количество

олений стало сокращаться, т.к. необходимость ухода за скотом препятствовала весеннему окарауливанию оленей. Местные эвенки неохотно используют лошадь на промысле, и то не как верховое, а как вьючное животное.

Окончательно оленеводство в Качугском районе исчезло в 1960-х годах в результате укрупнения населенных пунктов и создания специализированных промысловых хозяйств.

«У меня дедушка оленеводом работал. Стадо большое было, до 600 голов доходило. Потом в экспедиции начали раздавать, дошло до 300, и нас из колхоза в зверопромхоз перевели. А в промхозе мы стали как штатные охотники, но олени еще были. А потом через год-два олени не нужные стали, потому что оленеводам платить надо, а олени сами будто ходят. Решили где-то в области ликвидировать их. За два года ни одного оленя не осталось» (Т.П.К.)

«Я захватила оленей в Нюруткане. Я туда вышла замуж, и там олени были колхозные. Мы на оленях и на Уян ходили рыбачили, по ягоды – на оленях везде. Кони тоже были. А потом нас перевели из колхоза в промхоз, оленей-то забили. Это примерно 1965 год. Это приказ был. Ну, где бы тангусы оленей убили, они же кочевали, и на охоту осенью идут на оленях. Но был такой приказ от директора промхоза». (Г.И.С.).

В результате реорганизации колхозов и создания промысловых хозяйств оленей не стало и в южной части Катангского района.

Рыболовство играло хотя и подсобную, но существенную роль в хозяйстве эвенков. Рыбу (хариус, таймень, валец, карась, сорога, окунь и др.) ловят и летом, и зимой в реках и озерах, она идет на питание и обмен. Особенно это характерно для групп хандинских, качугских эвенков, которые обменивают рыбу на продукты сельского хозяйства, в основном картофель, а также различные товары.

Тутуро-очеульские и киренско-хандинские эвенки занимались *собираТЕЛЬСТВОМ*: промыслом кедрового ореха и сбором ягод.

В результате длительных связей с русскими, бурятами и якутами, эвенки Северного Забайкалья еще в конце XIX в. восприняли скотоводство якутского типа, эвенки Прибайкалья – скотоводство бурятского типа, от русских – огородни-

чество и земледелие. Последние отрасли хозяйства прижились в южной части Иркутской обл. От кочевого образа жизни эвенки стали переходить к полукочевому и полuosедлому, иногда оседлому. Сейчас эвенки обменивают продукты своего хозяйства на недостающие – например, клюкву, бруснику, рыбу или мясо на картофель. Иногда расплачиваются за картофель шитьем обуви, рукавиц.

Вопросы землепользования

Таежные территории находятся в ведении государственного лесного фонда, у которого землепользователи ее арендуют. Охотничьи территории поделены на участки. В советское время специально созданные комиссии раз в пять лет производили их передел. При условии постоянного проживания участки наследовались по мужской линии, и владение некоторыми прослеживается в течение 2–4 поколений. Спорные случаи возникали из-за потери семьей кормильца-охотника и при отсутствии близких родственников мужского пола. В таком случае территория могла быть занята или соседями, или товарищами по промыслу.

Юридически у каждого охотника есть акт, закрепляющий его право пользования охотничьим участком, размеры которого значительно варьируют в зависимости от числа охотпользователей и массивов пригодных территорий. Вопросы доступа на этот участок других лиц, помимо охотника, решаются самим землепользователем. Отдельная территория иногда выделяется для охоты на ондатру. Главное условие возобновления договора на пользование охотничьим участком – выполнение плана добычи. Охотникам требуется специальное разрешение – лицензия – на добычу крупнокопытных животных и соболя.

Охотники не отметили особых изменений в землепользовании с созданием родовых общин или иных хозяйственных структур: «как охотились раньше охотники при промхозе, какие территории занимали, так оно и осталось». Фактически сохранился прежний порядок распределения охотничьих участков на основе тех же принципов обычного права: давность пользования, наследование, постоянное опромышление, признание соседями (последнее – в идеальном слу-

чае). В пределах территории, выделенной общине, происходит переход участков согласно обычному праву, там у охотника построены зимовья, бани, прорублены охотничьи тропы, установлены ловушки.

Администрация Катангского района в 1992 г. на основании решения Иркутского областного совета № 11/14МС от 16.09.1992 утвердила Положение «Об аренде охотресурсов в Иркутской области» и передала в аренду физическим лицам из граждан Катангского района 13,6 млн. га лесных охотничьих угодий и 14 тыс. га водно-болотных охотничьих угодий. Охотничьи участки в Катангском районе Иркутской обл. находятся в долгосрочной аренде за физическими, а не юридическими лицами, хотя это и не согласуется с имеющимися законами. В соседней Эвенкии охотничьи участки находятся в аренде за юридическими лицами.

Среди арендаторов насчитывается 600 человек, в т.ч. более 120 эвенков. Охотничий промысел дает средства к существованию 40% населения, а продукцией любительского рыболовства и дикоросами пользуются все.

Родовые общины

В области созданы и работают четыре родовые общины народов Севера, которые зарегистрированы как общества с ограниченной ответственностью (ООО), крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ), охотничье-промысловые хозяйства (ОПХ). Есть одно эвенкийское частное хозяйство.

Таблица 1¹⁹

Название	Местонахождение	Виды деятельности	Глава
Вершино-Хандинская эвенкийская община	Казачинско-Ленский район, д. Вершина Ханды	Охота, пушной промысел, рыболовство, сбор ягод, грибов.	Н.Д. Чертовских
Охотничье-промысловое	Качугский район, д. Вершина Тутуры	охота, пушной	П.В. Сафонов

Название	Местонахождение	Виды деятельности	Глава
хозяйство родовых общин эвенков «Тутура»		промысел	
Объединение эвенкийских родовых общин ООО «Гиркил»	Катангский район, с. Ербогачен	охота, пушной промысел	Н.М. Пачинская
Тофаларское оленеводческое КФХ «Уткун»	Нижнеудинский район, г. Нижнеудинск	охота, пушной промысел, оленеводство	С.Н. Кангараев

Казачинско-Ленский район

Эвенкийская община деревни Вершина Ханды, где компактно проживают около 50 эвенков, образовалась в области раньше других, в 1991 г., в связи с началом разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Основные занятия членов общины – охота, рыболовство, промысел кедрового ореха, собирательство. Хотя община является экономическим объединением, она де-факто приобрела функции местного самоуправления, и фактически выполняет функции поселковой администрации, поскольку практически все население деревни – члены общины, вместе решающие вопросы своего развития,

Качугский район

Община «Охотничье-промысловое хозяйство родовых общин эвенков Качугского района» образовалась в 1992 г. по инициативе жителей в связи с разукрупнением промыслового хозяйства и находящихся у него в аренде территорий. Эвенкийская община организована на территории Вершино-Тутурского сельского совета, который исторически считается эвенкийским (до революции здесь была инородная управа, в 1920-е годы – центр культбазы). В общину входят охотники-промысловики из деревень Вершина Тутуры и Чинонга. Об-

щина хозяйствует на территории площадью 499 000 га, которая состоит из двух частей, разделенных границами Ленского промыслового хозяйства. Байкало-Ленский заповедник забрал часть территории общины, но пока недостатка в земле нет.

Община представляет собой экономическое объединение, ее хозяйственные занятия – пушная и мясная охота, рыболовство, промысел кедрового ореха. Экономические функции сужены по сравнению с отделениями промысловых хозяйств. «Раньше мы в промхозе работали, все-таки что-то зарабатывали – ягоду сдавали, рыбу. Заставляли еще всякие почки да листочки собирать и сдавать. Копейка шла. Заработаешь – получишь. А сейчас некуда сдать. Никто не принимает. Раньше бруснику, клюкву собирали, она же ценная. Кислицу, смородину сдавали. Сейчас хуже стало» (С.Г.И.). Товарный характер имеют пушная охота и промысел кедрового ореха. Производство продукции мясной охоты, рыболовства и собирательства в основном является индивидуальным делом. Она используется для бартерного обмена, а также перераспределяется внутри самой общины.

Председатель (глава) общины снабжает охотников в основном в долг, под результаты будущего промысла, боеприпасами и снаряжением. По окончании сезона охоты общинники должны сдать ему добытую пушнину (шкурки соболя). На добычу соболя выделяют лицензии, промысел белки ведется без ограничений. Не все сдают пушнину в общину. Много шкурок, особенно белки, уходит «налево», приезжим скупщикам. Средства, затраченные на снаряжение, оружие, боеприпасы, горючее из-за их дороговизны с трудом окупаются произведенной продукцией, и община не имеет прибыли. Община не считается серьезным партнером для коммерсантов на рынке пушнины, поскольку им выгоднее работать с крупными поставщиками, такими, как Жигаловское промысловое хозяйство из соседнего Жигаловского района, которое за охотничий сезон готовит до 30 тысяч белок и 1500 соболей. Кроме объективных трудностей работы хозяйственных предприятий в переходный экономический период, общинными проблемами общин является неумение самостоятельно хозяйствовать. Техника, закупленная в первые годы пере-

стройки на безвозвратные кредиты, к настоящему времени сломана или разбазарена.

Катангский район

Объединение эвенкийских родовых общин «Гиркил» было создано 12.11.1999 г., среди учредителей – родовые общины поселков Наканно, Хамакар, Тетя, Ербогачен. Причиной создания общин и их объединения было стремление закрепить за собой земли традиционного природопользования, получать доходы от добычи и продажи пушнины. Общины были созданы не как родовые, а как территориально-соседские из жителей одной деревни (поселка). Членами общин стали только охотники. В данном случае охотники вступили в общину ради права владения/аренды участком территории традиционного природопользования. Основные занятия членов общины – пушная охота (на соболя, белку, ондатру) и рыболовство. Интересно, что не все эвенки вступили в эту общину – наиболее стабильно живущие оленеводческие семьи являются членами ЗАО «Катангская пушнина».

Постановлением № 164 за объединением была закреплена территория площадью 1 762,2 тыс. га для осуществления охотничье-промысловой деятельности. Руководство ООО «Гиркил» с помощью федеральных и областных кредитов снабжает охотников оружием и продовольствием под продукцию будущего промысла. В ООО «Гиркил» вошли 109 охотников, в основном эвенки, несколько якутов и русских старожилов. Это торгово-заготовительная организация с «этнической» спецификой, которая не имеет ничего общего с общинами как самоуправляющимися организациями.

Состав отдельных родовых общин непостоянен, есть немало случаев, когда охотники переходят из одной хозяйственной организации в другую. Это привело к тому, что руководители наиболее крупных охотхозяйственных предприятий района договорились совместно применять санкции к нарушителям дисциплины и тем, кто уклоняется от возврата кредитов. В 2000 г. родовые общины поселков Хамакар и Наканно насчитывали каждая по 19 человек, размеры охотучастков были от 6 до 70 га на человека.

Эвенки и русские старожилы, живущие на юге района, всего 131 человек, неудовлетворенные работой новых хозяйственных организаций и общей социально-экономической ситуацией, намеревались образовать родовые общины в семи поселках и войти в состав ООО «Гиркил». Они имели притязания на 2 932,7 га территории. Однако опыт хозяйствования ООО «Гиркил» оказался негативным. Поэтому не только новые общины не присоединились к этой организации, но и большинство охотников из ООО «Гиркил» в середине 2001 г. ушли в другую, вновь организованную общину «Илэл», которая объединила охотников – эвенков и русских старожилов. Об опыте хозяйствования «Илэл» пока нет достоверных сведений.

Все уголья родовых общин являются территориями традиционного природопользования. Все упомянутые общины получают небольшие дотации из госбюджета, т.к. не имеют собственных доходов в необходимых размерах. Поскольку ведение традиционного хозяйства малоприбыльно, родовые общины или другие хозяйственные объединения народов Севера и в дальнейшем будут нуждаться в дотациях.

Среди эвенкийского населения существуют разные точки зрения на общины, не менее 50% из которых – негативные. Основные претензии к их деятельности – сужение, по сравнению с промхозами, сферы хозяйственной деятельности, неучастие в строительстве социальной жизни сел.

Русские старожилы и доступ к ресурсам

В Иркутской области, в верховьях р. Лена и р. Нижняя Тунгуска, с XVII–XVIII веков живут русские крестьяне-старожилы, чьими хозяйственными занятиями были земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Их способы жизнеобеспечения, опыт природопользования сблизилась с эвенкийским. Сегодня потомки русских старожилов поднимают вопрос об уравнивании их в правах на возобновляемые биоресурсы на территориях традиционного природопользования на том основании, что они исторически живут на Севере и зависят от природной среды и хозяйственных занятий. Они добивались приобретения равного статуса в отношении территорий тра-

диционного природопользования, а именно закрепления охотничьих участков. Подобные вопросы поднимались и другими группами русских старожилов – индигирщиками, колымчанами в Якутии, камчадалами в Магаданской обл. и на Камчатке, – последние добились признания в качестве самостоятельного народа. Эти требования актуальны в условиях действующих, хотя и не в прежних масштабах, льгот для малочисленных народов Севера (например, в области образования). Интересно, что многие эвенки не видят различий между собой и русскими в хозяйственно-бытовой сфере. Например, среди эвенков Ханды «постоянно оговаривается сходство “своей” культуры с культурой русского старожильского населения р. Киренги»²⁰.

В 1998 г. был подготовлен проект Постановления губернатора Иркутской обл., в котором говорилось: «...приравнять граждан РФ, постоянно проживающих на территории Катангского района, чьи предки постоянно проживали в районе и чье существование полностью или частично основано на традиционной системе жизнеобеспечения ... к малочисленным коренным народам Севера в части пользования приоритетными (наземными) природными ресурсами». В его подготовке активно участвовали русские старожилы Катангского района. Этот проект не был принят. Из областной администрации последовало предложение определить «критерии и параметры», по которым русские старожилы района могли бы быть приравнены к коренным малочисленным народам Севера, а также вычислить «предполагаемые финансовые потери в результате принятия такого проекта»²¹. В ответе из Ербогачена было сказано, что «...отнесение граждан к той или иной этнической группе производится по формальным признакам», – верное замечание в контексте политики этносоциального конструирования²². Руководство района настаивало на уравнивании прав с целью предотвращения возможных конфликтов на национальной почве: «жители одного населенного пункта, в равной степени переносящие тяготы жизни в условиях Крайнего Севера, одинаково зависимые от природы, но по чисто формальным признакам относящиеся к разным этническим группам, не будут иметь прав на возобновляемые природные ресурсы, что и создаст дополнитель-

ную социальную напряженность». Одним из предложенных критериев было постоянное проживание на территории района.

К настоящему времени приняты Федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Об общине коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», которые позволяют включать в общину людей, не относящихся к народам Севера, но постоянно проживающих на ее территории и ведущих традиционное хозяйство.

Народы Севера и власть

Законы про народы Севера? Тут надо подумать. Законов много. Закон – тайга, а прокурор – медведь. А серьезно если, закон у нас в тайге: если я с зимовья пошел, оставить дрова, спички, керосину маленько. Дрова в первую очередь, дрова – это первая заповедь. На растопку или хоть на ночь. В тайге законов много. А про официальные законы не слышали, информация не доходит до нас.

Ю.С.

Проблемы северных народов на областном уровне решаются в рамках учрежденного в 1997 г. при областной администрации департамента по делам Севера, основные задачи которого – обеспечение северного завоза, переселение приезжего населения с Севера в соответствии с Федеральными программами.

На содержание социальной сферы народов Севера выделяются дотации из Федерального, областного и районного бюджетов. В рамках Федеральных программ, под которые финансируются мероприятия по поддержке народов Севера, действуют три областные программы: «Дети малочисленных народов Севера», «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера (материальная поддержка проживающим в сельской местности малообеспеченным семьям из числа коренных малочисленных народов Севера) на 1999–2000 годы» и «Национальная политика». Поступающие средства используются также на ремонт,

тепло и электроснабжение, транспортное сообщение. Администрация области добилась дополнительных средств на обеспечение завоза в отдаленные национальные поселки Качугского и Нижнеудинского районов Иркутской обл., где живут народы Севера. Впервые в 2000 г. они были включены в Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностям с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) – утвержден постановлением правительства РФ от 23 мая 2000 г. № 402.

За последние семь лет областная администрация оказала поддержку следующим общинам и иным хозяйственным объединениям народов Севера:

1. Тофаларскому оленеводческому крестьянско-фермерскому хозяйству «Уткум» Нижнеудинского района в приобретении оленьего стада (80 оленей), транспорта (автомашины ГАЗ-66, 2 снегохода Буран), 13 карабинов, переносных радиостанций Карат, двух микроГЭС.

2. Охотничье-промысловому хозяйству «Тутура» Качугского района в приобретении охотничьих карабинов с боеприпасами, термоэлектродгенераторов.

3. Малому предприятию «Возрождение» (позже переименовано в «Гиркил») Катангского района в приобретении охотничьих карабинов с боеприпасами, солнечных электрических батарей, термоэлектродгенераторов.

4. Фермерско-промысловому хозяйству «Монастырев» Качугского района в приобретении охотничьих карабинов с боеприпасами, спальных мешков.

5. Вершино-Хандинской эвенкийской общине Казачинско-Ленского района в приобретении автомашины ГАЗ-66, лодок, лодочных моторов, рыболовных снастей и другого снаряжения²³.

При составлении государственных программ экономической помощи не учитываются конкретные нужды конкретных общин, что вызвано формированием планов «сверху», без возможности изменения вложения целевых средств.

«Власти нас более-менее поддерживают. Выделяют федеральные деньги целевым назначением, и нас не спрашивают, что нам надо, когда программы составляют. Школа все время замерзала, дров не было, топить нечем было. Нам

выделили 10 тыс. на лодочный мотор, а я решил бензопилы «Дружба» купить. Эти пилы отдали в школу и на строительство. За это десять раз меня проверяли. С ружьями получилась тоже история. Нынче пять карабинов купили на деньги из федерального бюджета. Их надо было поставить на баланс общины, а я оформил в личное пользование. Одни говорят так, другие так. И опять я крайний остался.

Жилой дом для эвенков строим за федеральные деньги, и опять столько заморочек. Нужна лицензия, проектно-сметная документация, за всем этим надо ехать в город. Справку получить – проблема. Через самого заместителя губернатора Иркутской области решали. В июле пришли деньги, а начали работать только в октябре». (П.С.)

Законодательной базой для обеспечения прав народов Севера в Иркутской обл. выступают известные Федеральные законы о народах Севера. В октябре 1997 г. был принят Закон «О территориях традиционного природопользования в Иркутской области». Он действовал до принятия в 2001 г. Федерального закона «О территориях традиционного природопользования народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В декабре 2001 г. в первом чтении был принят и отправлен на доработку Закон Иркутской обл. «Об охоте».

В Закон Иркутской обл. о территориях традиционного природопользования было введено понятие «коренное население территории», которого не было в Федеральных законодательных актах и которое возникло из жизненных реалий исторически длительного совместного опыта природопользования в верхнем течении р. Нижняя Тунгуска. Это «граждане РФ, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения, постоянно проживающие наряду с малочисленными народами Севера на данной территории и включенные Постановлением губернатора области в группу населения, приравненного к малочисленным народам Севера и этническим общностям». Однако упомянутого губернаторского постановления не последовало.

Закон не регулировал отношения между промышленными предприятиями и жителями поселков, не организовавшихся

в общину. В п. Токма на юге района живут эвенки и русские, для которых охота и рыболовство – основные способы жизнеобеспечения. Родовых общин в поселке нет. Охотничьи территории жителей находятся ближе всего к району заготовок деловой древесины, которые осуществляются ЗАО «Янтальес», ООО «СП Игирма-Тайрику» и ООО «ИЛЭКС». Все эти предприятия базируются вне пределов Катангского района и не участвуют в формировании его бюджета. Эти работы вызвали недовольство жителей с. Токма. Летом 2000 г. они дважды обращались с жалобами в областную администрацию: «При СССР, когда лесохозяйственная организация и потребитель заготавливали лес на нашей территории, то несколько раз собирались сходы, на которых выслушивали наше мнение по данному вопросу, и только после нашего согласия на рубку леса заключали договор аренды лесного фонда, в котором оговаривались вопросы материальной и финансовой помощи с. Токма со стороны лесозаготовительных организаций. ...А что происходит сейчас, с кем, как и на какие участки леса заключаются договора, известно одному Богу, да договаривающимся сторонам. И видимо недалек тот день и час, когда, заехав на свои охотничьи участки, мы вместо леса обнаружим одни пни. Уже сегодня мы боимся появляться в южной части административной территории нашего села, где полными хозяевами считают себя работники леспромпхозов...».

Среди предложений были дельные, но оставшиеся без ответа:

«...перезаключить (уже существующие) договора в присутствии нашего представителя; обязать Катангский лесхоз отводить лесоделяны леспромпхозам на нашей территории только после согласования с Токминской (сельской) администрацией; перенести контору Верхне-Непского лесничества из Новой Игирмы в Токму, набрать штат лесников из местных жителей (одновременно решив при этом, хотя бы частично, проблему с безработицей); передать Токминской администрации определенные полномочия по защите исконной среды обитания»²⁴.

Население маленьких отдаленных поселков, занятое в традиционных отраслях хозяйства, видит в общине не толь-

ко экономическую, но и самоуправляющуюся организацию, – и, по сути, таковой она и является, независимо от того, признана она официально или нет. В то же время, в таких общинах нет средств для развития местного самоуправления.

Язык

Языковед Н.Б. Вахтин отнес эвенкийский язык к «особым случаям» из-за неравномерной степени его сохранности в конкретном регионе²⁵. По переписи 1989 года, из 29,9 тыс. эвенков считали родным эвенкийский язык 30,4%, русский – 28,3%, другой – 41,4%. Свободно владели русским как вторым языком 55,7% эвенков²⁶. Почти половина эвенков говорит на якутском и бурятском языках.

В Иркутской обл. 56,1% эвенков и 55,6% тофаларов считают родным русский язык²⁷. Эвенки Иркутской обл., как и других южных районов Сибири, довольно рано, с XIX – начала XX вв. начали приобщаться к русскому языку, контактируя с русскими купцами и крестьянами-старожилами. Речь эвенков, особенно старшего поколения, выросших в соседстве с русскими верхнеленскими или нижнетунгусскими старожилами, представляет собой вариант местных сибирских говоров. Некоторые русские крестьяне-старожилы тоже знали эвенкийский язык. С.Г.И. родилась в 1927 г. в смешанной эвенкийско-русской семье, до замужества (вышла замуж за эвенка) эвенкийский язык не знала: «У меня свекровка по-русски худо говорела, все по-тангусски. Где пойму, где не пойму. А потом научилась быстро. И муж стал по-тангусски со мной разговаривать».

В интернатах, организованных в конце 1920-х годов, основным языком обучения был русский. Общение в поселках тоже велось на русском языке. Эвенкийский язык сохранился лучше на севере Иркутской обл.

Дети, которые растут на стойбищах или проводят в тайге каникулы, быстро овладевают эвенкийским языком. Дети из эвенкийских деревень на юге Иркутской обл. не знают эвенкийский язык, лишь одна девочка (1984 г.р.) говорит, что понимает язык, но разговаривать на нем не может.

В настоящее время сфера общения на эвенкийском языке крайне ограничена, поэтому молодое поколение не видит в нем надобности. Тем не менее, с конца 1980-х – начала 1990-х годов началось преподавание эвенкийского языка в школах: в средней школе с. Ербогачен, школе-саде с. Хамакар Катангского района, в Вершино-Тутурской школе Качугского района. Начальное (до 4–5 классов) обучение эвенкийскому языку ведется по букварю, учебнику эвенкийского языка для 4–5 классов, книге для чтения. В старших классах обучение ведется по методическим разработкам учителей. Язык не преподается в интернатах Качугского и Казачинско-Ленского районов.

Образование

Первые школы для коренного населения были образованы миссионерами на севере Сибири в XIX веке. В 1916 г. на севере Байкала (современная республика Бурятия) работала тунгусская школа, причем труд учителей оплачивался из средств эвенкийской общины, которой принадлежали рыболовные места (тони)²⁸. Первые тунгусские школы в Иркутской обл. были образованы в конце 1920-х годов Иркутским и Киренским Комитетами Севера.

В Качугском районе школа-интернат работала в старожильческом селе Бутаково. У истоков ее создания стояли эвенк Х.Х. Дорофеев, ставший учителем, и этнограф, профессор Иркутского университета, член Иркутского отделения Комитета Севера, Б.Э. Петри²⁹. Школа открылась в 1927 г., в ней учились 26 детей из 43, живущих в семи тяготеющих к школе стойбищах³⁰. Случаи нежелания отдавать детей в школу объяснялись хозяйственными соображениями. Преподавание велось на русском языке, в будущем планировалось преподавать на родном языке.

В д. Ербогачен Катангского района в 1927 г. была школа-интернат, в которой учились 44 «туземца», в том числе 35 тунгусов, 9 якутов. В 1929 г. начала работать восьмилетняя школа в Наканно. В 1930 г. в ней училось 30 чел. (13 девочек, 18 мальчиков), в основном тунгусы. «Тяга детей к учебе большая, дети тунгусов смышлены, быстро осваиваются и некоторые очень скоро начинают говорить по-русски. 10 че-

ловек прошлого выпуска из школы-интерната уехали в Москву, Ленинград, Иркутск для продолжения обучения»³¹. Преподаватели были русские, преподавание велось на русском языке.

По четырем основным районам области с местами компактного проживания народов Севера число учащихся детей этих народов в общеобразовательных школах – 286, в 12-ти малокомплектных школах – 120. В настоящее время из 357 эвенков от 16 лет и старше, проживающих в Катангском районе, большинство имеют неполное среднее (147) и среднее (100) образование (1999). Примерно такая же картина характерна и для других районов области. В рамках федеральных программ ведется строительство двух школ на 132 места в с. Верхняя Гутара (Нижнеудинский район, тофалары) и на 132 места в с. Непа (Катангский район)³². В Бутаковской школе на средства Федеральной программы «Дети Севера» было закуплено 11 компьютеров.

В области есть три интерната для эвенков – в с. Ербогачен Катангского района, с. Бутаково Качугского района (учатся 14 эвенков), в п. Казачинск Казачинско-Ленского района (учатся 17 детей, в т.ч. 8 эвенков). Основная проблема этих интернатов – отсутствие средств для обустройства труда и быта школьников, их полноценного питания. Кроме того, директор школы-интерната в с. Бутаково Качугского района считает: «Интернаты – благо во зло. Дети ведь назад после учебы не приезжают. Коли хотим сохранить как нацию эти малые народности, значит, надо было там им создавать условия для обучения. Они способные, развитые, хорошо учатся. Да, дорого, но если мы во главу угла поставили задачу сохранить народ, то тогда надо уж не считаться с затратами. А если будем считаться, зачем вся эта возня».

В интернате при средней школе в д. Бутаково Качугского района живут и учатся дети из деревень Чинонга и Чанчур. У них две воспитательницы, русские женщины, одна из старожилов, другая приезжая, уже около двадцати лет живущая в Бутаково.

С.С., 1984 г.р., ученица 10 класса:

«Я помню, когда уезжать в интернат, заплакала, дико показалось, тяжело. А сейчас я уже привыкла, десятый год все»

таки. И родители ко мне каждый месяц приезжают. На зимние каникулы нас вывозит домой сам директор на машине. А на весенние каникулы, когда есть еще дорога, за нами могут родители приехать. У нас в Бирюльке есть родственники, мы туда ездим. Некоторые в Качуг.

В интернате подъем в 7 часов, в полвосьмого завтрак, в полдевятого идем в школу. Уроки по 45 минут. У нас 7 уроков часто бывает, и в полтретьего мы приходим из школы. Отдыхаем после школы полчаса. У нас еще полдник есть в столовой, и потом убираемся, пол моем. И с 4 до 6 часов делаем уроки. Я и моя одноклассница Таня подольше сидим, потому что заданий побольше.

У нас обычно на завтрак каши из разных круп – рисовая, овсяная, гречневая, ячневая, чай и кусочек хлеба. На обед у нас супы, на второе что-нибудь, чаще всего картошка или вермишель с гарниром. На ужин каша, картошка, иногда пирожки. Не хватает этого. Кушать хочется. Если дома, то можно в любое время сесть за стол, поесть, а здесь режим есть режим. Особенно бывает заметно, когда из дома приедешь, не укладываешься в норму. Свое есть у всех, оттуда привозим, – рыбу в основном, и свежую и соленую, вермишель, почти все продукты – начиная от чая. Картошку здесь покупаем иногда. Сами себе готовим дополнительно, а у маленьких у всех есть старшие сестры. Допустим, у Ромы есть сестра Люба, она ему готовит. И у всех так».

Директор Бутаковской школы и интерната при школе Анатолий Васильевич Лубягин считает, что «...эти дети никому не нужны. Возни с ними в два раза больше, чем со школой. Проблем у нас много – бытовые условия, питание. Сегодня мы кормим детей на 16 руб. в день. Весной еще меньше. Сейчас мы решили, пусть родители помогают рыбой, мясом, чтобы мы лучше их детей кормили. Фактически никакого финансирования нет на бытовые условия. Некоторые дети приезжают совершенно раздетые. В этом году мы их одели, гуманитарная помощь пришла, очень хорошо помогли.

В последний раз я с детьми ездил в Чинонгу, собирал собрание, с родителями разговаривал. Маленечко и их неправильная позиция. Они вот сдали своих детей, и все. Вот вы нам их привезите, увезите, оденьте, накормите. То есть ны-

нешняя ситуация в государстве еще не заставила их задуматься над собой. Они еще идут по накатанной дорожке, и у них еще психология такая, заложенная 50-60 лет назад, что все им должны предоставить».

Благодаря образованию вообще и интернатскому образованию, в частности, интерес к родной культуре терялся: «Нравилось ли мне в лесу? Да как тебе сказать? До интерната я привычна ко всему была, а потом, в старших классах, уже неинтересно было. Ни книжку летом не считаешь, ничего. С утра до ночи занят, книжку возьмешь, мать говорит, надо работать». (Т.М., 1957 г.р., Ербогачен). Действительно, на мой вопрос: «Кто хочет жить в Чинонге?» ребята ответили молчанием.

В Качугском (с. В. Тутуры) и Катангском (Ербогачен, Наканно), Нижнеудинском (Алыгджер) районах преподаются основы охотоведения. За школами закреплены охотничьи промысловые участки. С 1996 г. в школах-интернатах начали создаваться учебные курсы «оленоводство», «рыболовство» для детей 5–9 классов, цель которых – обучение традиционным промыслам³³.

Среднее специальное и высшее образование для детей народов Севера осуществляется по целевой программе «Дети Севера». В 2000 г. в высших и средних специальных учебных заведениях Иркутской обл. на договорной основе обучались 7 студентов, 2 – в Санкт-Петербургском институте технологий традиционных промыслов. Тем не менее, несмотря на усилия со стороны администрации, северные студенты бросают обучение, возвращаются домой или хотят учиться чему-нибудь другому.

Здравоохранение

За последние 10 лет среди народов Севера Иркутской обл. упала рождаемость и увеличилась смертность. Среднеобластные показатели рождаемости в Иркутской обл. на 1000 человек таковы: рождаемость – 15,3, смертность – 17,0. В Катангском районе соответственно 12 и 10–15.

Рождаемость в Катангском районе среди народов Севера уменьшилась с 1988 по 1999 гг. в два раза, с 26 до 12.

Смертность осталась на том же уровне, но больше стало умирать людей в трудоспособном возрасте. Продолжительность жизни составляет для женщин 49 лет, для мужчин – 46 лет (для сравнения эти же показатели для остального населения составляют соответственно 68 лет и 55 лет).

«Мне 60 лет, а у нас мужики обычно и до пенсии не доживают. У нас сколько старух-вдовушек. Потому что у нас, эвенков, работа в лесу, у костра, вот такие холода – попробуй, поживи. Ночуй-ка зимой у костра. Бывает, что и медведь задавит, или сердце хватанет. От этого в лесу никто не гарантирован» (Ю.С.)

На первом месте среди причин смерти идут травмы, отравления, несчастные случаи (59 чел.), на втором – сердечно-сосудистые и онкологические заболевания (29 чел.), от туберкулеза умерли 7 чел., по старости – 7 чел.³⁴ По сообщению заведующего отделом статистики Катангского района, наиболее распространенные причины смерти у эвенков – утопления, убийства с использованием огнестрельного оружия, самоубийства³⁵. По опубликованным данным, 2,4% смертности в 1997 г. составлял суицид (самоубийства)³⁶.

У эвенков и тофаларов преобладают болезни органов дыхания, широко распространены отиты, риниты, менингиты, стоматологические заболевания, аномалии развития³⁷. Существуют на учете как больные хроническим алкоголизмом и алкогольными психозами 399 человек. Имеются больные венерическими заболеваниями³⁸. По данным Качугской районной поликлиники, среди эвенков растет заболеваемость алкоголизмом, ишемической болезнью сердца, инсультами. В Иркутской обл., как и в других регионах Севера, значительно распространен туберкулез (состоят на учете с активным туберкулезом 13 чел.). В 1998 г. Катангская районная дума приняла программу «Неотложные меры по борьбе с туберкулезом на территории Катангского района на 1998–2002 гг.». С 1993 по 1998 гг. в районе поставлено на учет 96 человек, в том числе 33 больных активным туберкулезом. Все они разных национальностей, но преобладают эвенки. 80% больных имеют доход на одного члена семьи ниже прожиточного минимума³⁹.

Несмотря на широко распространившуюся в последние годы заболеваемость клещевым энцефалитом, эвенки в число заболевших не входят. «Это говорит о том, что у людей, которые родились и выросли здесь, формируется свой природный иммунитет. Иммунитет больше защищает, чем вакцинопрофилактика. Охотники снимают их с себя десятками, но случаев заболеваемости мы не регистрируем. Люди, которым за 60 и которые всю жизнь прожили в районе, крайне редко болеют»⁴⁰.

Укомплектованность учреждений здравоохранения медперсоналом в Иркутской обл. в местах компактного проживания народов Севера составляет 78%. Численность врачей – 43 чел., среднего медперсонала – 210 чел. Число больничных учреждений в районах проживания народов Севера – 8, степень их износа – 45%, число коек – 275 (в т.ч. в многонациональных поселках). Имеется 31 фельдшерско-акушерский пункт⁴¹.

В 1996 г. в Катангском районе в местах проживания народов Севера было три участковых и одна районная больница, среднее количество койко-мест – 84. С 1995 г. эта цифра сократилась до 64. Многие врачи выехали, в д. Оськино совсем нет медперсонала.

Центральная районная больница в Качуге имеет поликлинику и стационар. Раз в год на два дня к эвенкам выезжают медицинские бригады с задачами профилактического обследования населения. «Но без флюорографии, без УЗИ, когда нет электричества, сами понимаете, качество оставляет желать лучшего. Возили мы туда аппарат ЭКГ, дизель работал. При выявлении каких-то заболеваний в результате такого медосмотра они крайне неохотно выезжают на лечение».

В Качугском районе до 1995 г. в Вершине Тутуры работала участковая десятикоечная больница, затем до 1998 г. – трехкоечная больница-стационар, которая в настоящее время закрыта. Население восприняло это вынужденное решение негативно. В д. Чинонга, д. В. Ханды, д. Хамакар, д. Наканно есть фельдшерско-акушерские пункты. В случае серьезных заболеваний эвенки лечатся в районных центрах.

Из-за недостатка финансирования профилактика заболеваний и меры по улучшению здоровья в отношении народов Севера проводятся в недостаточном объеме. Это характерно для всей области, но особенно для отдаленных и труднодоступных мест: нет средств на выезды медицинских бригад, приобретение и хранение медикаментов и вакцины, выполнение рейсов санавиации; не хватает медицинских кадров определенных специальностей⁴².

Тофалары в этнокультурном пространстве области

Тофалария расположена в Восточных Саянах в Южной Сибири, на территории площадью около 27 тыс. кв. км. Ее называют по имени населяющего народа, но как административной единицы Тофаларии не существует, она относится к Нижнеудинскому району Иркутской обл. Основное население района – тофалары и русские. Приезжее население работает на Бирюсинских золотодобывающих приисках, известных с 1837 г. Тофаларию называют Сибирской Швейцарией за неописуемую красоту горных ландшафтов, – это рай для туристов-водников, горных туристов и туристов-охотников. Однако туризм не организован, прежде всего из-за серьезных трудностей с транспортом. В планах администрации области и района – разработка проекта и создания природного этнического парка на части территории Тофаларии.

Численность тофаларов (устар. – карагасы) 630 чел.⁴³. Она остается относительно стабильной на протяжении нескольких столетий. Тофалары этнически значительно смешались с русскими и представителями других национальностей. В дореволюционное время их численность колебалась в периоды неурожая природных ресурсов и эпидемий. В советское и постсоветское время появились новые факторы, поддерживающие численность: особая политика «северных» льгот, частично сохраняющихся в сфере образования, а также рост этнического самосознания на фоне постепенной утраты языка и традиционной культуры.

Тофалары в прошлом были горнотаежными охотниками-оленоводами, вели кочевой образ жизни. Их хозяйство осно-

вывалось на охоте, транспортном оленеводстве и собирательстве. По последним данным, еще до XVII века были знакомы с коневодством. Оленеводство и коневодство подчинялись нуждам охотничьего промысла.

В 1927–1932 гг. тофалары были переведены на оседлость, стали работать в специализированных колхозных бригадах. С 1939 по 1951 гг. существовал Тофаларский национальный район с центром в п. Алыгджер. С 1951 г. образованы два сельсовета – Тофаларский и Верхне-Гутарский в административных границах Нижнеудинского района Иркутской обл. Все население живет в трех поселках, образованных в 1927–1932 гг. в период перевода на оседлость: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара. В конце 1960-х годов вместо колхозов были созданы два промысловых охотничье-оленьеводческих хозяйства, вскоре объединенных в одно Тофаларское, где работали до 60% тофаларов. Из новых форм хозяйства у тофаларов прижились молочное животноводство и огородничество (в основном выращивание картофеля). Сейчас сохраняется производственное кочевание с оленями, сезонная охота на пушных и мясных зверей.

В 1991 г. в Тофаларии было 2 178 оленей, выпасающихся в 6 стадах, где работали 27 пастухов. К 1997 г. осталось 969 оленей⁴⁴. В 1992 г. промыслово-оленьеводческое хозяйство было реорганизовано в акционерное общество, в 1999 г. прекратило работу из-за финансового краха. Среди проблем Тофаларии – пьянство, безработица, доходящая до 60%.

В Тофаларии были попытки развития частного предпринимательства. Было создано фермерское охотничье-оленьеводческое хозяйство «Уктум» во главе с С.Н. Кангараевым. Хозяйству отведено 176 289 га земель, из них сенокосов – 1 244 га, оленьих пастбищ – 18 970 га, охотничьих угодий – 156 075 га. Хозяйство, состоящее из 11 человек, использует около 15% территории всей Тофаларии. Фактически здесь пришли в противоречие общинные и индивидуальные принципы природопользования, хотя, с другой стороны, произошел отход от иждивенческой психологии⁴⁵.

Родной язык тофаларов относится к тюркской группе языков. Тофалары двуязычны или трехязычны. Русский язык преобладает, некоторые тофалары знают бурятский язык.

Несколько поколений взрослых обучалось в интернатах и на тофаларском языке не говорят, хотя и понимают его. Молодежь и дети не говорят на языке. Незнание своего языка не мешает им осознавать себя тофаларами. Интерес к тофаларскому языку появился в связи с созданием для него письменности профессором В.И. Рассадным в 1986 г. С 1989 г. в Тофаларии идет целенаправленное изучение родного языка в детских садах и школах⁴⁶.

* * *

Эвенки и тофалары, живущие в Иркутской обл., имеют длительный опыт совместного проживания с бурятским, русским старожильческим, якутским населением. С одной стороны, это привело к аккультурации и ассимиляции части эвенков, с другой – постепенно были выработаны механизмы адаптации. На этой основе сформировалась специфическая культура и особая этносоциальная среда, сама по себе представляющая значительную культурную ценность.

Ведение эвенками и тофаларами экстенсивных форм хозяйства – охоты, оленеводства, рыболовства, сбора ягод и промысла кедрового ореха требовало освоения обширных территорий. Учреждение границ районов, перевод на оседлость, укрупнение, специализация хозяйства привели к сужению ареала расселения, прервали или ограничили существовавшие родственные и социально-экономические связи.

В таежной зоне южной Сибири жизнь эвенков и тофаларов, как и прежде, зависит от продукции охоты и рыболовства. Оленеводство сохранилось только на севере области и имеет транспортное значение. В охоте конкуренция с приезжими (в том числе городскими) людьми, за ресурсы и территории (охотничьи участки) развита в значительной степени. В то же время сложившиеся историко-культурные связи и близость интересов народов Севера и русского старожильского населения ведут к их сотрудничеству в защите прав на природопользование, что проявилось при создании родовых общин.

Основная причина организации родовых общин народов Севера в Иркутской обл. в начале 1990-х гг. состояла в стремлении обрести права на территории для их последую-

щего использования в целях традиционного природопользования или возможного получения выплат за их отчуждение.

Как и в большинстве районов севера России, родовые общины оказались хозяйственно-экономическими объединениями, а не общинами как формами общественного (местного) самоуправления. Членство в них основано на общности профессиональных занятий, а не на родстве, – в их состав входят охотники и рыболовы. Индивидуально или небольшими группами из двух-трех человек они ведут промысел, а продукция пушной охоты становится собственностью охотника. Общины созданы чаще всего «сверху» и имеют будущее только при осуществлении государственной поддержки.

В Качугском районе общинники сохраняют свою территорию в виде резервата, община практически не имеет прибыли. В Катангском районе эвенки совместно с русскими старожилами отстаивают права на охотничьи территории. В Казачинско-Ленском районе эвенки организовались в общину для получения компенсаций за добычу газа на их территории.

Функции административного управления сохраняют сельские (поселковые) администрации, хотя в некоторых случаях общины (по моим полевым материалам, в п. Вершина Ханды в Иркутской обл., в п. Березовка и других поселках республики Саха (Якутия), в Ханты-Мансийском а.о.⁴⁷, на Чукотке⁴⁸) берут на себя функции местного самоуправления. Согласно принятому в 2000 г. Федеральному Закону «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», в местах компактного проживания малочисленных народов «органы местного самоуправления по предложению общин могут наделять их отдельными полномочиями органов местного самоуправления»⁴⁹.

Коренное и приезжее население маленьких поселков имеет общие интересы, тесные родственные, экономические и культурные связи и, если есть грамотный лидер, выступает единым фронтом в защите интересов всей поселковой общины, например, в области экологии и природопользования. Поэтому родовые общины народов Севера – не единственно возможная форма их самоуправления.

¹ Экспедиция 2001 г. и работа над статьей стали возможны благодаря финансовой поддержке Института Александери (Финляндия) и Юбилейного Фонда Шведского банка. Исследования в Иркутской области ведутся мной с 1981 года. Последние по времени проведены в 2000 и 2001 годах в Катангском и Качугском районах области.

² *Сирина А.А.* Родовые общины в республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? // Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. М., 1999. Документ № 126; *Она же:* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. М., 1998. Документ № 116.

³ Материалы Комитета по развитию Севера Иркутской областной администрации.

⁴ Численность и состав населения народов Севера по данным переписи населения 1989 года. М., 1992. Т. I. Ч. I. С. 66–67.

⁵ Отдел статистики Качугского района Иркутской обл. 2000 г.

⁶ *Туголуков В.А.* Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Сов. этнография. 1965. № 3. С. 12–24.

⁷ *Кларк П.* Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленинском округе // Записки СОИРГО. Кн. VI. Иркутск, 1863. С. 87–96; *Петри Б.Э.* Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930.

⁸ ПМА. 2000. ПД № 1.

⁹ Подробнее о процессах межэтнических контактов в этом регионе см.: *Сирина А.А.* Катангские эвенки и их соседи: межэтнические взаимодействия // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник (далее – СЭС). М., 1999. Вып. 9. С. 99–119; *Сирина А.А.* Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск, 2002.

¹⁰ Данные Катангского районного отдела статистики. 2000 г.

¹¹ *Бычков О.В., Ямпольская Ю.А.* Новые данные об эвенках Иркутской области // Духовная культура народов Сибири и Севера. Омск, 1989.

¹² *Ходукин Я.Н.* Тунгусы реки Коченги // Сборник трудов ИГУ. Иркутск, 1927. Т. XII. С. 365–390.

¹³ *Василевич Г.М.* Витимо-тунгиро-олекминские тунгусы (географическая характеристика) // Сов. Север. 1930. № 3. С. 96–113;

Балдунников А.И. Внеохотничьи хозяйственные занятия тунгиро-олекминских эвенков // Известия Общества изучения Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. Т. 1 (LVI). С. 183–211; *Самохин А.Т.* Тунгусы Бодайбинского района (статистико-экономический очерк) // ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Ед. хр. 18; *Туголуков В.А.* Витимо-олекминские эвенки // СЭС. 1962. IV. Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. С. 67–97.

¹⁴ *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969. С. 54.

¹⁵ *Василевич Г.М.* Эвенки... С. 57–58.

¹⁶ *Петри Б.Э.* Охота и оленеводство... С. 82. *Копылов И.П.* Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края (по данным экспедиции 1927 г.). Новосибирск, 1928.

¹⁷ *Василевич Г.М.* Эвенки... С. 73.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Материалы Комитета по развитию...

²⁰ *Бычков О.В., Ямпольская Ю.А.* Указ.соч. С. 69.

²¹ Материалы Комитета по развитию... 2001. Папка «Катангский район».

²² *Андерсон Д. Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.

²³ Краткая информация о коренных малочисленных народах Севера, проживающих на территории Иркутской области. Справка, подготовленная Комитетом по развитию Севера Администрации Иркутской области от 11.08.2000 № 1/23-577 // Архив ИЭА РАН.

²⁴ Материалы Комитета по развитию...

²⁵ *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. С. 180.

²⁶ Там же. С. 68.

²⁷ Краткая информация...

²⁸ *Цивилев Н.И.* Историческое прошлое северобайкальских рыбных промыслов. Улан-Удэ, 1993.

²⁹ Оба были репрессированы в конце 1930-х годов.

³⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1428. Оп. 1. Ед. хр. 7.

³¹ Акт обследования деятельности Наканновского тузсовета прокурором Власовым // Копия пронумерованного дела из архива Ербогаченского сельского совета. Хранится в личном архиве автора.

- ³² Материалы Комитета по развитию Севера...
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ПМА. 2000. ПД. Л. 25 об.
- ³⁶ Правда Севера. 18.01.1997.
- ³⁷ Краткая информация ...
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Правда Севера. 1998. 22.08; *Копылов И.П.* Указ. соч.; *Кривоногов В.П.* К современной этнической ситуации в Тофаларии // СЭ. 1987. № 5. С. 81.
- ⁴⁰ Интервью с главным врачом Качугской районной больницы Н.Н. Сафоновой. 2001. С. Качуг.
- ⁴¹ Статистические данные по Иркутской области. 2000 г. // Архив ИЭА РАН. Б/н.
- ⁴² Интервью...
- ⁴³ Численность и состав населения народов Севера... С. 66–67.
- ⁴⁴ *Рагулина М.В.* Коренные этносы Сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000.
- ⁴⁵ Там же. С. 142.
- ⁴⁶ Краткая информация...
- ⁴⁷ *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 110–114.
- ⁴⁸ *Patty A. Gray.* The Obshchina in Chukotka: Land, Property and Local Autonomy // Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Papers. Halle/Saale. 2001. Working Paper. No. 29.
- ⁴⁹ Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета. 25 июля 2000 г. С. 3.

Копылова Таисия Иннокентьевна

1928 года рождения, пенсионерка. Живу в д. Вершина Туруры Качугского района Иркутской области.

Нас у мамы было 12 детей, живы остались семеро. Сейчас нас осталось трое сестер. Одна в Бохане врачом работает, младшая у дочери живет. Она на весну и лето приезжает сюда на родину. Бурятская родня у нас есть. Дочь у меня в Усть-Орде живет, ее муж бурят. У сестры Жени муж бурят, в Бохане живет. А у Зинаиды здесь русский был.

Дед чистокровный эвенк был, мама тоже. На Родительский день (*Радоница или день поминовения усопших, на второй неделе после Пасхи – А.С.*) всегда ездим на старое кладбище, поминаем деда. У мамы девичья фамилия была Сокольниковы. У нас фамилии заимствованы от русских, какой поп крестил. В Бирюльке церковь была, маленькую меня там крестили. У меня в родне были одни эвенки.

Наши родители раньше жили в Дудовке, по Лене. Я там родилась. В основном две фамилии были – Сокольниковы, Корнаковы. В Дудовке были свои дома. Небольшая деревня была, улицей.

В Дудовке были только начальная школа и ликбез, папа ходил в этот ликбез. И меня с собой брал. Учительница была русская, красивая, молодая. И так мне интересно было, взрослые мужики сидели за школьными партами. И научился потом свою фамилию писать, расписываться. Учили по-русски буквам, математике. Был движок, кино показывали. Кино было немое. Аппарат ставили на скамейку и крутили по очереди.

В 1938 году сюда переехали из Дудовки на своих оленях – младшую сестру в зыбке привезли. А я окончила первый класс. Перешли сюда, потому что эвенков объединяли в Тутуро-Очеульский туземный совет. Много народу в Дудовке жили, все переехали в Тутуру, на культбазу.

У меня дедушка оленеводом работал. Стадо большое было, до 600 голов доходило. Потом в экспедиции начали

раздавать, дошло до 300, и нас из колхоза в зверопромхоз перевели. А в промхозе мы стали как штатные охотники, но олени еще были. А потом через год-два олени не нужные стали, потому что оленеводам платить, и олени сами будто ходят. Решили где-то в области ликвидировать их. За два года ни одного оленя не осталось.

Оленей не стало – скучно стало. Олень есть олень – ему сено косить не надо. Ягель есть. Тайги у нас много выгорело, 50%. Горит в основном от халатности, от костров.

Мои родители: папа был хороший охотник, мама – оленевод. У нас олени свои были. Оленей держали много. В лесу жили летом, в октябре-ноябре белковали, охотились, а потом отпускали оленей на зиму и в деревне жили. И весной в апреле, когда отел начинается, опять уходили в лес, собирали их, привязывали. Летом делали огороды, загоняли, чтобы доить иногда. Молоко было. Дымокур делали в жаркую погоду. *Самнин* называется, а молоко *уккумни*. Я говорю по-эвенкийски. У меня племянник любит по-эвенкийски разговаривать. Он живет в Братске, жена русская, и по-своему сам с собой разговаривает. Сюда приезжает, по-эвенкийски говорит. Молодежь никто не говорит. Эвенкийский язык преподают в школе, но не интересуются дети, не стараются.

Эвенк Харитон Харитонович (*Дорофеев* – А.С.) был директором школы и вел уроки в начальных классах. Здесь семь классов закончила. Потом в Качуг поехала, окончила учительские курсы и с тех пор работала учителем в начальных классах, в русских, бурятских деревнях. Потом сюда приехала и замуж вышла, и тут и обосновалась. Так-то дружно мы живем, но бывают небольшие конфликты. Вся деревня обрусела, тунгусов-то чистых не найдешь.

Я шью унты, бисер собираю, выделяваю. Пока сохраняются умения, как выделявать, шить.

В эти года начали садить, выращивать картошку, овощи. Климат у нас суровый, плохо растет. Инея падают летом, в конце июня, трава замерзает, бывает, что ореха замерзает, ягода. Вот эти два года ягода замерзает постоянно.

Начальство нам ничего не помогает. В Усть-Орде магазин специальный для ветеранов, авансируют. А у нас нет. У нас магазин сельпо. Даже сахара нет.

Законов никаких не знаю. Про 10-летие не слышала.

Галина Иннокентьевна Скорнякова

1. Я пенсионерка, родилась в 1937 в Чинонге. Я тунгуска. У меня отец был с деревни Новоселова, с реки Киренги. Мать русская, из деревни Бирюльки, отец – чистый тунгус. Они дружно жили.

Мой муж был тунгус с Нюруткана. Сейчас никого нет чистых тунгусов. Все смешанные. А все равно себя считаем эвенки. Это не из-за льгот. Не знаю, видимо, по отцам. Детей у меня было много – семеро. Надо было их рóстить, день и ночь работала в колхозе, потом в промхозе. Ловили и засаливали рыбу, собирали ягоду, делали кожи, шили рукавицы. Вот и руки-то теперь и болят. И до сейчас шью. Девять внучат у меня всего, один правнучек.

2. Телевизоров нет, света нет. Почта ходит в месяц раз, радио есть. Здесь школы нет. Начальную строили четырехлетку и попустились (*бросили* – А.С.).

Осталась одна охота, рыбалка и все. Раньше мы в промхозе работали, все-таки что-то зарабатывали – ягоду сдавали, рыбу. Заставляли еще всякие почки да листочки собирать и сдавать. Копейка шла. Заработаешь – получишь. А сейчас некуда сдать. Никто не принимает. Раньше бруснику, клюкву собирали, она же ценная. Кислицу, смородину сдавали. Сейчас ху-у-уже стало. Наши мужики взяли бы да ушли в промхоз – лучше бы было. Нам бы, может, и солярку возили, и дизель, может, стоял бы. А теперь кого? Община ху-у-уже. Рады бы вот рыбу сдать, ягоду сдать летом, а куда сдашь-то, кто возьмет? А промхоз был – у нас хорошо было. Если они рыбу заготавливали – вертолетом увозили. Но опять деньги тогда не считали.

Ой, летом хорошо у нас, черемуха цветет, тополь. А осенью опять выйдешь – желто, и все равно красиво. И кто приезжает, говорят, вода у вас хорошая. Вот поверите – я четыре чайника выпиваю.

У меня корова сейчас одна, да две телки. Мы сейчас без коня остались, а без коня тут как жить? Дрова, сено надо возить.

3. В Нюрюткан я вышла замуж, там жили летом в юртах, а зимой в избах. А хорошо в юртах жить. У меня есть юрта, там я кожи дымлю.

Я захватила оленей в Нюрюткане. Отсюда до Нюрюткана 60 километров примерно. Я туда вышла замуж, и там олени были колхозные. Мы на оленях и на Уян ходили рыбачили, по ягоды – на оленях везде. Кони тоже были. А потом нас перевели из колхоза в промхоз, оленей-то забили. Это примерно 1965 год. Это приказ был. Ну, где бы тангусы оленей убили, они же кочевали, и на охоту осенью идут на оленях. Но был такой приказ от директора промхоза.

В Мурины у нас деревня была и в Нюрюткане деревня была, дома стояли. Потом этот же промхоз приказал согнать нас сюда, в Чинонгу. Пришлось кочевать.

Раньше вообще капканы не знали, всегда охотились с собаками по мелкому снегу. Охотник на лыжах камусных – *дюлбоки* по-тунгусски – это из козульей шерсти шьешь и надеваешь на лыжи как чехол. Внуки на охоту ходят. У нас восемь собак. Братовых держу, да знакомых с Качуга. Раньше соболя не было, в основном белка. Где-то в 1950-х годах в Нюрюткане появился соболь. У нас такой обычай – добудут зверя, всем раздадут, хоть по маленькому кусочку. А вот в Караме, Тутуре нет этого. Они, говорят, все скрывают.

5. Язык эвенкийский знаю. А вот, ребята не смогли выучить. У меня, вот, старший сын-то еще понимает, мало-мало разговаривает, а эти не могут, не понимают. Везде по-русски теперь говорят. А я когда вышла замуж, тоже не знала эвенкийский язык. У меня свекровка по-русски вообще худо говорила, все по-тангусски. Где пойму, где не пойму. А потом научилась быстро. И муж стал по-тангусски со мной разговаривать. А сейчас говорю со стариками – вот бабушка Дуня ко мне придет, мы по-тангусски разговариваем.

Религия православная у нас. Шаманство раньше было, но сейчас нет. Вреда никому шаманы не делали. Они все знали вперед.

Раз два шамана поспорили. Дед Степан говорит: «Я пуцу ветер и вы не уплывете через озеро». А дедушка Дмитрий говорит: «Уплыву». Но они сели с мамашей, поплыли. Был июнь, ясно и тихо. Как он ветер откуда-то пригнал... И как на

озере волны пошли. И они вернулись. И дедушка говорит: но, Степан, ты меня сильнее. Они, видимо, силой мерялись. Вот это я помню – я тогда моло-о-оденька была, мне диво стало, диво. Откуда он ветер-то этот пригнал?

Перед охотой раньше брызгали. Водки не было, тарасуном (*молочной водкой* – А.С.). Говорили, какая будет охота. Они зажгут вереск, и из бутылки ложкой нальют в огонь печки и брызгают. И потом ложку бросают, смотрят, как упала.

Есть у нас молодежь, выделывают кожи на заказ. Их же шьешь да продашь, хоть какая-то копейка. Пенсию я заработала маленькую. Я зарабатывала хорошо, по 70 пар рукавиц сдавала за месяц.

У нас тут не было экспедиций, а в Тутуре приходила за оленями экспедиция. В Тутуре много оленей было, а сейчас-то тоже нет. Тогда промхоз стал, и все. У нас оленей тут 30–40 было на всех. Но хватало вообще-то, кто покочует, но пять возьмет оленей. Они были общие. Их держали на вольном выпасе. Летом оленеводка отдельно была. Она следила за дымокуром для оленей, они ее знали. Как крикнет: «Хэй, хэй, хэй, модо-модо», – о-ох, бегут! (*смеется* – А.С.). Сразу соли даешь им на руке, вот они и ручные. Мы их доили. Молоко жирное, густое. Моя свекровка делала сметану, с коровьим молоком смешивала.

Рыбачили. Хариусы у нас тут, сиги, вальки, ленки, таймени. Хорошая рыба. Нам с сестрой доставалось: братья в армию ушли, а мы день косим, ночь рыбачим. Вот теперь у меня руки и ноги отказывают, болят.

4. Здесь в деревне в основном звенки живут. Ну что, все у нас дружно так живут, тунгусы одни, русских несколько. Конфликтов нет. Димка русский, но он отунгусел, тангус стал. Вреда никому не делает. Все его уважают, что надо – помогут. Вот мой внук – тот раз морозы-то были... – два воза дров ему привез. Но как? Человек-то не будет же замерзать, не-е-т. Да, друг другу здесь помогают.

К нам больше зимой ездят с Качуга, а летом – с Карама на моторках. Сейчас редко стали, потому что бензин дорогой. Они в основном картошку нам возят.

Раньше не сажали овощи, а теперь вот все стали садить. В прошлом году у нас хорошие были свекла, морковь, поми-

доры, огурцы, а вот картошка замерзла. Овощи мы закрывали все время. Зато свое, свеженькое едим сколько надо. У нас тут двое арбузы начали садить.

Хуже и хуже будет. Нас русские подавляют, вот что я вам скажу. Обижайтесь – не обижайтесь. Вот посмотрите, какая весна будет. Рыбы-то с чего в Киренге не стало? Рыбы в мае играют, икромет бывает. Все ловят и ловят, приезжают на машинах из Качуга. Надо бы как-то их предупредить. Мы-то жить хотим, у нас последнюю они выловят. Вы понимаете это? Как ему запретишь, он же удит. Они все к знакомым приезжают, вот и ко мне приезжают, свою компанию везут. А ты не запретишь.

Я всем шила качугским. За продукты. Надо мне и картошку, и шерсть надо носки вязать.

У нас такого нету, чтобы землю делили. Наоборот, отдаешь – вскопай, посади картошку. А охотничьи участки все разделены. Каждый свой участок знает, куда идти. Сколь годов-то разделено. Каждый за своим участком следит. Зимовья там у них.

Промышленности тут нет. Мы не слышали, что на Ханде газ нашли, ничего никто нам не говорит. Слыхали, карамские нанимали кого-то ямы копать. Свет проводить, водяной.

В 1985 году это было. Нас даже не предупредили. Прилетает какой-то военный вертолет, все бегают. Сейчас, – говорят, – убьют вас здесь. Мы все плачем. Старухи плачут. Все что сумели, схватили... Собрали нас, увезли в Шевыкан и ничего не объяснили. Это было в марте месяце. Главное, торопили нас. Потом нас туда-сюда возили, хозяйство же осталось – коровы, собаки. Мы воду натаскали, сено навалили, собак мало-мало накормили. Опять увезли на машине. А почему так делали? Что-то, говорят, отравленное бросили. Вот на Шоне яма. А сейчас лес-то у нас изменился. Голубицы не стало, что-то сделалось после этого. Природа изменилась. Какую-то кислоту, что ли, бросили. Брусника раньше никогда не плесневела, а нынче какая-то роса у нас пала, кусты желтые стали. Все грешат на то, что к нам летал вертолет, вывозили-то нас.

6. У меня маленькая пенсия, 540 рублей. Кто-то работал, кто-то не работал, всех сравнивали. Почему так? Почти у всех одинаковая.

Ассоциаций нет. Законы никакие я не знаю.

*Шорстов Анатолий Георгиевич**

Мы тунгусы себя называем. А так-то пишемся – эвенки.

Охотимся, добываем по 200–250 белок в хороший год. У нас, как по старинке: отохотился, и лишнего не бьем. Расплодение-то нужно. На своем участке, сколько осталось – на будущий год. С октября до декабря, до конца, от снега зависит. Если снег не завалит, можно и до Нового года. Угодья вообще-то наследственные, но у каждого акт разрешения есть на участок. На ондатру иногда другой участок бывает. У кого, может, два человека стоит на участке, у кого один. Это дело охотника.

И охотятся, и коней имеют, а на них мало ездили. На нартах в основном. У нас отец всю жизнь коня продержал, но ни разу на коня не садился, все на себе. Я не знаю. Да все здесь так. Есть у нас зверовые собаки, есть на мелочь (*пушных зверей* – А.С.).

Здесь колхоз же был, и олени были. Раньше отец не выходя из дому охотился, вот тут. Оленей все равно диких меньше стало раз в пять. На Тонгоду раньше поедет – добудет. А теперь этот БАМ прошел и все, дорогу перегородили. И оленей сразу меньше стало. А может, они курс изменили. И в Тутуре оленей меньше стало. Они сюда доходят, но мало. Да их там, наверное, тоже бьют.

В общине все зависит от пушнины. Добудем если – сдадим начальнику, вроде получше проживем, а если не добудешь – ну что сделаешь? Сейчас хорошо бы поохотились – дали бы дизель новый.

* Анатолий Георгиевич родился в 1957 году. В разговоре принимает участие *Владимир Поликарпович Скорняков*, 1951 года рождения. Оба охотники и рыбаки, официально безработные. У Анатолия Георгиевича есть семья, Владимир Поликарпович разведен, есть дети, живет один.

Ловим рыбу на искусственную наживку зимой (подледный лов).

Здесь картошка растет, но плохо. В июле, в середине лета иней ботву убивает. Теплицы есть, но мало. Меняем обычно клюкву, бруснику.

Для всех надо менять что-то. Хуже стало здесь – хуже стало там. Здесь же все взаимосвязано. Раньше кусок мяса стоил нормально, корову заколол – это деньги, можно много купить на них. А сейчас? Раньше мы и рыбы много добывали, по 3–5 моторов привозили. А сейчас кто купит, 25 тысяч стоит мотор. Раньше он стоил 150 рублей. Раньше в ПОХ сдал продукцию и еще от зарплаты добавил и на эти деньги ты купишь мотор, технику и продукты наберешь. Я, вон, училище в Иркутске окончил в 1977 году на киномеханика, мне здесь платили 50 рублей, отправляли в город меня, но я деревенский, конечно я домой. Я на 28 рублей на полставки работал, получал зарплату. И кушать у меня было, и мука была, и масло сливочное даже покупал. Бабушка у меня 8 рублей колхозной пенсии получала, говорила – это много. Бывало, рыбу даже зимой, когда дорога была, вертолетом вывозили. Раньше надо было в Качуг срочно уехать, какие дела есть – вертолет – раз – и слетал. Два раза в неделю летали рейсовые вертолеты. А сейчас уехать – проблема.

При коммунистах лучше жили. А сейчас на нас кто будет смотреть? Никогда не забуду. Скорняков на пилораме работает с бригадой, а раньше был директор промхоза Кононенко. Ну, че-то его бригада загуляла. Его директор вызывает к себе и говорит: Ты, ты, ты и ты – уволены. Кроме Скорнякова. – А его-то че? А он, – говорит, – в Красной книге записан (*дружный смех* – А.С.).

У нас в верховьях, я заметил, который год кислотные осадки выпадают. Придешь осенью – листья, будто кислотой облиты. Раньше брусничные листья чистые у нас были, а теперь черные пятна, болезнь. Березовые веники ломаешь и то выбираешь, ходишь, тоже болячки. И в верховья вот так заезжаешь весной, крупная рыба кверху пузом. И вот, после этой стрельбы сколько лет уже прошло. Орех-то мы били, а ореха теперь вообще нет, сколько лет. Последний год в 1986 -й орехи добывали. Осенью вывозили нас. А по охот-

ничьим участкам вымпела скидывали. У Ковылей взрывали, охотники воронки видели от взрывов. Они стреляли тогда в гольцы, в верховьях, за Ковылей. Я ездил, видел. После того через два года приезжали, ступени искали.

Зверя не стало. Видать, климат изменился. В Тутуре есть, и орех, они ореха нынче хорошо добыли, и ягоды добыли. Сдавали они, ягода, правда, дешево принимается, урожай у них лучше опять. Раньше вальки – рыба такая – только в верховьях была, мы ее ловили, а после этого она спустилась вниз, видно, из-за радиации. Нынче вообще я не добывал. А Карамские (*мат* – А.С.) за каждым разом добывают. Они больше нас рыбы добыли. Она вся вниз скатывается. Проблемы такой не было.

Слышали, с Ханды отсыпка дороги идет до Карама. Я слышал, ниже Карама нашли урановые рудники, уран хотят добывать. Помрем сразу (*смеются* – А.С.). Дорогу уже сделали. Трассу отсыпали. Уже года три-четыре давали деньги, чтобы люди переехали в другие районы. Мини-ГЭС водяную хотят строить.

В районе близко леса нет уже. Уже в Шевыкане, Красном Логе пилят. Причем, не спрашивая начальника общины – как же так, нам дано в пожизненное пользование, в аренду с правом наследования передать сыну своему свой участок можно.

Эвенкийский язык понимаю, что надо – скажу. Ну, мы со школы, как родители с нами по-русски начали, так и есть. Старшая сестра пошла в школу, вообще не знала русского языка. А потом постепенно научилась. Вот, в Тутуре нулевой класс был, там обучали русскому языку. Русский давался с трудом, а сейчас я свой-то язык забыл. Все на русском общаются.

Вот теперь в Тутуре начали помаленьку, ввели языка уроки – и то язык-то не наш, туринский он, ли, какой, он же с нашим не сходится. У нас с забайкальским сходится.

Здесь, в Чинонге, Скорняковы да Сафоновы. Шорстовы, Болдаковы есть. Раньше же фамилий не было у эвенков, они русские взяли. Раньше школа была в Тутуре. Там интернат был, потом восьмилетка, потом в Ангу уезжали.

У нас раньше идолопоклончество, шаманы были. Сейчас нет. В Караме есть мужик, метис он. Так он... Просто заговоры, да так.

С приезжими мы не ссоримся. Мы знаем, кто едет-то сюда. Сюда в такую даль кто поедет-то? Вот вы же одна не поехали, его взяли. Вот и городской не приедет, чтобы в Качуге сопровождающего не взять, а в Качуге все знают.

У нас тут никакой ассоциации нет. А про то, что есть ассоциация народов Севера, знаем мельком. Про десятилетие не слышали, законы не знаем про народы Севера.

Тот раз дорогу хотели строить через наши угодья, но наши отстояли. Дорогу рубили через кедрачи. Тогда же комиссия с Москвы приезжала, мы вам дорогу отсыпем, по вашему желанию. А мы отказались – зачем? Дорогу сделаешь, и все пропадет. Живем сейчас без лампы Ильича, как будто так и надо. Раньше свет горел, так надо на охоту, на рыбалку ехать, а сериал смотришь. Посмотришь и в темноте едешь и себя же ругаешь. Боевики по телеку страшно было нам смотреть.

Мы заканчиваем разговор, и начинается собрание охотников-общинников.

– Самых главных мужчин нет, в тайге они, – говорят женщины. *(Разговор строится в основном вокруг дизеля – это электроэнергия, которой в деревне нет уже семь лет, вокруг административного управления – А.С.)*

– Раньше председатели сельского совета и исполкома были – по отдельности. А сейчас выберут этого мэра, и сам назначать должен. Зачем тогда народ нужен. У нас закон такой стал, не мы это придумали. Сейчас Путину письмо напишем от нашей деревни, что плохо живем, ни света, ничего нет. Так и надо сделать. *Мужчины смеются:* – Так он вообще работать тогда не будет, только письма читать.

– Да нам надо всю деревню продать за этот дизель. Ты говоришь, что он 100 тысяч стоит, – какие-то деньги нам же выделяют, почему мы должны свои платить. Деньги для народов Севера выделяют. Все зависит от руководителя.

– В магазине ничего нет. Ни лекарств, ни продуктов. Ни керосину, ни солянки, ни известки. Ответ один у всех: денег

нет. – Лекарства пусть везут сюда побольше, хоть продают ли, черт с ним. А то никаких лекарств нет.

– Мы много не просим, хоть свет бы был у нас. Туда, в Туру, дают солярку, там администрация, школа. А здесь люди, люди-то!

– Все купи на свои деньги. И бензин каждому на лето надо. И на что тогда жить, чем питаться? Надо сделать нашу машину, хоть раз в месяц, чтобы был рейс. Продуктов надо везти побольше. Курева мало. Охотникам выделили, а местным поселковым нет ничего.

Начальство приедет, наобещает и ничего не сделает. Может, Путина увидите, или напишите. Мы вообще этого отдела Севера не знаем в Иркутске. У нас никакой ассоциации нет. В газету писали областную, а толку нет.

Татьяна Васильевна Митина

1. 1952 года рождения, звенкийка. Девичья фамилия Каплина, род Пангаракай. Безработная. Образование неоконченное высшее. До сокращения работала в промхозе в швейной мастерской, шила шапки, шубы. Есть семья, муж – русский из Московской области, двое детей. Сестра и брат умерли в молодом возрасте. Брат был оленеводом и охотником, сестра возглавляла национальный кооператив. Живу в селе Ербогачен Катангского района Иркутской области.

Родилась я в Тетее. Там жила до 11-летнего возраста, потом родители переехали в Ербогачен. Родители в оленеводстве работали. У меня биологический отец был русский, а настоящим отцом считаю моего приемного отца, он звенк. Они у Никанорихи останавливались, у русской, когда из леса приезжали, пока дома своего не было. Жила я в интернате десять лет, к родителям только на каникулы. Раньше нас на каникулы возили на оленях в Тетее из Ербогачена, зимой на нарте, летом верхом на оленях. Летом мы шкуры скребли, мяли, бисер собирали (*вышивали бисером* – А.С.), оленей доили, – короче, с утра до ночи заняты были. А если поиграть пойдем – темно – какие там игры?

Нравилось ли мне в лесу? Да как тебе сказать? До интерната я привычна ко всему была, а потом, в старших классах,

уже неинтересно было. Ни книжку летом не считаешь, ничего. С утра до ночи занят, книжку возьмешь, мать говорит: надо работать.

2. Эвенкийский язык с детства знаю, говорю. В первый класс пошла, по-русски до пяти умела считать. Мать рассказывала, поживу здесь, в Ербогачене – только на русском шпарю, в Тетее поживу – только на эвенкийском. В первую четверть, конечно, двойки были. Потом я выправились, ударница была. Учились на русском языке, эвенкийского не было.

Вначале в интернате постоянно ербогаченские с нами дрались. А потом такого уже не было. В интернате, правда, хорошо было. Старшие над младшими шефствовали, в баню вместе ходили мыться, помогали форму готовить. Не как сейчас – без присмотра. Воспитатели все хорошие были. Дружно жили раньше.

3. Власти нормально относились. Колесников у нас, Михаил Алексеевич, директор промхоза был, так все время к нам приезжал. И начальства раньше никто не боялся, к властям запросто ходили по любому вопросу.

С русскими нормальные отношения были. Никаких угодий раньше не было, охотились все. Да ради Бога, никаких границ не было, я не помню такого. Наши угодья были от Дагалдына до Пурульмы, до Тетеи ходили, примерно 200 га было нашей земли, а сейчас кусок остался, 3 на 5 километров. На наших угодьях сейчас все начальство – Костырев, Кронштейн, Хадаханов. Хадаханова-то я знаю, на него не в обиде, его Никанор (*брат, охотник-оленовод, умер в 1990 г. – А.С.*) пустил. Где мне теперь подтвердят, что это наши угодья? Была бы у меня карта, и разговору бы не было. Я все равно пойду в суд, 3 на 5, что смеяться? Кронштейн (*главный охотовед – А.С.*) из промхоза мне говорит: все равно вы не охотитесь, чего вы добиваетесь. – У меня, говорю, сейчас Алешка (*племянник – А.С.*) из армии придет, будет охотиться, Петька (*двоюродный брат – А.С.*) придет. И Митин (*муж – А.С.*) ездил, а в прошлом году первую зиму не ездил, в райкомхозе сказали: или работа, или на охоту. Договориться нельзя. Конечно, ему работа важнее, что эта охота – добудешь – не добудешь, тем более такой охотник. Они сейчас знаешь, что говорят? Что мы работали в оленеводстве и по-

этому летом везде кочевали, летом же не охотишься. Поэтому и ездили везде и строили свои избушки, и это не доказательство.

Сейчас в промхозе оленеводства нет. У нас оленей тоже нет. Остальные частники-олeneводцы. У Сычегиров, Галиных да у Моряка немножко оленей.

Должно быть так: если говорят, что родовые угодья, пусть они родовыми и будут. Зачем, кто отбирать должен? Другие тоже не всегда на своих угодьях охотятся. Мало ли, кто заболел или что? Нет у меня сейчас возможности охотиться. Выйдем на пенсию, и будем охотиться. В аренду прекратили участки давать. Уже за всеми закрепили. Что мне делать? Карту искать? Куда идти?

Моряка (*прозвище звенка* – А.С.) взяли, сократили как охотника в промхозе. Знаешь, из-за чего? Моряк сдал шкурку соболя не в промхоз (*по-прежнему Таня продолжает называть Акционерное Общество промхозом* – А.С.), а в другую организацию, а Андреев (*директор Акционерного Общества* – А.С.) узнал и сократил его. Нет, территорию не отобрал. До смешного доходит. Русланка у нас уборщицей. Ей братья дали соболя. Ну, не было в промхозе денег, естественно, она пошла в другое место, где еще подороже принимали. Почему она не может сдать, куда хочет? Так директор пришел и сказал ей: увольняйся. И причину потом нашли и ее уволили из промхоза. В страхе людей держит.

Тут, видишь, какое дело: многие приезжают и только скупают пушнину, ни ружей не выдавали, ни продуктов. Они не обеспечивают. В промхозе в основном снабжают охотника продуктами, а наличку дают только на бензин. В промхозе в этом году цена была выше, чем в «Гиркил» (*родовая община* – А.С.), и все туда старались сдавать. Где выше цена, туда сдают.

Раньше никаких договоров не заключали. Сами затаривались на весь год. Раньше все лабаза загружены были: едешь, у тебя там мука и там мука. Если мы все лето кочевали, ты прикинь, с такими оленями, где набегаяешься? По всем лабазам было развезено. Зимой все завозили – и муку, и сахар, и масло коробками. Деньги были. Их на книжку переводили и наличными давали. Не было проблем. Мои родители зараз и домик вот этот купили, хотя тоже дорого было

по тем временам, 700 рублей. Раньше больше денег платили. Тебе говорю, сейчас охотник охотится только за то, чтобы расплатиться за уже взятое, а не что-то приобрести. А раньше человек спокойно охотился, у него долгов не было.

Охотники сейчас сами завозятся на промысел. Или на вездеходе мужику платят. А раньше, конечно, было лучше организовано – и на вертолетах забрасывали заранее. Ты мог потом спокойно на Буране приехать на свои угодья, а у тебя там уже все есть. Раньше у людей денег больше было. Трудились наперед, а не как сейчас. Сычегирские (*семья кочевых эвенков* – А.С.) молодцы, конечно. Они как раньше жили, так и сейчас живут. Мужиков много, – Петька, Ванька, отец охотится до сих пор. Ленка сама иногда бегаёт на охоту. Файка – помощница по дому. Ленка приедет, все закупит, она же не как все, не пьёт.

Я все умею делать. И шкуры выделывать, и ровдугу. А тяжело – поскреби-ка. Только нитки сохатиные из жил сучить не научилась. Мать меня сколько учила – бесполезно.

Я во все верю. В приметы верю. И в Бога верю. И в огонь верю.

Я уже не верю в родовые общины. Год прошел, а что они, эвенки, лучше увидели? Охотники приходят, они даже с долгом не могут расплатиться. Не каждый охотник себя может обеспечить на охоту. Что она, эта охота? Год один добудут, а второй сидят.

У нас сейчас никакой общественной организации нет. И в администрации нет никого по народам Севера.

Заклучение

В книге «От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века» дан срез перестроечного десятилетия для народов Севера, живущих в трех субъектах Российской Федерации: Магаданской обл., Иркутской обл. и республике Саха (Якутия), в которых автор проводила полевые исследования в конце XX – начале XXI веков. Из научных текстов и интервью с представителями народов Севера видно, как напряженно шел процесс их встраивания в новые социально-экономические отношения. В книге на конкретных примерах показаны способы и формы адаптации народов Севера указанных регионов к внешним изменениям, вызванным социально-экономическим кризисом 1990-х годов. В целом для демографического и социально-экономического развития народов Севера были характерны противоречивые тенденции.

В области демографии и расселения на фоне резкого исхода приезжего населения были характерны:

- низкая рождаемость;
- высокая смертность, прежде всего мужчин трудоспособного возраста, от неестественных причин;
- миграции из мелких населенных пунктов в районные центры, города;
- обратная, крайне слабая, тенденция возвращения на места жительства своих предков;
- сокращение числа кочующего населения, т.е. его вынужденное оседание;
- усиление родственных связей, в том числе по линии тайга/тундра–поселок–город.

В области природопользования и занятости в условиях социально-экономического кризиса произошло:

- прекращение государственной поддержки в сельском, в том числе традиционном, хозяйстве и резкое увеличение числа безработных;
- возрастание роли традиционного природопользования: мясной охоты, рыболовства и собирательства для собственного потребления и жизнеобеспечения среди всех категорий аборигенов;

- демодернизация традиционных видов хозяйства;
- возвращение к натуральной экономике, самообеспечению и бартерному обмену;
- тенденция возвращения от моноотраслевого к комплексному характеру хозяйства;
- снижение поголовья оленей и в некоторых регионах полное исчезновение оленеводства;
- некоторое увеличение транспортной составляющей в составе оленепоголовья;
- сокращение или полное исчезновение введенного в советский период клеточного звероводства, прекращение сбора дикоросов;
- попытки заняться «нетрадиционными» видами хозяйства, включая золотодобычу, с целью выживания и жизнеобеспечения;
- усиление браконьерства в охоте и рыболовстве с целью жизнеобеспечения.

В области землепользования, в связи с неясностью статуса официального землепользования после роспуска совхозов, были прослежены следующие черты:

- в целом более хаотичный характер кочевания;
- изменения миграций кочевников в сторону кредитоспособных пунктов обмена, с одной стороны, и к родственникам, с другой;
- сокращение ареалов кочевий при возросшей конкурентной борьбе за землю со стороны различных землепользователей;
- недоопромысливание отдаленных угодий охотниками;
- возрастание конкуренции в использовании ближних охотугодий;
- стремление закрепить земли традиционной хозяйственной деятельности на территориально-субъектном уровне.

В результате прекращения государственной поддержки в сельском, в том числе традиционном, хозяйстве, переконфигурацию испытали подавляющее большинство хозяйственных коллективов, что выразилось в:

- организации бывших работников совхозов, промхозов, коопзверопромхозов в небольшие кровнородственные и территориально-соседские коллективы, которые на том этапе получили разные официальные названия и разный статус – «родовые общины», оленеводческие крестьянско-фермерские, охотничье-промысловые хозяйства в Якутии и Иркутской обл., «хозяйствующий субъект аборигенов» (преимущественно в рыболовстве) и крестьянско-фермерские хозяйства (в оленеводстве) в Магаданской области;
- выдвижении руководителей новых хозяйственных объединений и создание базы этих объединений в поселках;
- создании новых форм хозяйственной организации, как например, муниципальных унитарных предприятий в Магаданской обл.;
- разнообразии их половозрастного состава;
- переконфигурации по видам деятельности;
- в отдельных случаях в расширении функций родовых общин до органов самоуправления небольших поселков.

Кризис более всего сказался на тех группах народов Севера, которые вели традиционный образ жизни и одновременно были интегрированы в советскую плановую экономику. Неконтролируемый развал советской промышленности на Севере привел к массовому выезду приезжего населения и исчезновению рынков сбыта продукции традиционного хозяйства, которая предназначалась для рабочих и служащих промышленных предприятий. Прекратились поставки техники, продовольственных и промышленных товаров. Те совхозы, где традиционное хозяйство было модернизировано за счет государственной помощи, новой техники и технологии выпаса стад, – например, в Магаданской области, оказались в наиболее тяжелом положении. В Якутии в целом сохранили транспортную составляющую в оленьем стаде и в меньшей степени модернизировали оленеводство, поэтому, в совокупности с другими причинами, кризис для них не стал так разрушителен. Без финансовой поддержки оленеводства государством – ветеринарных мероприятий, племенной ра-

боты, организации транспорта, выплаты заработной платы оленеводам и чумработницам объединенные стада стали распадаться, а люди стали самоорганизовываться в небольшие родственные коллективы. Центробежная тенденция в конце периода перестройки заменилась центростремительной, направленной к укрупнению хозяйственных коллективов и созданию союзов хозяйственных объединений. В Магаданской обл. именно к этому времени относится создание МУПов (муниципальных унитарных предприятий) в оленеводстве.

Рыболовство на побережье Охотского моря на проходную рыбу лососевых пород стало высокодоходным и одновременно высоко криминализированным. Лимиты на рыбу были недостаточны, постановка на места лова для предприятий народов Севера осуществлялась по остаточному плану. К этому были такие основания, как отсутствие у вновь созданных аборигенных предприятий крупной добывающей и перерабатывающей базы (суда, орудия лова, холодильники и т.п.). Фактически, происходило вытеснение местных из рыбного промысла, а также подталкивание их к браконьерскому лову. Народам Севера в нем не нашлось достойного места.

В охотничьем промысле тоже произошли большие перемены. Ценную пушнину уже не закупало по высоким ценам государство-монополист, оно прекратило снабжать охотников бесплатными боеприпасами, капканами, снаряжением, перестало забрасывать их вертолетами в отдаленные уголья. Закуп пушнины был разрешен частным предприятиям и лицам, поэтому в этой области царил произвол, спаивание и другие неприглядные стороны неконтролируемой государством частной торговли. Мероприятия по обустройству охотничьих участков стали недостаточными. Конкурентная борьба за ближние охотничьи участки возросла, а дальние оставались неосвоенными, из-за трудности доставки туда продуктов, снаряжения. Не имея никакой внешней поддержки, кооперативно-промысловые хозяйства с многопрофильной составляющей распались постепенно, сначала ограничив свою деятельность исключительно организацией пушного промысла, ликвидировав все другие «нерентабельные» отрасли, в т.ч. и производство кожи, меха, сувенирных изде-

лий, «распылив» капиталы и не умея торговать на пушных аукционах.

Так на месте хорошо организованного коллективного сектора экономики на Севере возникли слабые, разобщенные, разделенные, экономически крайне неэффективные предприятия, все усилия которых были направлены на самовывживание и самовоспроизводство. Тенденция к созданию крупных хозяйственных объединений на Севере в традиционном хозяйстве типа муниципальных унитарных предприятий (МУП) почему-то до сих пор не принята во внимание в законодательстве, в отличие, например, от родовых общин. Поэтому только официальная безработица на Севере сегодня превышает общероссийские показатели в 1,5–2 раза. Среди народов Севера высок уровень смертности, в том числе в трудоспособном возрасте по причинам, имеющим социальные истоки.

Негативные тенденции в экономике сопровождались положительными моментами: повышением самоорганизации и самоуправления, выдвижением неформальных лидеров, созданием общественных организаций, переоценкой традиционных культурных ценностей, движением за возрождение языка и культуры. Некоторые «надстроечные» элементы культуры, например, праздники, которые казались безвозвратно утраченными, были реактуализированы и восстановлены, в том числе на основе прошлых научных исследований и музейных коллекций.

Федеральные законы: «О родовой общине коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (1999); «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (2000); «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001) – обобщили опыт регионов, утвердили новые приоритеты. Однако ситуация с соблюдением прав народов Севера кардинально не улучшилась. Продолжается отчуждение основы их существования – охотничьих и рыболовных угодий под различные промышленные проекты. Большие проблемы имеются с правом на первоочередной доступ к возобновляемым биоресурсам, из-

влекемым в ходе традиционного природопользования. В некоторых регионах Севера сложилась угрожающая экологическая ситуация.

На заседании Совета Безопасности РФ в сентябре 2008 г. в Анадыре Президент Д.А. Медведев заявил, что государство должно уделять более пристальное внимание развитию коренных народов Севера. Им было дано поручение Правительству ускорить разработку и принятие Концепции устойчивого развития народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которая была утверждена 4.02.2009 г. распоряжением Правительства РФ № 132-р. В документе сформулированы две трудносочетаемых цели: 1) формирование устойчивого развития малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала; 2) сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей. Поставлены амбициозные задачи улучшения демографических показателей и повышения качества жизни, модернизации традиционных видов хозяйственной деятельности, поддержки оленеводства, создания факторий, поддержки родовых общин, упрощения доступа к образованию и медицине, сохранения культурного наследия. Ни одну из этих задач невозможно решить без усиления роли государства на Севере. И этот процесс, несомненно, будет заслуживать специального исследования.

Научное издание

Сирина Анна Анатольевна

От совхоза к родовой общине:
социально-экономические трансформации
у народов Севера в конце XX века

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Компьютерная верстка:
О.Г. Симонова, Е.А. Юрина
Редактор: О.Л. Милова
Художник: Е.В. Орлова

Подписано к печати 7.12.2010
Формат 60 x 84 1/16. Уч. изд. л. 10,5
Тираж 200 экз. Заказ № 28.

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а